

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2017. Т. 12

№2 (164)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2017. T. 12

№ 2 (164)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутич**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Ф. С. Исмагилова,
докт. психол. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук, доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ФОТОГРАФИИ: ВРЕМЯ ОБРАЗА И ОБРАЗ ВРЕМЕНИ

<i>Котелевский Д. В.</i> Особенности фотографического времени.....	5
<i>Голуб Е. А., Пургин С. П.</i> Снимок как «бросок костей»: роль случая в конституировании времени фотографии.....	14
<i>Сухарева В. А.</i> Фотография, взгляд и проблема реальности	23
<i>Темлякова А. С.</i> Кинематографическое мышление и фотография	29

К IV МЕЖДУНАРОДНОМУ НАУЧНОМУ СИМПОЗИУМУ «АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

<i>Пестова Н. В.</i> «Грезящие юноши» О. Кокошки в контексте венского модерна.....	37
<i>Лобовиков В. О.</i> Математическая теология Гёделя и доказательство вездесущности Бога путем «вычисления» соответствующей композиции ценностных функций в двузначной алгебре метафизики	50
<i>Черепанова Е. С.</i> Философия А. Мейнонга как феномен австрийского реализма: проблема реальности и действительности	58
<i>Кельзен Г.</i> Норма и ценность	71

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Леонтьев Г. Д.</i> Антиутопичность пост-модернизма или постмодерн утопического?	78
<i>Глазырин В. А.</i> Какие институты имеют значение для становления правового порядка: социологический анализ	86
<i>Меренков А. В., Антонова Н. Л., Вандышев М. Н.</i> Лечебно-оздоровительные практики населения в условиях социальной неопределенности.....	92

<i>Прахова Е. В., Смирнова О. Г.</i> Особенности профессионального самоопределения старшеклассников в большом и малом городе	99
<i>Зайко А. П.</i> Социальная активность студентов колледжей в социальных сетях: региональный аспект	106
<i>Нотман О. В., Багирова А. П.</i> Динамика городской инфраструктуры в оценках екатеринбуржцев	113

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Сеидов В. Г.</i> Генезис современной концепции информационной безопасности и роль средств массовой информации и коммуникации в ее реализации	124
<i>Замов Э. А.</i> Современные идейные основы Коммунистической партии Японии.....	131

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Сакаев В. Т.</i> Евразийский экономический союз: политико-демографические аспекты	141
<i>Камынин В. Д.</i> Роль двусторонних соглашений между РФ и странами Центральной Азии в укреплении безопасности в регионе на рубеже XX–XXI вв.	154

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Гудова Ю. В.</i> Культура империи, имперская культура, культурный империализм: осмысление методологических подходов.....	171
---	-----

ПЕРЕВОДЫ

<i>Амвросий Феодосий Макробий.</i> Комментарий на «Сновидение Сципиона» (перевод <i>В. Звиревича</i>)	181
Авторы номера	197
Summa	200

ФИЛОСОФИЯ ФОТОГРАФИИ: ВРЕМЯ ОБРАЗА И ОБРАЗ ВРЕМЕНИ

17–18 февраля нынешнего года в департаменте философии ИСПН УрФУ прошла конференция «Философия фотографии: время образа и образ времени», в работе которой приняли участие ученые, преподаватели, аспиранты и студенты различных вузов Екатеринбурга и Перми, кураторы и руководители фотогалерей нашего города (фотографического музея «Дом Метенкова», Центра фотографии «Март»), а также известные фотографы и художники. Конференция задумана как первая в ряду встреч философов, исследователей в области теории и истории фотографии, социологов, фотографов, художников и арт-критиков с целью организации плодотворного диалога для осмысления феномена фотографии и ее роли в современной культуре. В этом разделе мы публикуем подборку статей, подготовленных авторами для журнала на основе докладов, сделанных ими на конференции.

УДК 77.01 + 778.3 + 159.937.2

Д. В. Котелевский

ОСОБЕННОСТИ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена вопросу о способе существования временности в фотографии. Показывается, что время в фотографии существует двойственным образом. С одной стороны, время присутствует в фотографии как приостановленное, с другой, в силу того что зритель развертывает событийный ряд из остановленного мгновения, оно существует как создаваемое в акте восприятия фотографического образа. Демонстрируется, что такое конструирование временности фотообраза связано с опытом чувственности, поэтому фотография в современном мире оказывается формой проецирования новых форм чувственного. Подобное проецирование пространства-времени имеет онтологический характер и проявляется как результат работы затвора бытия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фотография, фотографический образ, представление, время, пространство, чувственность, затвор бытия, затвор времени, онтология фотографии, Флюссер.

Изменения, произошедшие за последний век в стиле жизни как отдельного человека, так и общества в целом, глобальны и в значительной мере связаны с использованием новых технологий. Очевидно, что данные технологии меняют все сферы человеческой жизни, в том числе и искусство, заставляя пересмотреть его сущность и способ его соотносительности с другими общественными практиками. Основные характеристики данных изменений достаточно отчетливо были зафиксированы уже в работах В. Беньямина, а затем получили развернутый анализ у М. Маклюэна, обозначившего приход визуальной культуры, визуальных стратегий описания и объяснения на смену текстуальным стратегиям письма. Фотография в системе производства визуальных образов имеет особое значение, поскольку, видимо, в наибольшей степени репрезентирует «способ бытия произведения искусства в эпоху технической воспроизводимости».

С момента своего возникновения фотография вступает в сложные и многоуровневые отношения со временем. Так, например, в начальный период своего развития фотография сталкивается с технической задачей сокращения времени выдержки. Глядя на эволюцию фотографии в первые десятилетия ее существования, мы видим, как решается эта задача и как соответственно меняются возможности фотографии. Заметим, что технологическое совершенствование в данном направлении продолжается и сегодня: создаются все более высокочувствительные матрицы, совершенствуются программы работы с фотошумами.

Если отвлечься от рассмотрения внешних технологических моментов, определивших эволюцию фотографии, и сосредоточиться на том, какие приемы фотографы использовали для «работы со временем», то здесь спектр приемов достаточно широк. На одном полюсе — те из них, которые связаны собственно с технологией фотосъемки. В качестве примера здесь можно привести работы Гьена Мили (Gjøn Mili), активно использовавшего в процессе съемок стробоскопическую камеру. Близким вышеупомянутому способу является наложение друг на друга изображений одного объекта, сделанных в разное время, часто с длительным интервалом. Также аналогичным по смыслу предыдущим приемам является длительная выдержка, позволяющая в размытой форме представить движущиеся объекты и фигуры. Еще один прием «представленности» времени в фотографии сводится к созданию серии фотографий. В отдельных следующих друг за другом во времени кадрах серия репрезентирует развертывание событий. Примеров использования данного приема достаточно много, из современных фотографов можно упомянуть Антонио Д`Агату (Antoine D`Agata).

Однако неоднозначность серии заключается в том, что зачастую она лишь мнимым образом представляет время. Так, у того же Антонио Д`Агаты лишь незначительная часть серий фиксирует развертывание какого-то события. Большая часть его серий — это в чем-то подобные друг другу объекты, например, окна домов или жители города. В пределе подобные серии, преодолевая свою серийность, размещают зачастую те же самые повторяющиеся объекты на одном снимке, превращая серию в ритм множественных объектов, как это делает Андреас Гурски (Andreas Gursky). Здесь в качестве примера можно привести его фото «Монпарнас», на котором изображено с предельной детализацией одно из зданий Монпарнаса.

Интересно обратить внимание на то, что «следы» серийности присутствуют и в данной фотоработе, хотя и неочевидные для зрителя. Так, Гурски указывает, что на самом деле был сделан не один снимок данного здания, а несколько, то есть серия, и лишь затем данные снимки были смонтированы в один. Наконец, саму серию можно закольцевать, замкнуть на себе, как это сделал в своей известной серии Дуэйн Майклс (Duane Michals «Things are queer»). Обратим внимание на то, что подобный прием закольцовывания серии стал активно использоваться в современной массовой культуре. Например, клип группы Royksopp «Ere» буквально напрямую отсылает к фотографической культуре и вышеупомянутой серии Дуэйна Майклса. Такая закольцованная серия поначалу при рассмотрении может создать ощущение разворачивания событий, исчезающее в тот момент, когда мы обнаруживаем, что последний кадр оказывается тождественным первому. Тогда мы осознаем, что на отдельных кадрах серии представлены не отдельные события, а смещение точки съемки и игра масштабов.

На другом полюсе способов «представления времени» в фотографии мы видим многочисленные содержательные приемы. В качестве примера такового можно указать на «фильм в картинке» или «кино в одном кадре» Джеффа Уолла (Jeff Wall) и Грегори Крюдсона (Gregory Crewdson). Вышеупомянутые мастера постановочной фотографии, по сути, выстраивают весьма сложный и во многом «кинематографический» сюжет, давая зрителю возможность додумать развитие событий, представленных в их фотоработах.

Очевидно, однако, что вопрос о способе присутствия времени в фотографии несводим к вопросу о технических или содержательных приемах, позволяющих это делать. Данный вопрос имеет более широкий смысл. Для обозначения такого, более широкого контекста уместно обратиться к примеру, связанному с опытом восприятия одной фотографии. Это одна из достаточно старых фоторабот Сергея Рогожкина, екатеринбургского фотографа. На фотографии, где изображен берег пруда или речки, зафиксирован момент, когда мальчик входит в воду. От места в воде, куда мальчик ступает ногой, расходятся круги. Приблизительно в метре от этого места камера зафиксировала похожие круги на воде, как бы обозначающие будущую точку прикосновения ноги мальчика к воде. Следует заметить, что впечатление обозначенности на воде будущего места шага мальчика исчезает при более внимательном рассмотрении этой работы. Становится ясно, что точка, от которой расходятся круги на воде, находится достаточно далеко от мальчика, и, если продлить события во времени, то выяснится, что место, где нога мальчика в следующем шаге соприкоснется с водой, должна быть ближе к нему.

В данном случае для фотографа и зрителя, если они все же таким образом увидели фотографию, это не имеет значения. Фактически на снимке есть размноженный, ритмизированный объект — круги на воде. Одна точка расхождения кругов — место соприкосновения ноги мальчика и воды пруда, другая точка — на расстоянии около метра от берега в том направлении, куда движется мальчик. Очевидно, что, продляя шаг мальчика во времени, зритель с какой-то степенью достоверности помещает этот будущий, не сделанный шаг мальчика еще в одну точку центра расхождения кругов. Конечно, рациональность зрителя тут же

обрывает возможность такого видения, подталкивая к мысли, что, скорее всего, эта, вторая точка расхождения кругов на воде возникла в силу того, что кто-то другой, кто только что вышел из границ кадра, оставил этот след на воде. Хотя, если допустить, что пруд глубокий, возможно, что круги на воде оставлены не человеком, а предметом, брошенным в воду.

Но действительно ли первое впечатление полностью отбрасывается? В значительной мере, пусть признаваемое в качестве невозможного, ошибочного (ведь невозможно же зафиксировать в фотоизображении фрагмент будущего), оно продолжает в какой-то степени определять наше видение этого фотоизображения. Такое скрытое удержание «ошибочного» видения будущего происходит в результате ритмизированности объектов — кругов на воде, которые присутствуют в нашем восприятии как одновременные и как последующие во времени друг за другом.

На наш взгляд, указанное выше фотоизображение, позволяет обозначить горизонт проблемы отношения времени и фотографии. Для пояснения данного положения уместно обратиться к размышлениям Вилема Флюссера в работе «За философию фотографии». Практически в начале своей работы Флюссер пишет: «Значение изображения лежит на поверхности. Это значение можно понять с одного взгляда — но тогда оно останется поверхностным. Если хотят углубить значение, т. е. реконструировать абстрагированную размерность, нужно позволить взгляду блуждать по поверхности, ощупывая ее. Такое блуждание по поверхности изображения можно назвать “сканированием”» [8, 6]. Таким образом, Флюссер фактически указывает на то, что, в силу того что в фотографии наш четырехмерный мир пространства-времени располагается на плоскости, наш блуждающий взгляд, «сканируя», выстраивает определенную последовательность событий фотообраза. «Взгляд, блуждая по поверхности изображения, схватывает один элемент за другим и устанавливает временные связи между ними. Он может возвращаться к уже виденному элементу образа, и из “прежде” получается “после”: время, реконструированное таким сканированием, это время вечного возвращения того же самого», — пишет Флюссер [Там же].

Флюссер не очень актуализирует здесь, как и в других частях своей работы, вопрос о том, в качестве единичных, единственно возможных или множественных и гетерогенных устанавливает эти связи зритель. В целом мы полагаем, что Флюссер склоняется к утверждению множественности этих связей, и такое толкование более имманентно его замыслу. Блуждая по плоскости образа, взгляд выбирает случайную точку и начинает выстраивать порядок временных связей между элементами образа, затем выбирает другую исходную точку, после этого возвращается к начальной точке, помещая ее в уже иной, новый контекст выстраивания событий во времени, и так далее. В итоге происходит конструирование не одного, а нескольких вариантов очередности событий, создание нескольких альтернативных и сопresentствующих вариантов временности. Фотография тем самым производит «перезапуск», «перезагрузку» времени, осуществляя пролиферацию вариантов развития временных рядов и серий.

В этом отношении остановка времени в фотоизображении оказывается мнимой: время останавливается лишь для того, чтобы зритель вообразил различные

варианты событий, выстроил множество линий прошлого и множество вариантов будущего, пересекающихся в точке настоящего, в точке наличествующего образа. Постоянно конструируя время в процессе созерцания фотообраза, зритель создает множественный временной ряд, который не только присутствует как множественность предполагаемых вариантов прошлого и будущего, но и проявляется как множественность вариантов настоящего времени фотообраза. Уместно заметить, что смысл настоящего времени фотообраза, смысл фотографического момента приобретает свое значение лишь в обращенности к будущему и прошлому, которые выстраиваются в качестве воображаемых в процессе созерцания фотографии.

Как в случае рассмотренной выше фотографии Сергея Рогожкина, взгляд производит различные, в том числе невозможные, варианты соединения элементов-событий образа. Такие невозможные и, казалось бы, ошибочные интерпретации на самом деле имеют логичное объяснение: они обусловлены необходимостью включения времени в образ, что, в свою очередь, приводит к искажению образа, к «ошибкам» в его интерпретации.

Очевидно, временность деформирует «подлинную» структуру событий не только на уровне зрителя и на уровне творца произведения искусства, но и на уровне бытия произведения искусства. Если мы выйдем за пределы фотографии, то обнаружим, что, например, в живописи или скульптуре создатель произведения искусства для придания естественности положению тел отказывается от точного воспроизведения действительного положения вещей и изображает их с ошибками. Зачастую положение рук или ног оказывается неправильным с точки зрения репрезентации реальности, а пропорции тела нарушенными. Такие деформации позволяют придать телу ощущение движения, а жесты сделать динамическими.

Подобную ситуацию фиксирует в отношении скульптур Родена Р. М. Рильке. В работе «Огюст Роден» он пишет: «Эти новые жесты особенно интересовали Родена... Они не похожи на движения, запечатленные старой скульптурой, на жесты, где важны только начало и конец» [5, 111]. На необходимость подобных деформаций для изобразительных искусств неоднократно указывали различные исследователи, особенно интересны в данном контексте философские работы Поля Вирилио, В. А. Подороги, М. Б. Ямпольского [1, 4, 10]. Поль Вирилио пишет: «Роден утверждает, что художник собирает в одном-единственном образе несколько разделенных во времени движений, и *если целое ложно в своей мгновенности, то оно правдиво, когда его части рассматриваются последовательно; причем важна только эта правда, так как именно ее мы видим и именно она нас убеждает*» [1, 7].

Временность, энергичность образа приводит к его искажениям на уровне либо практик создания произведения искусства, либо практик взгляда, блуждающего по образу в процессе его рассмотрения. «Правдивость произведения требует, помимо прочего, чтобы пришел в движение глаз (а потенциально — и тело) очевидца, который, чтобы ощутить объект с максимальной ясностью, должен совершить значительное число мельчайших стремительных движений между различными точками этого объекта», — заключает Поль Вирилио [Там же]. Здесь, однако,

возможно следующее возражение: далеко не всегда фотографический образ подразумевает изображение человека. Ведь существует фотография, делающая своим объектом внечеловеческую реальность природы (пейзажная фотография или фотоработы того же Гурски из серии «Рейн») или архитектурные конструкции (в качестве примеров можно привести работы Бернда и Хиллы Бехер (Bernd & Hilla Becher) и их последователей).

На данное возражение можно заметить, что и природа, и архитектурные объекты в конечном счете соразмерны человеку и подразумевают некоторые способы включенности человека в эти пейзажи или конструкции, пусть даже эта включенность существует лишь на уровне взгляда. В конечном итоге ведь человеческий взгляд — это часть перцептивного поля человеческого тела, на что справедливо указывал Морис Мерло-Понти: «Видение — это мысль, подчиненная определенному полю, и именно это и называют ощущением» [3, 278]. В своей работе «Феноменология восприятия» Мерло-Понти неоднократно обращается к теме телесности, видения и синтеза видимых образов. Он показывает, что синтез образа возможен лишь на основе интегрирования ощущений прошлого, настоящего и будущего. Практически аналогично, но в другом, онтологическом контексте, ситуацию трактует М. Хайдеггер, который пишет о структуре пред-намерения. «Толкование чего-то как чего-то по сути фундировано через предвзятие, предусмотрение и предрешение. Толкование никогда не беспредпосылочное схватывание предданного», — пишет Хайдеггер [7, 150]. Далее он продолжает: «*Смысл есть то структурированное предвзятием, предусмотрением и предрешением в-видах-чего наброска, откуда становится понятно нечто как нечто*» [Там же, 151]. Тем самым и Мерло-Понти, и Хайдеггер связывают возможность понимания, в том числе понимания образа, со способностью синтеза времени, синтеза прошлого, настоящего и будущего в акте восприятия и конструирования образа.

Но было бы ошибочно рассматривать подобное свойство как универсальное свойство, проявляющееся одинаково в любом образе. Конечно, до некоторой степени это так и есть, но фотографический образ являет здесь свою особенность, так как способ производства фотографии подразумевает моментальность фотографического образа. Подобные же размышления развивает, уже в контексте анализа фотографии, В. В. Савчук. В своей книге «Философия фотографии», размышляя о природе времени и движения в фотографии, В. В. Савчук пишет: «Дело в том, что существо фотографии раскрывается не в схваченном мгновении, но в завершенном *процессе кристаллизации мгновений* в образ. *Ставшая* длительность фотографического мгновения вбирает *состояние* мира и человека» [6, 50].

Соглашаясь с общими моментами данных умозаключений, мы все же хотели бы обратить внимание на такую немаловажную характеристику, как множественный характер временного синтеза фотографического образа. Иными словами, производство времени фотографии допускает возможность конструирования не одного, а множества рядов порядков временения событий и допускает тем самым присутствие иного времени/иных времен. Фотография потому, с нашей точки зрения, оказывается формой искусства, которая в особенной степени подразумевает присутствие разных порядков событий и раскрывает возможность

наличия Другого времени в фотографическом образе, Другого перцептивного поля чувственности.

Обратим внимание также на то, что особенный характер имеют не только временные, но и пространственные структуры образа. Вполне справедливо Флюссер пишет, что четырехмерный мир пространства времени помещается на двухмерной плоскости. Плоскость не имеет глубины, фотографические образы размещаются на ее поверхности. Взгляд, блуждающий по плоскости фотографического образа, не нуждается в перефокусировке, а отсутствие необходимости перефокусировать взгляд на новых элементах, объектах фотографического образа, проявляется в элиминировании временности перефокусировки взгляда с «близкого» на «далекое» и наоборот при рассмотрении фотографии. Но это не означает, что глубина полностью исчезает. «Глубина рождается в моем взгляде, поскольку он стремится *что-то* увидеть», — справедливо замечает М. Мерло-Понти [3, 338]. Так же как время оказывается свернуто в плоскости фотообраза с тем, чтобы затем быть развернутым воображением в множественность вариантов временности, так и пространство плоскости оказывается развернуто воображением в глубину, столь же множественную, как и множественность развертывающего образа времени.

Таким образом, рассмотрение специфики фотографии позволяет сделать вывод о том, что фотография не останавливает время, а размещает его на плоскости бытия, создавая на этой плоскости такое сингулярное его уплотнение, которое, взрываясь, подобно сингулярности вселенной, приводит к переконструированию, пересборке и «перезагрузке» времени, развертывая его в режиме множественного времени, Иного времени, иного по отношению к единичности и единственности, обозначая выход за пределы классических метафизических конструкций, подразумевающих понимание времени в качестве единого.

Данные формы развертывания свернутого пространства-времени фотографического образа оказываются в то же самое время формами проекции чувственности, чувствования пространства и времени. Флюссер замечает, что «с точки зрения онтологии традиционные образы — это абстракции первой степени, поскольку они абстрагированы из конкретного мира, тогда как технические образы — абстракции третьей степени: они абстрагируются от текста, который сам абстрагирован от традиционных образов, а они, в свою очередь, абстрагированы от конкретного мира» [8, 13]. Оставляя в стороне вопрос о специфике технических образов в сравнении с традиционными, обратим внимание на положение Флюссера о том, что «функция технического образа состоит в том, чтобы магически освободить его реципиента от необходимости понятийного мышления, замещая историческое сознание магическим сознанием второй степени, понятийную способность — воображением второй степени» [Там же, 17].

Флюссер в результате видит технический образ как двойственный. С одной стороны, технический образ оказывается абстракцией от действительной чувственности, он, как было процитировано выше, понимает технический образ как отвлеченный не только от действительности, но и абстрагированный, отвлеченный от текста. С другой стороны, технический образ должен освободить человека от понятийного мышления, сам превратиться, в результате развития технологий,

во что-то вполне конкретное, возможно, даже в более конкретное, чем первичные образы. В своей работе «О проецировании» Флюссер связывает технические образы с темой проецирования и пишет: «...проецирование есть процесс, благодаря которому из абстрактного (точки) проецируются миры, становящиеся все более конкретными» [9, 71–72].

Такие свойства технического образа в действительности позволяют, на наш взгляд, рассматривать его как проекцию чувственности, но подобная проекция осуществляется не в виде понятий, а в форме проекций возможного положения вещей и тел во времени и пространстве. Подобная проекция, по нашему мнению, может быть понята как форма чистого абстрагирования чувственности, выявления чистых форм проецирования чувственности взгляда и тела. Конечно, в современном мире технические образы включены в работу различных программ конструирования этих образов, и здесь Флюссер прав: технические образы поддерживают и являются основой функционирования рекламных объектов, включенных в настоящее время в социальные и экономические системы общества. Но, с другой стороны, поскольку они оказываются абстрагированием от естественной формы чувствования пространства и времени, они проявляют себя как точки пересборки чувствования пространства и времени, как точки создания новых форм чувственности.

К данной ситуации можно отнестись критически, как это и делает во многом Флюссер, обозначив такие формы новой чувственности, как отвлечение от естественных изначальных форм чувственности. При актуализации этих критических мотивов оказываются практически не раскрыты позитивные импликации идеи понимания фотографии как формы абстракции чувственности. Если их актуализировать, то технические образы, особенно фотография, оказываются в современном мире формой активности чувственности, способом, каким продуцируются новые способы чувственности, прощупываются новые ее варианты. Внешнее и мнимое отсутствие временности и пространственной глубины не ограничивает, а, наоборот, активизирует такие способности, которые заставляют придумывать и изобретать эту чувственность.

Фактически развертывание пространственности и временности из точки фотографического образа во многом совпадает в современном мире с формами развертывания чувственности, которые, с одной стороны, конечно, отвлечены от «естественных» форм чувственности, а с другой, в силу абстрагирования от них, приобретают производительную возможность конструирования новых форм.

Здесь интерес представляет также следующее: поскольку проецирующее движение взгляда определяется логикой желания, постольку абстракция чувственного проявляет себя как абстракция не только осознаваемых форм чувственного, но и чувственного бессознательного. Потому фотография говорит не только на языке сознательных образов, но и на языке чувственного бессознательного. Можно сказать, что в фотографический затвор попадает время желания, запускающее механизм флюссеровского блуждания взгляда, управляемого желанием. В таком понимании фотография не только форма производства форм чувственности, но и форма производства новых форм желания, что сближает некоторые моменты

анализа фотографии Флюссера и понимания смысла чувственности у Ж. Делеза. Парадоксальным образом фотографические образы оказываются, возможно, в большей степени воплощающими принцип образа-времени, чем движущиеся образы кино, которым Ж. Делез посвятил свою работу «Кино» [2].

В заключение заметим, что фотография как форма существования образов, которые одновременно остановлены и в то же самое время перезапускаются, приобретает данные свои характеристики в силу того, что время здесь попадает в фотографический затвор. Но сам фотографический затвор, в свою очередь, может быть понят онтологично, как форма останавливающего «экрана» образов Вирилио или как вид хайдеггеровского затвора бытия-времени. В этом отношении сама идея затвора бытия Хайдеггера оказывается весьма продуктивной. Затвор бытия у Хайдеггера не только укрывает бытие, но и осуществляет его удержание. Удержание времени/бытия оказывается универсальной характеристикой, происходит повсюду и различным образом. Сам затвор времени/бытия существует не в качестве единственного, а в качестве множественного и гетерогенного, поскольку регионы бытия обладают способностью затворять друг друга.

По всей видимости, некоторые из регионов бытия обладают свойством затворять время. Например, геологические породы несут отпечатки, следы растений и насекомых, музей содержит отпечатки других эпох. Существуют и формы затвора пространства, таковыми, например, являются современные технические средства транспорта и коммуникации. Сами эти затворы времени и пространства устроены различным образом, по-разному функционируют и играют разную роль в жизни общества и человека.

Фотография в данном отношении не является каким-то абсолютно уникальным явлением, хотя проявляет данную способность особенно явным образом. Развитие современных технологий приводит к созданию множества видов данных затворов. Потому, на наш взгляд, «аппарат» Флюссера как раз может быть понят как вид производства такого затвора. В данном значении аппарат, конечно, это не только фотографический аппарат, а любой аппарат, осуществляющий затворение времени и пространства.

Подобный подход к фотографии, как продукта работы аппарата, в своей работе проявляющего такую фундаментальную характеристику бытия, как затворение времени, позволяет, по нашему мнению, обозначить новые методологические возможности анализа фотографии и некоторых других современных форм искусства с позиций онтологического анализа. В частности, позволяет представить фотографию как игру онтологических форм затворения и удержания времени в фотографических затворах.

-
1. *Вирилио П.* Машина зрения / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб., 2004.
  2. *Делез Ж.* Кино / пер. с фр. Б. Скурагова. М., 2004.
  3. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб., 1999.
  4. *Подорога В. А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995.
  5. *Рильке Р. М.* Ворпсведе; Огюст Роден; Письма; Стихи. М., 1971.

6. Савчук В. В. Философия фотографии. СПб., 2005.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М., 1997.
8. Флюссер В. За философию фотографии / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб., 2008.
9. Флюссер В. О проецировании // Хора. 2009. № 3/4(9/10). С. 65–76.
10. Ямпольский М. Б. Демон и лабиринт. М., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 11 апреля 2017 г.

УДК 778.1 + 159.938

Е. А. Голуб
С. П. Пургин

СНИМОК КАК «БРОСОК КОСТЕЙ»: РОЛЬ СЛУЧАЯ В КОНСТИТУИРОВАНИИ ВРЕМЕНИ ФОТОГРАФИИ

Статья посвящена анализу роли случайности в фотографии. Для осуществления этой задачи выделяются две философские модели понимания случайного. Авторы показывают, что обе они укоренены в фактах языка. Одна из них, связанная с образом броска игральные кости, предполагает автономность случая и может быть применена к описанию того, как складывается в фотографии сюжет. Таким образом, случайность оказывается по отношению к времени фотографии конститутивным фактором. В результате становится возможным определение характера фотографического времени с точки зрения единства в нем длительности и дискретности (прерывности) момента. Момент снимка оказывается продолженным в длительности восприятия, но эта длительность оказывается сама в себе дискретной, специфически прерывистой.

Ключевые слова: фотография, случайное, фактическое, структура времени, длительность, момент.

Роман искусства со случайностью, начатый в первые десятилетия XX в. коллажами дадаистов и автоматическим письмом, получивший развитие в послевоенные годы в музыке, театре, танце, ставит перед философским мышлением такие задачи, которые выходят далеко за границы осмысления собственно художественного. С другой стороны, и само искусство, для того чтобы в соответствии с сократовой заповедью «узнать себя», нуждается в серьезном философском и философско-эстетическом осмыслении случайности. Фотография, коренными своими особенностями непосредственно связанная с тем, что *здесь* («фактическое»), играет в этом романе со случайностью едва ли не главную роль.

Можно выделить в истории европейской философии, начиная с Античности, две модели понимания случайности. Обе так или иначе укоренены в языке, в словах, которые выражают случайное в повседневной речи. Если обратиться к тому языку, который по праву может считаться родным языком европейской философской традиции, древнегреческому, то здесь «случайное» выражается по преимуществу двумя глаголами: τυχάνω (вариант с приставкой συντυχάνω)

и συμβαίνω. В философском осмыслении и оформлении понятия случайного у Аристотеля используется главным образом вторая глагол. В «Метафизике» термин, обозначающий случайное, представляет собой перфектное причастие этого глагола: τὸ συμβεβηκός (единственное число) или τὰ συμβεβηκότα (множественное число). Русский перевод «*привходящее*» является калькой греческого слова: Συμ- от συν — приставка, означающая соучастие или совместность, βαίνω по-гречески значит «шагать, ходить», но также «приходить», «входить» и т. д. Это понятие у Аристотеля и обозначает случай, хотя в «Физике», в «Этике Никомаха», «Большой» и «Эвдемовой», появляются термины, образованные от первого из указанных выше глаголов или связанные с ним: τὸ τυχόν, ἡ τύχη — собств. «случайное», «случай». В обычной речи, равно как и в литературе, в качестве слова для случая использовались слова ἡ τύχη, ἡ συντυχία.

Именно аристотелевское понятие τὸ συμβεβηκός, «привходящее», стало решающим для европейской *философской* традиции в постижении случайного. Под привходящим (как видно уже из *самого термина*) понимаются такое качество, признак, событие, которые хотя и связаны с вещью, *с-лучаются* с ней, но вместе с тем не вытекают из самой ее сущности или природы, ее «*что*», а потому и не являются необходимыми. Определение «привходящего» дается Аристотелем в знаменитой пятой (Δ) книге «Метафизики», которая представляет собой первый в своем роде словарь философских понятий. Их определение, однако, в первую очередь ориентируется на повседневное словоупотребление: «Привходящим, или случайным (последнее добавлено переводчиком. — Е. Г., С. П.), называется то, что чему-то присуще и о чем может быть правильно сказано, но присуще не по необходимости и не большей частью, как, например, если кто, копая яму для растения, нашел клад... И точно так же может какой-нибудь образованный человек быть бледным; но так как это бывает не по необходимости и не в большинстве случаев, то мы называем это привходящим. Так как, стало быть, то, что присуще, есть что-то и принадлежит чему-то, а что-то из присущего присуще лишь где-то и когда-то, то привходящим будет то, что, правда, какой-то вещи присуще, но присуще не потому, что это была именно вот эта вещь, или именно вот в это время, или именно вот в этом месте. Итак, для случайного нет никакой определенной причины, а есть какая попадет (τὸ τυχόν), т. е. неопределенная. Например, если кому-нибудь случилось (συνέβη) прибыть на Эгину, если он прибыл туда не потому, что хотел попасть туда, а потому что его занесла буря или похитили морские разбойники. Таким образом, случайное (τὸ συμβεβηκός) произошло или есть, но не поскольку оно само есть, а поскольку есть другое, ибо буря была причиной того, что человек попал не туда, куда плыл, а это оказалась Эгина» [1, 178–179].

От аристотелевского термина τὸ συμβεβηκός, «привходящее», зависит латинский термин *accidentia*, *accidens*, «акциденция» (случайный признак, случайное), сыгравший важную роль в средневековой схоластике и усвоенный далее философией Нового времени. В отличие от качеств *необходимых*, неизбежно сопровождающих вещь, акциденции — это произвольные признаки, те, которые могут быть или могут не быть в зависимости от внешних обстоятельств. Акциденции или случайные качества в этом смысле противостоят признакам, составляющим

субстанцию вещи. Впрочем, в средневековой схоластике сами акцидентальные признаки делятся на два типа (это деление акциденций также восходит к Аристотелю), а именно на внутренние и внешние акциденции. Так у Фомы Аквинского говорится об «акциденциях, которые привходят к субъекту» (*accidentia... quae superveniunt subiecto*) и «акциденциях, которые неотделимо сопутствуют субъекту» (*accidentia quae inseparabiliter concomitantur subiectum*) [5, 221]. Способность смеяться, очевидно, не входит в определение сущности человека, но она внутренне присуща человеку, неизменно сопровождает его природу. Эта способность, очевидно, представляет собой пример «внутренней (*interior*) акциденции» в отличие от «внешней» (*exterior*).

Обратим внимание на то, в какой степени склоняют именно к такому осмыслению феномена случайного сами слова повседневного языка. Есть некое ядро явления, основное направление внимания или необходимый предмет заботы. Неожиданно к нему привходит (с ним «с-лучается») нечто иное — смежное направление, новый признак, новый предмет. Внимание расщепляется, приходится в той или иной степени учитывать этот новый, появившийся в поле зрения факт. Его учитывают в большей или меньшей степени, в зависимости от того, насколько он влияет на то, что занимает нас в первую очередь. Этот дополнительный, вновь появившийся признак можно назвать «привходящим» или «случайным». Так, у Гомера *τυχάνω* означает, во-первых, «попадать в цель», «поражать». Также — «находить», «заставать». Наконец — «встречать кого-либо», «наталкиваться на кого-то». В качестве вспомогательного глагола вместе с причастием основного *τυχάνω* придает основному оттенок случайности. Но вместе с приставкой *συν-* *συντυχάνω* уже прямо означает «случаться», «происходить». Основные слова в древнегреческом, означающие случай, — *τύχη*, *συντυχία* — родственны этим глаголам. Но также и старое слово в русском языке «лучить» (откуда и «получить» и «случиться») означало первоначально «смотреть за чем-либо, выжидать», а также «метить, попадать, бросать, получать». Приставка «с-» в «случиться» означает, что главная цель корректируется с оглядкой на новое, появившееся в поле внимания обстоятельство. Не иначе и в немецком языке, где случай обозначается словом *Zufall*, случайное — *Zufällige*. Эти слова также философские термины. В них кристаллизуется то, что рассеяно в повседневной речи. *Fallen* в первую очередь значит «падать», существительное *der Fall* — «падение» или «происшествие, случай». Приставка *zu-* может указывать на устремленность к чему-либо, на присоединение, добавление, на закрытие, на завершение процесса. Благодаря ей, таким образом, в *Zufall* или *Zufällige* подчеркивается значение присоединения к главному («ядру») чего-то, что по случаю «падает» вместе с ним.

Отношение существенного (необходимого) и случайного имеет в качестве своего важнейшего выражения знаменитую противоположность *судьбы и случая*. Сначала случай понимался как периферия судьбы, подчиненная все той же самой владычице — необходимости (*Ἀναγκη*). Основное слово для случая, *τύχη*, значило также и «судьба» (ср. у Софокла выражение *ἐξ ἀναγκαίας τύχης*, «по роковой необходимости»). И только в эллинистическое время *Τύχη* («Тиха») сама стала владычицей, обрела автономию, став объектом поклонения в культе.

Данная модель постижения случайного, которая до известного времени доминировала в европейской философии, ориентируется на образ органического целого, в котором главное ядро («сущность»), окружено различными признаками, находящимися в более или менее прямой связи с ним. Можно изобразить это на примере дерева. От ствола, опирающегося на корни, отходят большие или малые ветви, имеющие то или другое количество (случайный фактор!) листьев, но строго определенной формы, обладающих как общими для них всех, так и индивидуальными чертами. Сердцевина явления, или его сущность, представляет собой нечто необходимое, закономерное. Но то, что «прилегает» к нему, может, в известных пределах, быть таким или другим, зависеть от внешних обстоятельств. Также «органическим явлением» выступает и произведение искусства: картина, роман, стихотворение, музыкальная пьеса. Как в любом живом организме, в произведении искусства все его детали пронизаны единым дыханием, единым стилем, дающим его частям характер необходимости. Вместе с тем этим частям или деталям не может не быть присущ и некоторый характер случайности, словно допущена ошибка. Иначе это целое не будет живым явлением, но превратится в механический агрегат.

Применима ли эта *модель постижения случайного* к различным проявлениям и направлениям *современного искусства*, и в первую очередь к предмету нашего главного интереса — *фотографии*?

Предположим, что с помощью этой модели мы пытаемся понять и описать *формирование* фотографического произведения. Следует оговориться, что мы отнюдь не считаем, что любая фотография является произведением искусства. Но все, что о фотографии будет сказано далее, ограничивается исключительно фотографией как художественным явлением. Не должна ли такая фотография всегда содержать в себе определенный *сюжет*? Под сюжетом в данном случае вовсе не обязательно понимать то или иное запечатленное событие (в этом смысле фотография, как и другое искусство, вполне может быть и бессюжетна). Сюжетом в фотографии можно считать любое отношение вещей или «данностей», играющее в фотоизображении формирующую роль. Можно сказать, что фотограф всегда рассчитывает на то, что в его фотографии появится интересный сюжет. Но попытавшись применить к фотографии описанную выше модель, мы столкнемся с невозможностью ее прямого использования. При этом мы заметим и некоторое обстоятельство, напрямую связанное с самой природой этого искусства. Не случайность здесь прививается к стволу необходимости, но, напротив, сама необходимость парадоксальным образом *вырастает из случайного, создается им*. Мы могли бы ожидать, что к тому, что интересует фотографа (тому, *что* он хочет снять), присоединяются случайные детали и, вовлекаясь в сюжет, принимают как бы оттенок необходимости. Не так ли строится сюжет в фотографии?.. Все происходит совсем наоборот. Сюжет в фотографии с самого начала *формируется в поле случайного*, в поле, находящемся под властью ее величества Тихи. Не напрашивается ли вывод, что фотография самим фактом своего существования отрицает (по крайней мере, в своих собственных пределах) предложенную выше модель случайного?

Существует иная модель понимания случайного. Можно попытаться описать ее, как и прежде, оттолкнувшись от тех слов, что обозначают случайность в языке. Среди различных национальных философий Европы есть такие, которые в терминологическом отношении — именно в том, как выражается случайность, — отличаются от большинства других, использующих для нее термины по преимуществу латинского происхождения. Французская традиция, но также еще и испанская. Обе используют для обозначения случайности слово, которое пришло не из латыни. Оно не имеет ничего общего ни с «акциденцией», ни с «контингентностью». Это слово — *le hasard* у французов, *el azar* у испанцев — произошло от арабского слова *az-zahr*, означающего игральную кость или игру, связанную с бросанием костей. Во французский язык оно пришло из испанского¹. Это слово используется как основной философский термин для случайности. Например, у Вольтера в его «Философском словаре»: *Ce que nous appelons le hasard n'est ne peut être que la cause ignoréed' un effet connu* [7] — «То, что мы зовем случаем, не есть и не может быть чем-либо иным, кроме как непознанной причиной известного следствия». Еще раньше у Боссюэ: *Il n'y a point de hasard dans le gouvernement des choses humaines, et la fortune n'est que un mot qui n'a aucun sens* [Там же] — «В управлении человеческими вещами нет случайности, и фортуна — это слово, лишенное всякого смысла». Но вот и у Симоны Вейль в «Марсельских Тетрадах»: *La beauté, c'est l'harmonie du hasard et du bien* — «Красота, эта гармония случая и блага» [8, 889].

Само по себе слово, впрочем взятое в его буквальном (словарном) значении, еще вовсе не свидетельствует о том, что в нем содержится или им предполагается существенно иное осмысление того, что оно непосредственно обозначает. Французский термин *le hasard* вполне может использоваться в прежней, аристотелевской, модели (что мы и видели в цитатах, приведенных выше, Боссюэ, Вольтера, Симоны Вейль — у последней в платоновском, родственном аристотелевскому, значении). Но есть и иная возможность его использования, вместе с ней — иная возможность интерпретации случайного. В слове содержится образ, и этот образ, как можно заметить, не тускнеет, но сохраняет свою притягательную силу. Он выходит на поверхность и заявляет о себе. Вероятно, этого бы вовсе не происходило, если бы в европейской традиции мысли, начиная с Античности, не существовала и не пробивалась время от времени на поверхность иная возможность интерпретации случайного. Образ, хранящийся в слове, — образ игры, образ *броска игральных костей*.

Вспомнится, конечно, в первую очередь знаменитое изречение Гераклита (52 DK): «Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле» (пер. А. В. Лебедева) [6, 242]. Удивительным образом эта мысль подхватывается (и перетолковывается) у христианина-платоника Оригена. Предполагая в своем трактате «О началах» необходимость того, что Бог постоянно творит миры и, сразу после завершения одного мира творит другой, Ориген спрашивает, возможно ли, чтобы заново творимый мир был в точности похож на предыдущий. В возражении тем,

¹ Выражаем благодарность Е. С. Тейтельбаум, А. Э. Буженинову и А. С. Меньшикову за полезные сведения языкового характера.

кто так считает, Ориген приводит образ рассыпаемых хлебных зерен: «То же, что говорят эти самые мужи, похоже на то, как если бы кто-нибудь стал утверждать, что если меру хлеба рассыпать по земле, то может случиться, что и во второй падение зерен будет то же самое и совершенно одинаковое (с падением их в первый раз), так что каждое отдельное зерно и во второй раз, высыпавшись, может лечь близ этого же зерна, рядом с которым оно было некогда в первый раз, и что вся мера во второй раз может рассыпаться в таком же порядке и образовать такие же фигуры, как и в первый раз... Точно так же, по моему мнению, невозможно и то, чтобы мир был восстановлен во второй раз в том же самом порядке, с теми же самыми рожденьями, смертями и действиями» [4, 105]. Не образ ли гераклитова «Дитя» с его «пессейей», на сей раз в маске то ли платоновского Демиурга, то ли библейского Творца у александрийца Оригена?! Не будем сбрасывать со счетов также и владычествующую в мире Тиху с опорой на произвольные и беспорядочные движения семян-атомов по учению Эпикура и его римского последователя Лукреция... Для нас важно то, что мы видим здесь *иную модель постижения случайного*, такую, в которой само случайное отнюдь не играет роль чего-то «привходящего», зависимого, прививаемого как чужая ветвь к стволу необходимости.

Можем ли мы положить эту модель в основу нашей интерпретации роли случайности в фотографии? *Чем* будет здесь случайность, если мы решим, что эта модель подходит для нас? Случайность, очевидно, скрыта в том элементарном обстоятельстве, что в броске костей, раскатывании зерен всегда будут получаться все новые и новые сочетания, что в них не будет заметно никакого постоянства, никакого повторения.

Итак, снимок — это бросок костей. На чем основана аналогия? Бросаемые кости — «данности» мира фактического (Faktizität), мира единичных фактов-вещей, в котором (и с которым) ведется игра фотографа. Далее, фотограф, как и тот, кто бросает кости, рассчитывает на удачный результат, на то, что выпадет «идеальное число». Он рассчитывает на то, что ему, благодаря снимку, *по воле случая* выпадет идеальный сюжет. В сам момент снимка фотограф, как и тот, кто бросает кости, оказывается слеп, он уже никак не может повлиять на исход «броска». Тот, кто бросает кости, может сколько угодно долго обдумывать свой шаг, готовиться к нему. Но и фотограф, как правило, долго готовится к снимку. Часто эта работа является для него важнейшей, решающей. Мы могли бы говорить, что у фотографа есть *идея*. Только эта идея радикально отличается от *замысла* художника-живописца, музыканта или поэта. Идея фотографа, как и ее воплощение, изначально подчинена фактическому и расположена в случайном. Его идея не отделена от самой решимости сделать снимок. Конечно, и эта решимость или задор, присущие фотографу, также сближают его дело с азартом (русское слово, произведенное от французского *hasard*!) игрока, бросающего кости в игре. В целом оба они, тот, кто играет, и фотограф, надеются на то, что абсолютно удачный бросок или удачный снимок достигнет того, что власть случая (вопреки знаменитому стиху Малларме!) будет наконец отменена.

Фотографы, пишущие о своем искусстве, как нам представляется, нередко говорят (или проговариваются) о приведенных выше обстоятельствах. Не их ли

также имеет в виду Картье-Брессон, рассуждающий в книге «Воображаемая реальность» о том, как рождается в фотографии ее сюжет: «Как можно отрицать сюжет? Он действительно необходим. И поскольку наш мир и наша собственная маленькая вселенная наводнены сюжетами, достаточно трезво взирать на происходящее и быть честным по отношению к тому, что ты чувствуешь... Сюжет не сводится к собиранию фактов, поскольку сами по себе факты совершенно не представляют интереса. Важно отобрать их, уловить истину глубинной реальности. В незначительном пустяке порой кроется великий сюжет, мелкий субъективный штрих становится лейтмотивом. Мы видим, заставляем себя видеть окружающий мир как некое свидетельство, и вот оно становится событием и в силу собственной функции рождает ритм, организующий форму» [3, 30].

Предложенная аналогия снимка и игры позволяет нам теперь предметно подойти к вопросу о структуре времени в произведении фотографии. Структура эта, как можно заметить, складывается из двух составляющих: во-первых, мгновения самого снимка («броска костей»); во-вторых, длительности восприятия, в котором оживают те «данности», которые по случаю попали в объектив. Не приходится говорить, насколько не соответствует положению дел обычная фраза об «остановленном» времени в фотографии. Время для нас, пока мы живем, в буквальном смысле остановиться не может! Остановленный миг оживает и длится в нашем восприятии, пока мы разглядываем снимок. В этой длительности длятся, живут те вещи-факты, «данности» нашего мира, которые запечатлены на фотографии. Фотография возвращает то, что когда-то имело место, но к настоящему времени прошло. Ее экзистенциальная структура может быть определена как структура встречи (см. об этом нашу статью в «Известиях Уральского федерального университета» [2]). Но какое место занимает в ней то самое «мгновение броска» — момент, что длился доли секунды, но благодаря которому возможны само протяжение длительности, встреча «вещей» с тем, кто рассматривает фотографию, а также друг с другом?

«Мгновение броска» — условие самой длительности. Мгновение снимка не кануло в Лету после того, как сработал затвор фотокамеры. Оно стало восприятием, оно длится в его длительности, представляя собой своего рода чистое условие, благодаря которому она, эта длительность, разворачивается. Как это возможно? Очевидно, решимость фотографа повторяется в сознании того, кто берется рассматривать фотографию. «Бросок костей» повторяется. Но наша аналогия с броском костей своей логикой влечет за собой другое уподобление. Мгновение снимка — как вспышка молнии, внезапно осветившая мир и выхватившая из него некоторые вещи и обстоятельства. Оно словно разнимает мир, отделяет одни факты от других, запечатленное — от того, что «не попало в кадр». Момент снимка — словно мгновенный разрез мира, но — что для нас сейчас особенно важно — также мгновенный разрез времени.

Момент снимка входит в восприятие, представляя собой его условие. Парадокс заключается в том, что, поскольку длительность восприятия есть длительность *момента*, а момент всегда дискретен, длительность неизменно прерывается. Длительность времени фотографии *сама в себе* дискретна, «обрывиста». Момент — длится,

а длительность — мгновенна. Парадокс не может быть разрешен, если мы рассматриваем момент и длительность в обычной манере по аналогии с пространственными величинами. Но в соответствии с предложенной выше моделью, по которой мгновение снимка подобно броску костей в игре, этот момент должен быть понят с содержательной стороны как *экзистенциальный жест*. Можно сопоставить этот жест с экзистенциалом наброска или проекта (der Entwurf) в аналитике Dasein'a, развернутой в книге «Бытие и Время» М. Хайдеггера. В драматической прозе Малларме «Igitur», равно как и в его поэме «Бросок костей» (Le coup de dés), произведениях, которые стали для философов в XX в. своеобразным интеллектуальным вызовом, этот жест выступает символом важнейшего творческого решения, обнимающего и завершающего жизнь. Хайдеггеровскому «наброску» соответствует у Малларме термин projet, «план», «проект», в корне имеющий все тот же самый «бросок» — le jet. Какой жест соответствует мгновению снимка, которое и длится в восприятии, и постоянно прерывает его? В мгновении, постоянно прерывающем длительность, следует видеть не только обрыв, но «одновременно» и *прорыв*, бросок в будущее. Этот бросок в будущее есть не что иное, как надежда фотографа (отраженным образом повторенная воспринимающим), надежда на то, что ему выпадет «удачное число».

Таким образом, в структуру времени фотографии входят в равной мере как прошлое, так и будущее. Прошное «вещей» оживает в длительности нашего восприятия. Но сама длительность обращена и направлена мгновением броска: она простерта в направлении будущего.

Дело, конечно, в решимости («азарте») фотографа, делающего снимок. Именно этой решимостью и определяется структура времени фотографии. На что надеется фотограф? Можно, кажется, ответить просто: на удачу, на удачный случай. В реальности все обстоит, конечно, гораздо сложнее. Он надеется на то, что в перспективе его расчета дело разрешится абсолютно удачным сочетанием фактов-данностей, что у него сложится идеальный сюжет. В этой надежде все вещи словно выстраиваются в бесконечно углубленный порядок. Они готовы встать в этот сюжет, ждут этого. Мгновение решимости, надежды как прорыв длится в направлении глубины.

Другая сторона указанного выше парадокса: сама длительность обрывается, она мгновенна. Это также обусловлено характером *экзистенциального жеста*, который скрыт в простом мгновении съемки. Можно было бы показать, что этот жест отличается от аналогичного жеста художника, пишущего картину, поэта, слагающего стихотворение, и т. д. Надежда фотографа в сущности слепа. Перспектива вещей, ждущих случая встать в сюжет, на самом деле является сплошной средой, непроницаемой для разума, для художественного расчета. В чем причина? Отчасти объяснением являются технические условия самого дела фотографа. Кисть в руке живописца, карандаш в руке рисовальщика вовсе не то же самое, что камера в его руках. Зависимость от материалов и орудий творчества здесь совсем иная. Но дело не только в технике. Точнее говоря, характер зависимости от техники фотографа проявляет лишь общую его зависимость от мира «данностей», «вещей-фактов»: того круга фактического, в котором и с которым происходит его работа, в котором

существует и сам результат ее — фотоизображение. Для нас сейчас это важно постольку, поскольку позволяет понять, каким образом длительность мгновения, простертая в будущее, оказывается дискретной, прерывной. Фотограф, делающий снимок, как уже говорилось выше, оказывается в сам момент снимка так же слеп, как и игрок, бросающий кости.

Какую бы фотографию мы ни рассматривали: портретную, пейзажную, street-фотографию, — к рассматриваемому взгляду, как правило, примешивается странное, темное чувство, идущее откуда-то из глубины. Иногда это чувство явственно дает о себе знать, сопровождая восприятие, иногда оно безотчетно. Но часто оно единственное и остается, когда непосредственное впечатление от снимка уже почти изгладилось из памяти. Словно прикасаешься к самой темноте вещей, материи тех фактов-данностей мира, что захватывают нас, подчиняя себе. Взгляд останавливается, натываясь на темноту. Перспектива внезапно обрывается. Перед этой стеной мгновения стоит фотограф, когда, рассчитывая на идеальный «бросок костей», он нажимает на затвор камеры.

-
1. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 178–179.
  2. *Голуб Е. А., Пургин С. П.* Фотография как встреча: экзистенциальный аспект анализа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2016. Т. 11, № 4(158).
  3. *Картье-Брессон А.* Воображаемая реальность. СПб., 2012. С. 30.
  4. *Ориген*. О началах. Самара, 1993. С. 105.
  5. *Святой Фома Аквинский*. Сумма теологии. М., 2006. Ч. 1. С. 221.
  6. Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 242.
  7. Dictionnaire de français Larousse [Электронный ресурс]. URL: http://www.larousse.fr/dictionnaires/français/l_hasard (дата обращения: 01.03.2017).
  8. *Weil S.* Oeuvres. P., 1999.

Рукопись поступила в редакцию 15 марта 2017 г.

УДК 77.01:1 + 77.01:111.1

В. А. Сухарева

ФОТОГРАФИЯ, ВЗГЛЯД И ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблеме определения сущностных характеристик феномена фотографии посредством аналитического развертывания ее субъективных и объективных оснований, которые конкретизируются в формах взгляда и реальности соответственно. В результате анализа выявляется проблемный характер данных форм, их внутренняя противоречивость получает теоретическое закрепление в современной философской концепции кризиса репрезентации. Вопрос о природе феномена фотографии решается в нейтральном философском поле проблематики Другого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: философия фотографии, онтология фотографии, проблема реальности, визуальный поворот, визуальная репрезентация, кризис репрезентации.

Что я воспринимаю прежде всего, так это другую «чувственность», и только после того — другого человека и другое мышление.

М. Мерло-Понти [7, 193]

В рамках философского исследования, выбирая в качестве предмета феномен фотографии, мы ставим перед собой двойную задачу. Задаваясь вопросом о сущностных характеристиках фотографии, мы одновременно предпринимаем методологическую «уловку», цель которой — пролить новый свет на старые философские проблемы, имплицитно присутствующие в качестве условий возможности и предпосылок современной философии фотографии. Феномен фотографии принято рассматривать как рождающийся на пересечении двух планов — субъективного и объективного. Поэтому вопрошание о природе фотографии, как вопрошание о пограничном явлении, интересно нам прежде всего потому, что оно особым образом преломляет существующие традиции тематизации и проблематизации соотношения субъективного и объективного и позволяет посмотреть на них под новым углом.

В первом приближении феномен фотографии можно определить как результат моментального столкновения субъекта и объекта, определенных и конкретизированных в формах *взгляда* и *реальности* соответственно. Природа фотографии в этой связи обнаруживает свою многоуровневую структуру и должна рассматриваться одновременно как функция взгляда и как функция реальности, как функция видимой реальности и как функция видимости реальности — во всем доступном для философской мысли многообразии этой функциональной зависимости.

Исторически попытки раскрыть специфику соотношения взгляда и реальности вылились в особую онтологию, центральный тезис которой можно коротко сформулировать следующим образом: быть — значит быть видимым. Апеллирование к этой онтологии (как в позитивном, так и в критическом ключе) свойственно для

феноменологической традиции, и прежде всего для представителей современной французской феноменологии, в частности, для М. Мерло-Понти и Ж.-Л. Мариона: «мир есть видение мира и не может быть ничем иным» [6, 112]; «быть тогда всегда означает быть видимым» [5, 105]. Также эта онтология лежит в основании так называемой *визуальной концепции реальности* (к примеру, П. Вирильо, Ж. Бодрийяр¹), цель которой — постичь сущность реального через его корреляцию с видимым: реальное отождествляется с тем, что визуально репрезентировано.

Упомянутые концепции намечают основные пути развертывания проблематики соотношения взгляда и реальности, которые необходимо иметь в виду. Выше мы приняли допущение или, если угодно, гипотезу, о том, что сущность фотографии схватывается где-то на пересечении взгляда и реальности. Но это схватывание может оказаться успешным только при условии, что нам в принципе ясно, *что такое* взгляд и *что такое* реальность. И здесь мы сталкиваемся с едва ли преодолимым затруднением: и реальность, и взгляд открываются нам как весьма обширные проблемные области. И все же необходимо попытаться дать им более или менее четкую характеристику. Для начала обратимся к проблеме реальности.

Проблема реальности

Реальность приходится рассматривать как проблему, постольку поскольку в рамках современной философии не удастся опровергнуть утверждение о том, что реальность доступна для нас только в качестве репрезентации реальности (оставим в стороне дискуссию об успешности или провале проектов спекулятивного реализма и объектно-ориентированных онтологий, так как это тема отдельного и весьма обстоятельного разговора).

Более того, для современной философии характерно ставить вопрос о реальности как вопрос о дереализации реальности. Последняя связывается с необратимыми трансформациями в способах и формах репрезентации. И главной причиной этих трансформаций считается активное развитие и внедрение новых технологий, а также распространение созданных на их основе нетрадиционных средств выражения, таких как фотография, кино, компьютерные и цифровые технологии (Ж. Бодрийяр, П. Вирильо, Ж.-Л. Марион). При этом наиболее существенные изменения претерпевают способы визуальной репрезентации, провоцируя настоящий методологический коллапс сразу в нескольких отраслях гуманитарного знания: в искусствоведении, в теории культуры, в исторической науке, а также в философии. В этой связи в конце XX в. в научный оборот вошел новый термин — «визуальный поворот» или «иконический поворот» (впервые предложен современным теоретиком искусства Готфридом Бёмом [8, 10]), объединивший разношерстные исследования новейших способов визуальной репрезентации в единое научное направление.

Если обратиться к философскому дискурсу, то можно увидеть, что попытки современных авторов осмыслить новые реалии в терминах категориального аппарата

---

¹ Визуальные знаки и образы — частный случай знаковой концепции реальности Ж. Бодрийяра.

классической метафизики приводят к парадоксальным выводам. Так, процесс дереализации реальности начинает ускоряться и проявлять себя с той большей очевидностью, когда непривычнее становятся новые способы репрезентации. В конечном счете дискурс о реальности подчиняется идее о том, что данная нам реальность с самого начала является дереализованной. Наиболее последовательно эту идею проводит Ж. Бодрийяр, в работах которого часто можно встретить формулировки, подобные следующей: «как ни парадоксально — реальный мир начинает исчезать в тот же момент, когда он начинает существовать» [1, 11].

Разработка тезиса о дереализации реальности динамически перестраивает и наше понимание механизма репрезентации. Старая философская проблема корреляции между восприятиями и вещами самими по себе в этом контексте оказывается бессмысленной. Ведь в ситуации, когда способы и формы репрезентации детерминируют параметры реальности абсолютным образом (так что вариации условий репрезентации дают на выходе принципиально отличающиеся результаты), едва ли можно говорить о том, что концепт репрезентации сохраняет свое привычное значение (значение опосредованного, вторичного представления первообраза [9, 826]). Это значение полностью размывается: мы уже не можем говорить ни о первообразе (реальности), ни о представлении (репрезентации), ни о каком бы то ни было логическом порядке или следовании между ними: ни о первичности, ни о вторичности.

Бессмыслицей оборачиваются и традиционные решения проблемы корреляции, предложенные философами Нового времени. Поскольку одной из главных целей новоевропейской гносеологии (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс и др.) была выработка универсальных критериев и методов, позволяющих критически проверять факты сознания и разграничивать истинные и неистинные представления, то не последнее место в философских поисках того времени занимала тема «гигиены» чувственного познания. Предполагалось, что чувственные репрезентации, при соблюдении определенных условий, могут быть «очищены» и стать адекватными — истинными — образами реальности. Однако в рамках парадигмы дереализованной реальности идея «чистого» восприятия оказывается таким же мифом, такой же иллюзией, как идея чистой и объективной реальности.

Продолжение движения в русле традиционного философствования только углубляет эту терминологическую путаницу: стремление к чистой реальности посредством очищения и совершенствования способов репрезентации лишь ускоряет процесс дереализации реальности, вплоть до ее полного исчезновения, влекущего, в свою очередь, исчезновение репрезентации.

Проблема взгляда

Хотя проблема взгляда тесно связана и даже частично совпадает с проблемой репрезентации, она не может быть полностью сведена к последней. В рамках нашего рассмотрения специфика проблемы взгляда определяется смещением акцента с корреляции между зрительным восприятием и объектом к корреляции между зрительным восприятием и *субъектом* (субъектом как понимающей,

наделяющей значением инстанцией и как набором условий, задающих те или иные характеристики зрительному восприятию). В данном разделе мы более подробно рассмотрим процесс трансформации характеристик зрительного восприятия, как он представлен в философской литературе XX в.

Для этого вновь обратимся к визуальной концепции реальности, в онтологии которой взгляду отводится главная роль. Уже здесь взгляд осмысливается вкупе с его исходными антропологическими характеристиками, он берется как специфически человеческий взгляд вместе с присущими ему физиологическими особенностями, несовершенствами и ограниченностью. Поэтому любая трансформация характеристик взгляда приводит к трансформации самого существа реальности. «Как» взгляда конституирует «что» взгляда, может сделать его более реальным, более правдивым (правдоподобным) или, наоборот, дереализовать его. Эту особенность зрения удачно описывает М. Мерло-Понти: «Монокулярные образы не существуют в том же самом смысле, в каком существует вещь, воспринятая двумя глазами. Эти образы являются фантомами, воспринятая же вещь — реальностью» [6, 15].

Наиболее последовательное описание трансформации или, если угодно, эволюции, претерпеваемой взглядом, представлено в работе П. Вирильо «Машина зрения». Философ связывает эволюцию взгляда прежде всего с попытками нивелировать антропологические особенности зрения и расширить поле видимости. П. Вирильо выделяет две главные особенности человеческого зрения, конституирующие реальность воспринимаемого объекта:

1. Движение взгляда, вызванное необходимостью всякий раз смещать точку фокуса для того, чтобы обозреть целое: «чтобы ощутить объект с максимальной ясностью, глаз должен совершить значительное число мельчайших стремительных движений между различными точками объекта» [2, 7]. Благодаря этой особенности видение превращается в развертываемый во времени и обладающий внутренней длительностью процесс.

2. Наличие пространственного интервала между зрителем и объектом, на который направлен взгляд. Роль этого интервала заключается в том, чтобы служить гарантом соразмерности объекта человеческим возможностям, гарантом того, что объект удовлетворяет принципу достижимости, когда все видимое человеком «присутствует на [его] карте “я могу”» [Там же, 18].

Эволюция взгляда запускается тогда, когда стремление человека видеть как можно лучше и как можно больше начинает осуществляться средствами продуктов научного и технического прогресса, а именно с возникновением и распространением так называемых оптических орудий или оптических протезов, среди которых камера-обскура, линзы, микроскопы, астрономические телескопы и др. Оптические протезы смещают точку зрения зрителя, и теперь, для того чтобы восприятие могло считаться полным, оптические протезы становятся необходимыми.

Вслед за оптическими протезами приходят аудиовизуальные средства: фото- и видеокамеры, затем телевидение. Их главным достижением является окончательная победа над особенностями человеческого зрения. Во-первых, перед человеком открывается возможность схватывать мгновение в его неподвижности,

останавливать внутреннее время, внутреннюю длительность, процессуальность видения. Взгляд становится неподвижным, для восприятия объекта глаз больше не должен совершать никаких движений. Во-вторых, полностью устраняется интервал между зрителем и объектом: сталкиваются бесконечно далекое и близкое, при этом видимое перестает быть достижимым.

Своего апогея эволюция взгляда достигает в повсеместном использовании автоматических камер наблюдения, которые функционируют самостоятельно, уже без человека. Для характеристики такого обезличенного, автоматизированного взгляда П. Вирильо вводит понятие «машина зрения». Машина зрения — это агент искусственного взгляда, оторванного от человеческого сознания, оторванного от субъекта как понимающей, наделяющей значением инстанции. Эволюция взгляда завершается кризисом репрезентации [2, 19]: оказывается, что репрезентация может и не быть связанной с мышлением, не быть связанной с сознанием. Более того, в рамках разговора о кризисе репрезентации, который активно ведут современные философы, прослеживается идея о том, что сознание — это не более чем продукт репрезентации. Значит, если человеческие способы репрезентации конституируют человеческое сознание, то машинная репрезентация конституирует машинное сознание — так называемый искусственный интеллект. У Ж. Делеза мы встречаем следующее размышление: «силы человека уже вступили во взаимоотношение с другими силами, силами информации, которые вместе образуют не человека, а нечто иное, неделимые системы “человекомашина”» [3, 119]. Подобную формулировку мы находим и у Ж. Бодрийяра: «все это может создать впечатление или иллюзию фатальной стратегии эволюции», как если бы мы оказались не более чем «детской болезнью технического аппарата, который властвует над нами издалека (тогда мысль, в свою очередь, стала бы детской болезнью Искусственного Интеллекта, человеческое существование — детской болезнью машины» [1, 20].

Конечно, вопрос о связи между репрезентацией и сознанием можно было бы решить по аналогии с вопросом о соотношении репрезентации и реальности — как терминологическую путаницу. Однако эта возможность существует только для решения вопроса о соотношении человеческой репрезентации и человеческого сознания, но не для вопроса об искусственном интеллекте.

Фотография: по ту сторону взгляда и реальности

Итак, проблемное поле, в рамках которого разворачивается вопрошание о природе фотографии, оформляется в контексте пересечения двух проблемных областей — проблемы реальности и проблемы взгляда.

Мы видим, что фотография, с точки зрения современных авторов, оказывается вовлеченной как в процесс дереализации реальности, так и в процесс трансформации характеристик человеческого взгляда. Некоторые авторы открыто провозглашают фотографическое искусство причиной разразившегося кризиса репрезентации. В этом смысле, если бы проблема была поставлена перед нами в такой, несколько наивной форме — «а что же все-таки запечатлено на фотографии:

реальность или взгляд?», — нам пришлось быть дать следующий ответ: «ни то ни другое, и даже не оба вместе».

Рождаясь на пересечении взгляда и реальности, фотография, однако, является *уже не взглядом и уже не реальностью*.

Уже не взглядом в том смысле, что мы имеем дело со взглядом, который несоизмерен человеческому. Этот взгляд не укоренен в человеческом сознании. Он укоренен в сознании Другого, в сознании, которое остается для нас недоступным.

Уже не реальностью в том смысле, что мы имеем дело с реальностью, которая открылась взгляду, несоизмеренному человеческому. При этом оказывается, что дать характеристику этой реальности невозможно: у нас нет критерия, который позволил бы нам определить: а) является ли эта реальность реальностью; б) можно ли считать ее той же самой реальностью, что и реальность, конституируемая человеческой визуальной репрезентацией; в) может ли оказаться так, что перед нами «чистая» реальность, которой удалось освободиться от всякой репрезентации.

Фотография — это всегда взгляд Другого. Взгляд *уже Другого* (взгляд машины, взгляд искусственного интеллекта, взгляд Бога или взгляд Сверх-Человека), постольку поскольку Другой чудесным образом остался на территории, которую не затронул кризис репрезентации. Это можно объяснить тем, что проблема Другого никогда не ставилась как проблема репрезентации. Поэтому определение фотографии как взгляда Другого можно считать приемлемым как минимум по той причине, что его нельзя в тот же миг заклеить как ошибочное. Ведь взгляд Другого недоступен нам. Философской теории *еще* только предстоит объяснить его. Мы надеемся, наше решение (хотя, быть может, кому-то оно покажется обычной уловкой) позволит сохранить таинственное очарование фотографии, которая дает нам веру в невероятное — веру в возможность приоткрыть для нас точку зрения Другого.

1. Baudrillard J. Why Hasn't Everything Already Disappeared? L., 2009.
2. Вирильо П. Машина зрения. СПб., 2004.
3. Делез Ж. Фуко. М., 1998.
4. Колодий Н. А., Колодий В. В. Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Изв. ТПУ. 2010. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-povorot-i-ego-vliyanie-na-sotsialnoe-poznanie> (дата обращения: 14.03.2017).
5. Марион Ж.-Л. Перекрестья видимого. М., 2010.
6. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск, 2006.
7. Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001.
8. Савчук В. Философия фотографии. СПб., 2005.
9. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 16 марта 2017 г.

УДК 778.5:159.955 + 77.01

А. С. Темлякова

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ФОТОГРАФИЯ

В статье исследуются возможности восприятия запечатленной реальности, дающей возможность глубокого переживания мгновения, либо отрезка времени в зафиксированном моменте фотоснимка или кино. Методологической базой выступает теория восприятия Анри Бергсона, включающая концепцию кинематографического механизма мышления. Кейсом для демонстрации теоретических построений берется фильм Микеланджело Антониони «Фотоувеличение» (1966). Показано, что на фотографии время замирает; в кино мы наблюдаем замкнутый отрезок в его движении, проигрываемый перед камерой. В заснятом материале (фото, кино) человеческому глазу предоставляется возможность встречи с окружающим миром, каким его фиксирует сама материя (киноглаз).

К л ю ч е в ы е с л о в а: киноискусство, фотография, кинематографическое мышление, время в киноискусстве, время в фотографии.

Целью данной статьи является исследование восприятия визуальной реальности в кино и фотоискусстве. Если на киноплёнке отображается движение, составленное из отдельных кадров, то на фотографии мы наблюдаем время замершее, остановившееся в своей полноте и завершенности.

В данной статье мы, во-первых, рассмотрим особенности восприятия фотографии и кино. Во-вторых, проанализируем вопрос соотношения специфики запечатления времени в этих видах искусства. В-третьих, рассмотрим проблему воспроизводства реальности на плёнке и цифровых носителях. Предметом исследования выступают реальность кино и фотоизображения. В качестве кейса рассмотрен фильм итальянского режиссера Микеланджело Антониони «Фотоувеличение» (1966), получивший «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля 1967 г.

Фотография, с одной стороны, дублирует окружающую человека реальность, с другой стороны, создает реальность новую, реальность, предназначенную для человеческого взгляда, разрушая таким образом ее уникальность и первозданность. Так, Беньямин замечает, что человек стремится «приблизить» к себе вещи как в пространственном, так и в человеческом отношении, выявляя таким образом тенденцию «преодоления уникальности любой данности через принятие ее репродукции» [2, 25].

Сегодня репродукцией поглощается весь процесс производства, что прослеживается на материале искусства, кино и фотографии, потому что именно там в XX в. открылись новые территории, свободные от «классических» производительных традиций и изначально расположенные под знаком воспроизводства [5, 123]. Из того же разряда и разрушение реальности в гиперреализме, в тщательной редупликации реальности, особенно опосредованной другим репродуктивным материалом (в том числе фотографией): при переводе из одного материала в другую реальность улетучивается, становится аллегорией смерти, но самим этим

разрушением она и укрепляется, превращается в реальность для реальности, в фетишизм утраченного объекта; вместо объекта репрезентации — экстаз его отрицания и ритуального уничтожения: гиперреальность [5, 149].

Восприятие глаза и аппарата

В своей работе «Материя и память» Бергсон сравнивает наше восприятие с процессом прохождения луча из одной среды в другую, для того чтобы уяснить механизм восприятия и выделения образов сознанием. Причем в зависимости от разницы в плотности представленных сред луч может изменить свое направление, а может остаться неизменным. Тогда, по замечанию Бергсона, мы можем говорить о том, что имеет место полное отражение. Восприятие есть явление того же рода. «Восприятие походит, стало быть, на явление отражения, порождаемое неудавшимся преломлением; это как бы действие миража» [4, 437–438].

Бергсон описывает здесь процесс нашего восприятия, но стоит обратить внимание на то, как это описание похоже на процесс просмотра возникающих перед нами светящихся картинок, например, слайдов с фотографиями или фильмов, проецируемых в темном зале кинотеатра. Создается ощущение, что в таком случае мы можем наблюдать процесс восприятия окружающего мира, который предстает перед нами в виде изображения, проецируемого на белую поверхность экрана.

Человек с фотоаппаратом или человек с киноаппаратом вступает, таким образом, в особую игру с окружающей реальностью, в особые отношения с материей. Мы так или иначе сталкиваемся с таким восприятием реальности, какое присуще самой материи. Вот что говорит по этому поводу Бергсон: «Восприятие какой-нибудь бессознательной материальной точки в своей мгновенности бесконечно обширнее и полнее нашего, потому что точка эта собирает и передает все действия всех точек материального мира, между тем как сознание наше достигает только некоторых частей и с некоторых сторон» [4, 438]. Работа Бергсона «Материя и память» послужила основой для концепции кино Делеза, который говорит о глазе кинокамеры как о взгляде внутри материи. Последний представляет собой «восприятие, каким оно бывает у материи, каким оно разворачивается от точки, где начинается действие, до точки, куда доходит противодействие, — каким оно заполняет промежуток между действием и противодействием, пробегая по вселенной и отбивая ритм своих интервалов. Соотношение между нечеловеческой материей и сверхчеловеческим глазом и образует саму диалектику» [8, 85].

Итак, створка аппарата выступает той материальной точкой, которая буквально «схватывает» реальность. Подобный мотив мы можем наблюдать в фильме Антониони «Фотоувеличение» (*Blowup*) 1966 г. Когда главный герой фильма делает снимки прогуливающейся в парке пары, он не подозревает, что, проявив пленку, обнаружит запечатленный на ней труп. По этой причине сюжет фильма может быть описан как процесс «поиска глубины в плоской поверхности «остановившегося мгновенья» [11].

В этом отношении оказывается резонным мнение Барта о том, что органом фотографа выступает «не глаз, а палец, связанный со щелчком объектива, с металлическим скольжением пластинок (когда такие вещи еще были в фотоаппарате)» [1, 35]. Более того, сам фотограф не знает, что в дальнейшем увидит на своих фотографиях. То есть процесс фотографирования предстает чисто механическим схватыванием реальности при помощи нажатия пальцем на кнопку аппарата. Глаз лишь прицеливается, но он оценочно относится к представленной в фотообъективе реальности, выделяя интересные ему элементы и следуя за ними. Однако для механического аппарата таких оценок не существует, и он запечатлевает все многообразие данной ему реальности.

Говоря о воздействии фотографии, Барт выделяет категорию *punctum*'а, укола, производимого фотографией на зрителя. Это то, что таинственным образом нас задевает, «укалывает», заставляет задуматься, поразиться. В этом и заключается специфика снимка. Интересно, что Барт в своей работе «Третий смысл: исследовательские заметки о нескольких фотограммах С. М. Эйзенштейна», говоря о кино, выделял воздействие отдельных кадров фильма, иными словами, снимков, фотограмм, а не потока движущегося изображения на экране. Можно предположить, что подобный подход к анализу фильмов в большей степени созвучен монтажному кинематографу. Однако представление Барта о моменте восприятия, сравниваемом с «уколом», «остановкой мгновения», объясняет его внимание к анализу отдельных фотограмм. И, выделяя для себя значимые моменты в потоке движущихся кинокадров, мы можем анализировать любой кинофильм.

Кинематографическое мышление

Анри Бергсон в своей работе «Творческая эволюция» посвящает заключительную главу раскрытию «кинематографического механизма мышления». Он делает вывод о том, что механизм нашего обычного познания имеет природу кинематографическую. Причем кинематографический характер нашего познания вещей зависит от калейдоскопического характера нашего приспособления к ним. Это может быть нам особенно интересно, поскольку, согласно мнению Бергсона, мы не можем воспринимать процессы становления, мы лишь оцениваем ситуацию по неким «снимкам», сделанным в разные моменты времени.

Роль движения кинематографической ленты, всегда одинакового, скрытого в аппарате, заключается в том, чтобы накладывать один на другой последовательные образы с целью подражать движению реального предмета. Однако от зрителя в таком случае ускользает процесс «становления», который и является объективным движением, а не кинематографическим подражанием. Чтобы научиться его воспринимать, Бергсон советует освободиться от кинематографического механизма мышления. Он утверждает, что человек постоянно стремится из состояний сфабриковать переход. Переход же представляет собой нечто *большее*, чем ряд состояний, то есть возможных разрезов; движение представляет собой нечто *большее*, чем ряд положений, то есть возможных остановок [3, 298–299].

Жиль Делез делает вывод о том, что если взять серию средств передвижения (поезд, автомобиль, самолет и т. д.) и серию средств выражения (графика, фотография, кино), то кинокамера предстанет как посредничающее устройство или даже скорее как обобщенный эквивалент средств передвижения. Определяющими условиями для возникновения кино являются следующие: не просто фото, а именно моментальное фото; равноудаленность друг от друга моментальных кадров; перенос этой равноудаленности на материальную опору, которая и образует «фильм»; механизм для прокрутки изображений. Как раз в этом смысле кино представляет собой систему, воспроизводящую движение в зависимости от произвольно взятых моментов, то есть от равноудаленных мгновений, подобранных так, чтобы производить впечатление непрерывности [8, 44].

Время в кино и на фотографии

Согласно Барту в фотографии обездвигивание, сковывание Времени принимает чрезмерную, чудовищную форму; Время закупоривается. Принадлежность фото к современности, его связь с самыми актуальными проявлениями обыденной жизни не препятствует тому, что в нем есть нечто от загадочной несвоевременности, странного застывания, от остановки в самой ее сущности [1, 162].

На связь кино и времени обращает внимание Н. Друбек. Она указывает на технически (если не на исторически) одновременное происхождение приборов для измерения времени (часов) и кино с особенным акцентом на аспект приостановки движения. Так, в классической кинотехнике использовался часовой механизм. Таким образом, принцип работы часов, как и кинематографа (в его функции «записывающего движение»), основывается на «абсолютно равных выемках в каком-либо движении». Более того, в техническом отношении кино, как и часы, понимается как машина остановки времени [9, 246–247].

Фотограф может волшебным образом остановить момент, схватив его объективом своего аппарата. Барт полагает, что эйдосом фотографии выступает Смерть. Фотография представляется Барту стоящей ближе всего к Театру, благодаря окружающей ее ауре Смерти. Это искусство, сколь бы ни исхитрились сделать его живым, сродни первобытному театру, Живой картине, изображению неподвижного, загрированного лица, за которым угадывается мертвец [1, 62–63]. Анализируя это утверждение Барта, мы можем обратиться к фильму «Фотоувеличение», в котором отчетливо показано, что фото представляет собой остановившееся мгновение, мгновенную смерть в прямом и переносном смысле. Но сам фильм в своем движении и логическом развитии есть спор со смертью, где герой до самого конца преследует лишь одну цель — поиск смысла. Наиболее полно эмоциональное переживание и экзистенциальное потрясение от просмотра старинных фотографий выразил В. А. Никитин: «Потрясающе интересно рассматривать фотографии, которым почти полтора века. Людей, изображенных на них, уже давно нет, умер фотограф, сделавший снимки, умерли люди, в чьих домах висели эти портреты, умерли дети этих людей и дети детей... А люди, запечатленные на пластинке, все так же продолжают сидеть и смотреть в объектив аппарата, которого уже давно не существует» [10, 9].

Согласно Бергсону тело каждого человека является как бы образом, отражающим другие образы и анализирующим их с точки зрения различных воздействий на них [4, 450]. Поверхность тела, общая граница внешнего и внутреннего, есть единственная часть протяжения, которая одновременно и воспринимается, и чувствуется [Там же, 459]. Когда человек замечает, что его снимают на фотоаппарат, он всегда переживает некое смятение или замешательство. Ведь он старается мгновенно создать образ себя для объектива фотоаппарата. Фотография же является областью чистой случайности и ничем иным быть не может (ведь изображено всегда *нечто*) [1, 58]. Фотография по природе своей основывается на позе. Физическая длительность этой позы значения не имеет; даже в одну миллионную долю секунды поза уже имела место, она относится к сфере «интенции» чтения: рассматривая фото, я неизбежно делаю частью моего взгляда мысль об этом мгновении, каким бы кратким оно ни было, мгновении, когда реальная вещь неподвижно стояла перед глазами [Там же, 138]. Обращаясь к фильму Антониони «Фотоувеличение», можно отметить, что женщина в парке, заметившая, что ее фотографируют, приходит в смятение: она вынуждена внешне изображать, что все нормально, однако ее захватывают эмоции от осознания того, что произошло на самом деле (убийство) и как это может быть отображено и обнаружено на проявленных фотографиях.

Барт, рассуждая о соотношении кино и фотографии, говорит о том, что в случае Фото какая-то вещь позировала перед небольшим отверстием и осталась в нем навсегда, тогда как в кино нечто прошло перед тем же самым отверстием: позу уносит и подвергает отрицанию непрерывная последовательность образов. За этим стоит иная феноменология, имеющая своим основанием новое искусство, пусть и производное от первого. В Фотографии присутствие вещи в некоторый момент прошлого никогда не бывает метафорическим; то же относится к жизни одушевленных существ; если фотография становится ужасающей, то происходит это потому, что она, так сказать, удостоверяет, что труп является живым в качестве трупа, что он является живым изображением мертвой вещи [Там же, 139]. И здесь мы опять вспоминаем о фильме «Фотоувеличение». Женщина, заметившая фотографа, знала, что он обнаружит при проявлении пленки, а именно изображение трупа и убийцы. Поэтому она пытается отобрать у фотографа пленку, а затем и все негативы оказываются похищенными. Здесь мы сталкиваемся с фотографией как свидетельством реальности события. Получается, что сам фотоаппарат представляет некоторую опасность в условиях окружающей действительности, врезаясь в поток «жизни как она есть». Противоположной гранью являются постановочные студийные снимки, поскольку само пространство студии сконструировано специально для последующего отображения на фотографиях.

И далее, следуя тексту Барта, мы уясняем, что неподвижность фотографии представляет собой результат перверсивного смешения двух понятий — Реального и Живого; удостоверяя, что предмет был живым, она подспудно побуждает верить, что он еще жив; это происходит в результате заблуждения, побуждающего приписывать Реальному абсолютно высшую, как бы вечную, ценность; но, сдвигая реальное в сторону прошлого («*это было*»), фотография намекает, что

оно уже мертво. Неподражаемой чертой фотографии (ее нозмой) является то, что кто-то видел референта, даже если речь при этом идет об объекте — *во плоти или лично*. Исторически фотография возникла как искусство Личности: ее идентичности, гражданского статуса, того, что во всех смыслах этого выражения можно назвать ее достоинством (*quant-à-soi*). И в этом отношении кино с феноменологической точки зрения с самого начала отличается от фотографии, ибо, будучи вымышленным, оно смешивает две позы, «*это было*» актера и «*это было*» роли [1, 140].

Барт также утверждает, что именно с появлением фотографии, а не кино связан водораздел в мировой истории. Поскольку прошлое с появлением фотографии становится столь же достоверным, как и настоящее, видимое на бумаге так же надежно, как то, к чему прикасаются [Там же, 154]. «В кино, которое работает на фотоматериале, фото тем не менее не обладает такой завершенностью, и кино это идет на пользу. Это происходит потому, что, захваченное потоком, фото влечется вперед, непрерывно устремляется ко все новым видам. В кино фотографический референт хотя и присутствует постоянно, он скользит, он не устраивает демонстраций в поддержку своей реальности, не уверяет в достоверности своего существования. Подобно миру реальному мир фильма держится на презумпции того, что “опыт” будет постоянно протекать. У фотографии же нет *будущего* (отсюда ее патетика и меланхолия), в ней нет никакого влечения вперед, тогда как кино влекомо вперед и поэтому начисто лишено меланхолии. Про кино можно сказать, что оно “нормально”, как жизнь. По причине неподвижности фотография отходит от доказательства и приходит к удержанию» [Там же, 159]. В фильме «Фотоувеличение» единственная уцелевшая проявленная фотография с изображением трупа, оставшаяся у фотографа, оказывается похожей на картины художника из-за своей чрезмерно зернистой структуры, появившейся в результате сильного фотоувеличения. Говоря иным языком, изображение состоит из точек, и никто точно не скажет, что именно там можно рассмотреть. Иных фотографий и доказательств совершенного преступления не остается. Таким образом, у фотографа нет никаких свидетельств, доказывающих, что убийство имело место быть. В фильме «под сомнение ставится наличие не только трупа, но и преступника, но и самого преступления» [7].

По замечанию А. Гусева, герой фильма Антониони сдается, не выдержав испытания видимым внешним миром. Антониони утверждает принципиальную невозможность и бессмысленность кинематографа в современном ему мире. Попытки героя уловить взглядом нечто несомненное обречены на провал: искусство превратилось в перебрасывание отсутствующего мяча двумя паяцами (возможно, автором и зрителем), и «вернуть мяч в поле» (по выражению В. Шкловского), то есть смысл в кино, не представляется возможным. Его просто неоткуда взять, он растает в руках, как растаял в росе таинственный труп. «*Испытание зрением* неминуемо потерпит поражение. Все, что может предложить зрителям Антониони, — лично присутствовать при этом процессе разложения вещного мира, своими глазами убедиться, что даже самый пристальный, пытливый и наметанный взгляд способен лишь на миг ухватить смутную тень реальности. И что

пленка, магическая материальная основа фото- и киноискусства, якобы способная к удержанию времени и памяти, — такая же часть вещного мира и потому так же склонна к исчезновению. Фильм у Антониони заканчивается в тот момент, когда вместе с субъектом исчезает искусство: исчезновение объективности природного мира ведет к краху творчества. Фильм заканчивается тогда, когда субъективное зрение терпит крах из-за всеобщей расплывчатости и нечеткости, делающей любые *попытки зрения* тщетными» [6].

Просмотр фотографий подразумевает элемент эмоционального воздействия, впечатления, «укола» (Барт), неожиданности. Однако в кинематографе сама структура кино-движения в ее постоянной смене кадров выступает родственной, понятной и созвучной нашему механизму мышления. Поэтому Бергсон выделяет категорию кинематографического мышления, говоря о мышлении вообще.

Делая вывод о различиях в репрезентации времени в кино и на фотографии, стоит отметить, что фотография всецело пронизана духом Смерти (Барт, Никитин). Поскольку фотография предстает как застывшее навеки изображение момента, который навсегда и безвозвратно утерян, происходит сковывание времени, заключение его в рамки неподвижного кадра. В кино время фиксируется как проигранная актерами длительность.

С одной стороны, технический аппарат как механизм, позволяющий ухватить ускользающую реальность, дает возможность экзистенциального переживания мгновения в его полноте, любования им. С другой стороны, запускается бесконечный процесс редупликации и порождения копий копиями, что равноценно «удалению» реальности и появлению гиперреальности.

Особое внимание в фильме «Фотоувеличение» привлекают последние кадры, когда фотограф, бродящий по лужайкам парка, сам буквально исчезает, испаряется в воздухе. Это демонстрирует сущность и мимолетность события в его философском, экзистенциальном смысле. Также заключительными кадрами фильм ставит и еще одну важную проблему, касающуюся того, что фото есть неукоснительная констатация факта, символически убивающая движение запечатленной реальности и потому отражающая устрашающую полноту замершего момента. В противоположность этому — кино, которое воспроизводит иллюзорное, к тому же разыгранное и смонтированное скольжение по поверхности бездейственной и фальшивой реальности, сконструированной режиссером.

---

1. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт ; пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М., 2011.

2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996.

3. Бергсон А. Творческая эволюция : пер. с фр. Жуковский ; М., 2006.

4. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память : пер. с фр. Минск, 1999.

5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

6. Гусев А. Субъективная камера в постклассическом зарубежном кинематографе (1960–2000) // Киноведческие записки. 2006. № 79 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinozapiski.ru/> (дата обращения 05.03.2017).

7. *Гусятинский Е.* Work in Progress. Роттердам-2006 // Искусство кино. 2006. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinoart.ru/> (дата обращения 05.03.2017).
8. *Делёз Ж.* Кино: Кино 1. Образ — движение; Кино 2. Образ — время : пер. с фр. М., 2004.
9. *Друбек Н.* Кино, часы и дождь: К предыстории образов-времени Делёза: Хуциев, Данелия, Хитилова, Немец, Влачил // Киноведческие записки. 2011. № 98 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinozapiski.ru/> (дата обращения 05.03.2017).
10. *Никитин В. А.* Рассказы о фотографах и фотографиях. Л., 1991.
11. *Саркисова О.* Пространство игры и рецепты взросления («Европейские 60-е. Бунт, Фантазия, Утопия». Берлинская ретроспектива) // Киноведческие записки. 2002. № 60 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinozapiski.ru/> (дата обращения 05.03.2017).

Рукопись поступила в редакцию 16 марта 2017 г.

К IV МЕЖДУНАРОДНОМУ НАУЧНОМУ СИМПОЗИУМУ «АВСТРИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЕВРОПЫ»

26–27 октября 2017 г. в нашем университете состоится очередной, четвертый по счету, международный научный симпозиум «Австрия как культурный центр Европы». Ниже мы публикуем материалы, поступившие в журнал в рамках подготовки мероприятия.

УДК 7.035.93 + 7.036.45 + 159.963

Н. В. Пестова

«ГРЕЗЯЩИЕ ЮНОШИ» О. КОКОШКИ В КОНТЕКСТЕ ВЕНСКОГО МОДЕРНА

«Грезящие юноши» — первое *новое стихотворение* австрийского экспрессионизма, возникшее в рамках культуры венского модерна. Автор оспаривал связь стихотворения с произведением З. Фрейда «Толкование сновидений». Однако иллюстрации и текст произведения словно повторяют основную идею Фрейда о сути сновидений: «Мысли и содержание сновидения предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках». Сам Кокошка прямо говорит в стихотворении о необходимости прочтения своего текста на двух языках одновременно: языке слова и языке зрительного образа. Он демонстрирует своим стихотворением, что «сновидение — скрытое желание». Знакомство с произведением превращается в поиск истинной сути этого желания, изображенного на литографиях в замаскированном, зашифрованном виде, а в тексте стихотворения — упрятого в язык метафор и символов, аллюзий и реминисценций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: венский модерн, модернизм, австрийский экспрессионизм, «двойное дарование», О. Кокошка, З. Фрейд, «Толкование сновидений», метафора, символ, аллюзия, реминисценция.

Под «венским модерном» принято понимать культурный феномен Австро-Венгерской монархии рубежа XIX–XX вв., который охватывал все виды искусства и представлял собой «синтез культурных традиций, плюрализм эстетических

концепций, экзистенциальное сознание, игровое начало и дискурсивность» [2, 8]. Это сугубо национальное явление оказало заметное воздействие на развитие мировой философии, психологии, эстетической мысли и всех видов искусства, а писатели венского модерна, так называемые «младовенцы» (Г. фон Гофмансталь, А. Шницлер, Р. Бер-Гофман, Л. фон Андриан и др.), были признаны «прямыми предшественниками австрийского модернизма и постмодернизма» [Там же]. В союзе с эстетическим модернизмом на австрийской почве необычайно плодотворно выступили философия и наука, важнейшими представителями которых явились Э. Мах (1838–1916) и З. Фрейд (1856–1938). «Сочинения того и другого, сомнительные с точки зрения консервативных университетских кругов, получили широкий резонанс в модернистской среде, и это способствовало формированию своеобразного философско-литературного, а в случае Фрейда и медицинско-литературного дискурса» [1, 81].

В изысканной атмосфере венского модерна начала XX в. возникло не только множество произведений, объединявших различные жанры искусства (словесно-музыкальных, словесно-живописных, словесно-музыкально-живописных), но и художественные произведения, имеющие в своей понятийной, образной и ценностной основе инновативный потенциал психологического, медицинского, философского и научно-технического дискурсов Австро-Венгрии этого периода. Таким образом, в первое десятилетие XX в. культура Вены представляла собой некое «синкретическое произведение искусства», получившее определение «Gesamtkunstwerk». Эту идею венского модерна воспринимает и существенно развивает следующее за младовенцами поколение экспрессионистов — О. Кокошка, А. Кубин, А. П. фон Гютерсло, Г. Тракль, Ф. Верфель, А. Эренштейн и др. Экспрессионизм как одно из наиболее значительных художественных направлений раннего модернизма в Германии и Австро-Венгрии в области живописи, графики, пластического искусства, литературы, музыки, кино и театра, так же как венский модерн, мыслил себя как единую художественно-эстетическую систему, как синтетическое искусство звука, слова, жеста, цвета, света, линии, объема. Долгое время австрийский экспрессионизм незаслуженно рассматривался как периферия немецкого, но австрийский экспрессионизм — неотъемлемая и оригинальная составляющая общеевропейского экспрессионистского движения, одно из важнейших художественных течений модернизма в Австрии (до 1918 г. Австро-Венгрии) в литературе и искусстве. Его непосредственная, национальная, близость к достижениям самых ярких мыслителей венского модерна — основателя психоанализа З. Фрейда, исследователя глубин Я. Э. Маха, яркого выразителя языкового скепсиса Л. Витгенштейна — обогатила творческий продукт австрийской версии феномена новыми глубинными измерениями, сделала его остроактуальным и плодотворным для последующего развития мировой литературы.

Как выясняется, немало открытий в области поэтики и эстетики, которые традиционно приписываются немецкому экспрессионизму, сделаны на богатой почве австрийской культуры, будь то «калигаризм» в кино, «выразительный танец» («Ausdruckstanz») или «симульганый стиль» («Reihungsstil») в поэзии. Значительные заслуги в формировании особого профиля австрийского экспрессионизма

принадлежат так называемым «двойным дарованиям» — художникам, поэтам, музыкантам, драматургам, одновременно успешно творившим в различных жанрах искусства, воспитанным в венской ауре на филигранных образцах искусства Сецессиона, Венских мастерских и югендстиля. Так, современное зарубежное литературоведение и искусствоведение безоговорочно признают небольшое стихотворение молодого австрийского художника-графика О. Кокошки (1886–1980) «Грезящие юноши» («Die träumenden Knaben»), вышедшее в 1908 г. в виде изящной книжечки с восемью цветными и двумя черно-белыми литографиями в издательстве Венских мастерских («Wiener Werkstätten»), «ключевым произведением перехода» от венского югендстиля в духе Г. Климта к взрывному, мятежному искусству австрийского экспрессионизма. Зарубежное искусствоведение относит это произведение к тем иллюстрированным книгам, которые сами начинают новые историко-культурные процессы или в которых достигается вершина некоего предыдущего стилистического развития («Leit-Bücher») [9, 20; 11, 79].

Поразительным образом первое серьезное произведение столь юного поэта стало самым ранним примером органичного сплава литературы и изобразительного искусства — того самого «Gesamtkunstwerk», о котором мечтал Р. Вагнер. Это стихотворение следует признать и одним из первых блистательных образцов интертекстуального и интермедиального синтеза, возникшего в период венского модерна и получившего развитие в литературе XX и XXI вв. Однако российская германистика никогда не обращалась к этому произведению как к яркому примеру зарождения собственно австрийского экспрессионизма в контексте венского модерна. Тем не менее уже в этом раннем произведении, помимо его синкретичного, интермедиального характера, ярко проявились такие признаки эстетики и поэтики экспрессионизма, как очуждение, или остранение, реальности как выход к ее трансцендентному смыслу, различные семантические сдвиги и «одновременная многозначность», или синтетосемия, воинственный эротизм и отчуждение, диалектика созидания и разрушения, традиций и новаторства. Кроме того, оно свидетельствует о том, что осмысление центральных проблем рубежа веков в культуре и науке венского модерна происходило параллельно: текстологический анализ стихотворения убедительно подтверждает возникновение в венском модерне особого «литературно-медицинского дискурса» [1, 81].

Талантливый ученик венской Школы декоративного искусства (Wiener Kunstgewerbeschule), О. Кокошка получил осенью 1907 г. заказ на выполнение книги для детей. За детские книги в то время охотно брались мастера Венских мастерских, их оформление также входило в обязательную учебную программу Школы декоративного искусства, а преподаватель Кокошки А. Риттер фон Кеннер был широко известен как блестящий иллюстратор детской литературы. Но только в первой из литографий — «Спящая» — автор выполнил «заказ», а в остальных, как и в тексте стихотворения, он далеко отошел от детской тематики, представив «в слове и образе свое тогдашнее состояние души» [6, 50]. В центре произведения «Грезящие юноши» — психологическое состояние юноши в тисках правил и предписаний общества и, как полагает К. Э. Шорске, известный исследователь и знаток культуры венского модерна, «собственный мучительный опыт полового

созревания» [3, 425]. Это небольшое произведение является поэтическим воплощением страстей и переживаний мятежного и влюбленного юноши периода обучения в Школе декоративного искусства и содержит много деталей автобиографического характера [6, 7]. Сам О. Кокошка считает эту книжку своим «первым любовным письмом», обращенным к «девочке Ли», юной Лилит Ланг «из затерянных птичьих лесов севера» [8, 50], его соученице по Школе декоративного искусства. Одно только имя ее, состоящее из скопления сонорного «l», повергает его в трепет: «dein name klingelt wie silberbleche» [7, 24]. О. Кокошка страстно влюблен в нее, но любит издалека. По его собственному признанию, он «никогда не заговаривает с ней», так как, будучи вообще не склонным к общению, опасается «быть втянутым с другими в душевную интимность, которая ему кажется столь ненавистно неестественной»: «komme du nicht näher / aber wohne in meinem haus» — говорится в стихотворении [Там же, 33]. Задыхаясь в косном окружении, он наблюдает за тем, как эта девушка «является не тем, кем бы она могла и должна была быть, если бы не общество, в котором она вращается» [5, 373]. Он считает ее жизнь «неистинной» («sie kann nicht mehr wahr werden»), поскольку ей приходится «с жестокой радостью поступаться теми мелочами, которые единственно для него имеют смысл»: «der einzige bin ich / der von dir weiß» [7, 28]. Ее существование он сравнивает с «блужданием между неистинными вещами», будто она находится в «дурно пахнущей огромной клетке для птиц» [5, 373]. Эти мысли из его писем цитируются в стихотворении: «никто, кроме меня, не видит тебя такой, какая ты есть, / я бы, наверное, насобирал тебе ракушек»:

ich sehe dich wie ein einziger
ich hätte dir vielleicht muscheln gesucht [7, 28].

Лилит Ланг на пять лет младше О. Кокошки, родилась и выросла среди представителей культурной элиты Вены рубежа веков. Ее родители и братья, а затем и семья мужа фон Фёрстера состояли в близкой дружбе и родстве со многими виднейшими деятелями культуры этого времени. Сама она имела большие творческие способности, чудесно рисовала, шила прекрасные платья, была необыкновенно одаренной спортсменкой, лыжницей и альпинисткой, занималась модным в то время в Вене выразительным танцем. Вместе с сестрами Визенталь она не раз принимала участие в качестве танцовщицы в праздниках, устраивавшихся в их учебном заведении. Прочувшись три года в Венской школе декоративного искусства (1907–1910), она уже в 1911 г. вышла замуж за младшего сына архитектора Ринг-штрассе Э. фон Фёрстера и продолжила традиции своей матери, известной активистки женского движения, устраивая салоны для венской культурной элиты. О том, как она отклонила любовь и предложение О. Кокошки, он не пишет в автобиографической книге, более того, позже он объяснял разрыв с ней ее «дурной репутацией», что совершенно не соответствовало действительности [8, 355]. В 1908 г. отношения К. Кокошки и Лилит Ланг прекратились. В одном из интервью 1962 г. О. Кокошка признался, что он «всегда хотел послать ее (книгу. — *Н. П.*) — как только она будет готова — одной девушке, как письмо, но к моменту ее выхода они рассорились» [Там же, 91]. После ее кончины в ее

наследии не обнаружилось ни единого экземпляра «Грезящих юношей», и никто из ее потомков, знакомых и родственников не мог припомнить, чтобы она когда-либо читала или имела эту книгу.

Лилит конечно же не была шведкой, как об этом пишет О. Кокошка в автобиографии [8, 50]. Но она состояла в числе членов «Первого шведского частного гимнастического общества», которым руководила одна из подруг ее матери. Возможно, именно по этой причине «шведская, северная» тема становится одним из лейтмотивов произведения «Грезящие юноши» и трансформируется сном в многочисленные северные символы. Гимнастические занятия сделали пятнадцатилетнюю девушку похожей на худенького подростка, но ее по-детски угловатое тело соответствовало идеалам красоты юного художника, который в это время ориентировался на изысканную тонкую красоту мальчишеских фигур широко известного в Вене бельгийского скульптора Ж. Минне. Лилит позировала О. Кокошке в его мастерской часто спящей, прикрытой покрывалом: «keiner hat dich noch so gesehen wie ich» [7, 32].

Сам О. Кокошка в зрелые годы говорил, что «ему не нравятся» современные попытки интерпретации его произведений «как влияние З. Фрейда или Клодела» [8, 67]. Он не упоминает имя Фрейда в биографической книге «Моя жизнь», впрочем, как и многие другие имена известных деятелей культуры и искусства, повлиявших на творчество О. Кокошки во время его обучения. Так, например, в этой книге не встретить упоминания о его однокласснике, художнике-графике Р. Кальвахе (1883–1932), с которым его впоследствии все время сравнивали. Непризнание влияния Кальваха самим Кокошкой объяснялось, возможно, тем, что преподаватели Школы еще во время их совместного обучения высказывались о Кальвахе как о «гениальном художнике» (А. Роллер, К. О. Чешка), а юного «миому Коко», подражавшего Кальвахе, предупреждали, что он встал на неверный путь. Что же касается влияния З. Фрейда, то общепризнанным является тот факт, что вся европейская культурная элита после 1900 г. находилась под грандиозным впечатлением от «Толкования сновидений». Это произведение было известным, популярным и растиражированным в дискуссиях, откликах, газетных рецензиях, оно было темой повседневных разговоров учащихся с учителями и сверстниками, поэтому его невозможно было не знать молодому интеллигентному человеку, находящемуся в центре культурных событий Вены этого периода. К тому же учитель О. Кокошки Б. Лёффлер был лично знаком с З. Фрейдом и даже выполнил для него заказанный экслибрис. Как бы О. Кокошка ни отрицал знакомство с Фрейдом и его воздействие на себя лично, по мнению исследователей его раннего творчества, и в этом сказочном произведении юного художника и поэта влияние «Толкования сновидений» совершенно очевидно [10, 98].

Текстовый анализ стихотворения и его сопоставление с литографиями убеждает, что ожидаемое соответствие между иллюстрацией и текстом заменено автором каким-то другим принципом, на основе которого возникает нерасторжимое единство большой суггестивной силы. Сюжеты литографий не следуют строго за текстом, расположенным справа на полях. Этот принцип художественного осмысления своей автобиографии О. Кокошка вполне мог позаимствовать у П. Гогена,

использовавшего его в своем дневнике пребывания на Таити в 1893–1895 гг. — книге «*Noa Noa*», известной Кокошке. Задуманные будто бы как иллюстрации к тексту дневника, акварели и гравюры Гогена на самом деле выходят далеко за пределы собственно содержания текста, придавая ему мистическую глубину. О. Кокошка чутко улавливает открывающиеся в этом отсутствии параллелизма смысловые бездны и возможности воображения, он называет свои литографии «свободными стихами в картинках» — «*freie Bilddichtungen*» [8, 52]. Этот термин Кокошки говорит о том, что он совершенно точно понимал характерную особенность своего творчества: если для большинства «двойных дарований» экспрессионистского десятилетия литература и изобразительное искусство развивались как две параллельные линии, обогащающие и дополняющие друг друга, то «Грезящие юноши» демонстрируют их полное слияние. Эти обстоятельства делают практически невыполнимым намерение исследователя-интерпретатора устоять перед искусом прочтения зрительного и текстового ряда в духе центральной мысли З. Фрейда: «Сновидение — осуществление желания» [4, 131]. Знакомство с произведением превращается в поиск истинной сути этого желания, изображенного на литографиях в замаскированном, зашифрованном виде, а в тексте стихотворения — упрятанного в язык метафор и символов, аллюзий и реминисценций.

Разведя зрительный и словесный ряд стихотворения, О. Кокошка будто играет мыслями З. Фрейда о механизмах работы сновидений: «Мысли и содержание сновидения предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и этого перевода. Мысли сновидения понятны нам без дальнейших пояснений, как только мы их узнаем. Содержание составлено как бы иероглифами, отдельные знаки которых должны быть переведены на язык мыслей. Мы, несомненно, впадаем в заблуждение, если хотим читать эти знаки по их очевидному значению, а не по их внутреннему смыслу» [Там же, 303]. О. Кокошка прямо говорит в стихотворении о необходимости прочтения своего текста на двух языках одновременно — языке слова и языке зрительного образа: «*hinter allen worten und zeichen sehe ich*» [7, 32]. Он также повторяет предостережение З. Фрейда о возможности «впадения в заблуждение» при попытке прямой трактовки картинок сновидения, — всякий образ рассыпается, перестает быть таковым, стоит сознанию к нему прикоснуться:

eine geschichte so
die aufhört zu sein
wenn man an sie rührt [Там же].

Стихотворение начинается прологом, который в первую очередь отсылает читателя к «красной розочке» Гёте («*Röslein, Röslein, Röslein rot*»): «красная рыбка / рыбка красная / зарежу тебя насмерть трехгранным ножом / раздери тебя пальцами надвое / чтобы конец положить этому молчаливому кружению / красная рыбка /рыбка красная / ножичек мой красный / пальчики мои красные / в миске тонет и гибнет рыбка»:

rot fischlein
fischlein rot
stech dich mit dem dreischneidigen messer tot
reiß dich mit meinen fingern entzwei
daß dem stummen kreisen ein ende sei

rot fischlein
fischlein rot
mein messerlein ist rot
meine fingerlein sind rot
in der schale sinkt ein fischlein tot [7, 32].

Одно из самых известных со школьной скамьи стихотворений Гёте «Heidenröslein» не только забавно пародируется, но и будто подсказывает Кокошке красивый ход символического покушения «дикого юноши» («der wilde Knabe») на красоту и юность прелестного создания («war so jung und morgenschön»), которое, однако, защищаясь, так сильно «укололо» юношу, что обрекло его на вечные муки («Ich steche dich, dass du ewig denkst an mich...», «Röslein wehrte sich und stach, / Half ihm doch kein Weh und Ach, / Mußt es eben leiden»). Стихотворение Гёте оказалось абсолютно созвучным состоянию отвергнутого юного влюбленного. В поздних рефлексиях этого времени О. Кокошка вспоминает, что он «был полон неудовлетворенности и болезни в душе и теле» и что всякий раз, когда он чувствовал себя «несвободным и подавленным», одно «еврейское слово» («Lilith») всплывало ночным кошмаром. Лилит Ланг, по его признанию, стала для него тогда «человеком, в образе которого воплощался весь мир», она была «его идолом» [10, 108].

К. Э. Шорске называет этот начальный фрагмент стихотворения «кровавой детской песенкой», «фантазиями, рисующими расчленение плоти» [3, 427], что, учитывая мятежное настроение автора в этот период и желание этого «несносного ребенка» («Enfant terrible») эпатировать публику¹, вполне обоснованно, но не исключает и других интерпретаций. Можно предположить, что смысл пролога глубже, чем «кровавая детская песенка». Во всяком случае, эта «красная рыбка», появившись в прологе и на первой литографии «Спящая», становится «генеральным басом» для всех последующих снов.

Полагаем, что О. Кокошка, вспоминая в автобиографической книге «Моя жизнь» историю возникновения «Грезящих юношей», не случайно в повествовании о «девочке Ли» вспоминает о ее «красной домотканой юбке, каких не знала в то время Вена». И добавляет: «Красный — мой любимый цвет. Я был влюблен в эту девушку» [8, 50]. Свое восхищение девушкой издали, нежелание привлечь к себе внимание и невозможность заговорить с ней он называет «молчаливым кружением» вокруг «красной рыбки», с которым только во сне и можно покончить. Мучительный стыд из-за невозможности противостоять власти полового инстинкта, сильнейшие эротические переживания, подавляемые наяву, но

¹ Как это произошло на международной выставке «Kunstschau Wien 1908», на которой были представлены работы О. Кокошки.

прорывающиеся в снах, невероятный накал сексуальной страсти и утоление ее в насилии — эти столь привычные для экспрессионизма «кровавые темы» выплескиваются в символе «красной рыбки», в этом трансформированном сном образе «девочки Ли». «Красный» цвет и «рыбка» становятся регулярно повторяющимися символами эротизма и сексуальности юноши, которые О. Кокошка использует еще с 1905 г. При интерпретации пролога исследователи напоминают, что в соответствии с символикой «Толкования сновидений» З. Фрейда «нож» («messer») был признанной всеми метафорой для обозначения мужского полового органа, а «чаша» («schale») — женского [10, 86]. Жестокая сцена расправы с «красной рыбкой» в автобиографическом контексте толкуется как мечта юноши расправиться в кровавом акте насилия с девственницей, отклонившей его притязания.

Символ «красная рыбка» и образ «девочки Ли» соединяются вновь в середине стихотворения, где юноша ожидает ее, предчувствует ее появление из «затерянных птичьих лесов севера и из морей красных рыбок юга», но здесь и следа не осталось от кровожадной страсти начала стихотворения: юноша дает волю нежным чувствам, восхищению угловатыми движениями ее тела, нежными детскими запястьями, украшенными шнурками стеклянных браслетов; он понимает «темный язык ее кожи», но, робея, спасается бегством от этой нахлынувшей нежности и укрывается в саду — крайне важном для произведения символе и абсолютно реальном в детстве О. Кокошки укромном месте². Северное происхождение девочки Ли поддерживается в каждой литографии образом северного оленя («rentier») или его символом — рогами («gehörn»), форма которых доминирует в диковинных полувцветах-полудеревьях неизвестного происхождения на всех литографиях. В «северной» теме сна (in mir träumt es und meine träume sind wie der norden), поддерживаемой повторяющимися в каждой литографии символами «рога» и «снег», происходит процесс *смещения*, в результате которого признак реального лица — северное происхождение девушки Ли — наделяется особым значением. «Мысль о снеге» облечена в поэтические образы «снежных звезд, высекаемых копытом северного оленя» («rentieres huf klingt und wirft in allen weißen wäldern wiederleuchtende schneesterne auf»), «снежного шлейфа его наездницы», который почти на всех литографиях повторяется в символе горных вершин, покрытых снегом, как одеянием («rentierreiterin / und das rentier ist ein berg / deine kleider sind eine schneefläche», «wo schneeberge uralte märchen verbergen»), изумленных, как юноши, заснеженных лесов, окруживших северную гостью («schneewälder stehen um dich wie staunende knaben»).

Сравнивая стихи и изображение как «оригинал и перевод», К. Э. Шорске приходит к выводу, что «не видит» на литографиях образы, «важные для текста: висящие на мачтах клетки с голубыми птичками («oben an den mästen schwingen käfige mit kleinen blauen vögeln»), вытягиваемый железными цепями корабль под надутыми белыми парусами» [3, 428]. На одной из литографий, по мнению Шорске, «появляются фигуры обнявшихся людей, о которых не говорится ни слова» [Там же]. Эти наблюдения предлагают нам вступить на любопытный исследовательский

² Ср. очерк «Взрыв в саду: Кокошка и Шёнберг» [3, 417ff].

путь сопоставления, в результате которого проступают многие значимые детали, не различимые в другой перспективе анализа художественного произведения.

З. Фрейд при расшифровке сновидения дает рекомендацию относиться к нему как к ребусу и не предъявлять к нему требований, соответствующих реальности, ни как к целому, ни как к его отдельным частям [4, 305]. Он убедительно демонстрирует, как результатом *смещения* является то, что содержание сновидения не походит по своему существу на мысли, скрывающиеся за ним, и то, что сновидение отражает лишь искажение жизни в бессознательном [Там же, 328–329]. Сопоставляя «оригинал и перевод», мы обнаруживаем зрительные образы, отсутствующие в тексте, и, наоборот, текстовые фрагменты, метафоры и символы, отсутствующие на литографиях. Однако в этой *смещенной* художественной ткани все же нет разрывов, и все нити сплетаются в единый узор причудливого сновидения-мечты. Так, например, символ «клетка», изображения которой недостает К. Э. Шорске, тесно связан с душевным состоянием автора, в котором было написано произведение, с его резким негодованием по поводу душливой атмосферы в обществе, которое он сравнивает в стихотворении «состоячей желтой водой», а людей — с живущими в ней застывшими кораллами, их лица напоминают безжизненные «маски из теста». «Девочка Ли в клетке» — деталь совершенно биографического характера. В противовес ей себя он видит свежим ветром, который очистит «забытый город» и освободит «поющих людей, подвешенных, как в клетках, в его запертых комнатах»:

horra
heraus aus dem gelben
stehenden wasser
in dem ihr wie korallenstöcke lebt
horra
ihr wachsfarbenen mit den teigmasken und den
bärten aus rotem schwamm
ein wind zieht in die vergessene stadt
in deren verschlossenen zimmern singende menschen
wie in vogelkäfigen hängen [7, 20].

Именно в таком же фрейдовском ракурсе представляется правомерным толкование, например, литографии «Сновидцы» («Die Traumtragenden»). Эта литография в совокупности своего содержания на первый взгляд никак не представлена в «мыслях сна», то есть в тексте стихотворения, но и она целиком и полностью является «переводом оригинала» на язык символов и соответствует выводу З. Фрейда, что «сновидение составляется как бы совершенно иначе, его содержание располагается вокруг других элементов, чем мысли, служащие его основой» [4, 325]. В данной литографии мы наблюдаем процессы *сгущения* как соединение родственных, но разнородных образов в единое целое и *символизацию* как замену неприемлемых в моральном отношении объектов или желаний другими, не вызывающими протеста. Из отдельных моментов «мыслей сновидения», которые Фрейд называет «малоценными», путем детерминации создаются новые ценности, «которые затем и попадают в содержание сновидения» [Там же, 328].

К таким «моментам мыслей сновидения» отнесем начальный фрагмент текста 5-го сна: «поначалу был я танцором королей / на тысячах уступов сада вытанцовывал я / *желания полов* / вытанцовывал я тонкий по весне кустарник»:

erst war ich der tänzer der könige
auf dem tausendstufigen garten tanzte ich die
wünsche der geschlechter
tanzte ich die dünnen frühjahrssträucher [7, 25].

Неоднозначность слова «Geschlecht» — род, поколение; род, семья; биологический пол; половой орган — и одновременная реализация в тексте сразу нескольких значений (синтетосемия) значения биологического пола или его атрибута и значения давней давности происходящего, повторяющегося из поколения в поколение, — это та самая «цензура», о которой говорит З. Фрейд в контексте механизма *символизации* и замены запретных объектов на более безобидные [4, 329]. Многие элементы «грез юношей», имеющие сексуальные подтексты, должны, как говорит З. Фрейд, «опасаться цензуры и скрываться за сновидением» [Там же, 215]. Следуя именно этому принципу, О. Кокошка, по всей видимости, «пропустил» в финале первого сна описание тех «темных нежностей», за которые «обнаженные худые девушки» благодарили мужчин экзотическими дарами:

und nackte magere mädchen geben vögel
nüsse und korallenschnüre zur erinnerung
an die nächte der dunklen zärtlichkeiten
und ich fiel und träumte die kranke nacht [7, 13].

Возвращаясь к литографии «Сновидцы», обратим внимание на то, что упомянутый в тексте 5-го сна «танцор королей» («der tänzer der könige»), с которым идентифицирует себя автор, все же отыскивается на литографии, но он обнаруживается и распознается как таковой на ней не сразу и только в сопоставлении с последней литографией «Девочка Ли и Я». На заднем плане литографии «Сновидцы», в правом верхнем углу, изображены четыре мужские фигуры, взбирающиеся на зеленый холм и продвигающиеся в сторону центральной композиции изображения — спящему святому семейству, хотя этот «момент мысли» и не всплывает в тексте стихотворения. О том, что это может быть именно оно, говорит корона, святой нимб на лбу бодрствующего, в отличие от родителей, младенца («halbwache hörende kinder»). Однако главой семейства и супругом Марии изображается не Иосиф, а молодой юноша, похожий, как все прочие юношеские изображения на других литографиях, на самого Кокошку. А настоящий бородастый Иосиф, тоже спящий, будто насильно врезан в передний план литографии как инородное, обособленное тело, заключенное в белую колбу фаллической формы. Он тоже здесь, но оттеснен, отдален от молодости, от принадлежности к семье юноши. Фаллический символ подчеркивает мысль о невозможности отцовства старца. Вполне допустимо, что это одна из версий «искажения жизни бессознательного», в которой молодость мстит зрелости и старости. Эта тема прочитывается как в тексте стихотворения, так и в литографиях. Таким образом,

рождественская история из Евангелия от Матфея позволяет идентифицировать три фигуры старцев заднего плана как «трех королей» — Каспара, Мелхиора и Балтазара (С + М + В), а фигуру в синих одеждах с поднятой вверх рукой — как «танцора королей», «вытанцовывающего» свои желания.

Какие же желания вытанцовывает «танцор в синем»? Девочка Ли конечно же тоже здесь, — северный олень как ее символ-заместитель занимает весь правый нижний угол литографии. В отличие от всех иных изображенных на других литографиях оленей этот — вполне взрослый, зрелый, сформировавшийся, при этом он красиво и ярко оседлан и взнуздан. Не есть ли это то самое-самое «осуществленное в сновидении желание»? По поводу подобных аналогий З. Фрейд замечает, что это «чрезвычайно натянутое сопоставление», но добавляет, что «бодрствующее мышление не могло бы составить его, если оно не было дано в готовом виде в сновидении» [4, 213]. По многолетним наблюдениям ученого, «стремление создавать такие сопоставления не знает никаких преград» [Там же]. Так не представляет ли собой идиллическая картинка спящего семейства, окруженного причудливыми животными и растениями райского сада, тот самый символ, который заключается в названии литографии «Traumtragende»? Ведь прямым, буквальным значением этого существительного является значение «несущие мечту, идеальное представление о чем-то прекрасном». Во всяком случае, вид прильнувшей к мужскому плечу юной матери, беззаботного во сне молодого отца и уютно расположившегося на его коленях ребенка не исключает возможность такого толкования сна юноши. Позировавшая юному художнику спящая под покрывалом Лилит Ланг вполне может быть запечатлена на этой литографии в образе Марии, а весь этот сон может быть его «неосуществленным желанием» о браке с ней и семье.

На литографии под названием «Эрос» отыскать «мысли сна» и расшифровать «содержания сна» — зрительного ряда литографии — представляется весьма непростым делом, хотя несколько строк стихотворения, казалось бы, являются прямыми подсказками: голубое озеро («aus deiner runden brust geht dein atem über den / blauen see») и вросший в него опускающийся вниз стебель растения на переднем плане литографии («ein stäblein wächst ins wasser hinunter»); браслеты на запястье девочки Ли и покрывало с орнаментом ее юбки³, прикрывающее ее наготу. В остальном же все свершающееся перед глазами зрителя — результат *смещения, сгущения и символизации* сна. Запуская руки в воду озера, как это часто происходит во сне, Он, оказывается, погружает их в Ее волосы: «ich greife in den see und tauche in deinen haaren / wie ein versonnener bin ich in der liebe alles wesens» [7, 33]. Сон, как показывает З. Фрейд, постоянно осуществляет такие «перемены» и «замещения» [4, 125].

Тема Эроса разворачивается на протяжении всего произведения двояким образом. Во-первых, это три литографии, развивающие тему рая в виде «прямого сновидения», то есть это изображение райского места, в котором люди ходят

---

³ О. Кокошка придумал для Лилит юбку, ныне музейный экспонат, известный как «юбка для Лилит Ланг» (1907–1908) и хранящийся в музее Университета прикладных искусств в Вене.

обнаженными и не стыдятся друг друга до того момента, пока в них не пробуждается стыд и страх — происходит изгнание из рая. О. Кокошка заставляет юношу именно так спасаться от своего страха и стыда перед «девочкой Ли»: «und vor dir flüchtete ich in die gärten / herauf von stufe zu stufe / bis zur tausendsten und letzten in meiner scheu» [7, 25]. З. Фрейд комментирует такие «райские сновидения» следующим образом: «Это детство, лишённое чувства стыда, кажется нам впоследствии своего рода раем, а ведь самый рай не что иное, как массовая фантазия о детстве человека» [4, 250].

Во-вторых, это эротическая линия, развиваемая в «скрытых сновидениях» и скрываемая «цензурой». Цензура при *символизации* и *смещении* осуществляется таким образом, что эротичный подтекст раскрывается либо в завуалированной, метафоричной форме, либо в сфере флоры и фауны стихотворения и его зрительного ряда. Это вполне традиционный прием, часто используемый в лирике «экспрессионистского десятилетия». На всех литографиях без исключения присутствуют цветы как следы Ее прикосновений: «wo blumen werden die berührung deiner dünnen finger», а деревья изображены исключительно с ветвями-рогами «северного оленя». «Красная рыбка» и «олень» как символы-заместители принимают на себя функции выражения женской чувственности, вот-вот готовой раскрыться: «was zum frühling wartet» [7, 29]. Присутствие во флоре и доминирование на шести из восьми литографий «голубого цветка» распаивает поэтический контекст и в сторону романтической символики. *Голубой цветок* и здесь в полном согласии с романтическими представлениями символизирует несбыточную мечту, неосуществимый идеал. *Голубое*, начиная с введенного Новалисом в романном фрагменте «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», 1799–1802) символа «голубого цветка», стало знаком скрытого духовного мира, загадочно ускользающего от романтического странника, который отправляется на его поиски в мир грез и любви и обретает в поэзии. И только на одной из литографий цветы белые, так как «северный олень» превращает их в «снежные звезды» («rentieres huf klingt und wirft in allen weißen wäldern wiederleuchtende schneesterne auf»). Голубым цветом О. Кокошка, безусловно, отдает дань и Венским мастерским, в художественной продукции которых цвета *голубой*, *черный* и *белый* были важнейшей составляющей их лаконичного и выразительного языка формы.

В соответствии с механизмом сновидения, разъясненным З. Фрейдом, О. Кокошка на протяжении всего произведения соединяет слово и образ — «das wort und das zeichen», *смещая* и *сгущая* «содержание сна» и «мысли сна», помещая отдельные фрагменты-символы содержания как бы не в свои контексты-мысли и наоборот. Так, на литографии «Разговор» среди пышных диковинных деревьев, где три отдельные пары людей ведут беседу, спрятана маленькая синяя птичка, должно быть, та самая, которую «не увидел» на мачтах кораблей К. Э. Шорске («oben an den mästen schwingen käfige mit kleinen / blauen vögeln»). Среди обилия синих цветов литографии ее нелегко разглядеть: спрятавшись за толстым стволом дерева, она будто подслушивает разговор пары, помещенной в центр литографии. Две подобные синие птицы так же хорошо «упрятаны» художником среди синих цветов и синих волн озера первой литографии «Спящая». Клеткой для них

становятся непреодолима городская стена и синий частокол, напоминающий прутья клетки. В этой клетке оказываются и сама спящая девушка, и все ее символы-заместители: красная рыбка, северный олень и синяя птица.

В результате практически все изображенное художником после длительного разглядывания оказывается не тем, чем кажется на первый взгляд, а незаметные и незначительные детали каждой отдельной литографии, как элементы сновидения, в контексте всего произведения обретают смысл и складываются в красивый и понятный рисунок. Это единство «мыслей сна» и «содержания сна», столь искусно воплощенное в «Грезящих юношах», абсолютная зрелость художника в реализации столь оригинального замысла не могли не вызывать восхищение талантом и мастерством юного О. Кокошки. В двадцать один год он создает произведение, с которого австрийская литература начинает отсчет собственно австрийского «экспрессионистского десятилетия», впрочем, как это случилось и с большинством немецких экспрессионистов, сам он никогда себя экспрессионистом не считал.

---

1. *Жеребин А. И.* Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб., 2011.

2. *Цветков Ю. Л.* Литература венского модерна. М. ; Иваново, 2003.

3. *Шорске К. Э.* Вена на рубеже веков: политика и культура / пер. с англ. под ред. М. Рейзина. СПб., 2001.

4. *Фрейд З.* Толкование сновидений : пер. с нем. Минск, 2003.

5. *Hirnwelten funkeln: Literatur des Expressionismus in Wien* / Hrsg. von E. Fischer, W. Haefs. Salzburg, 1988.

6. *Kokoschka O.* Briefe / Hrsg. von Olda Kokoschka und H. Spielmann. Düsseldorf, 1984. Bd. 1 : 1905–1919.

7. *Kokoschka O.* Die träumenden Knaben. Geschrieben und gezeichnet von Oskar Kokoschka. Frankfurt a/M ; Leipzig, 1996

8. *Kokoschka O.* Mein Leben. Wien, 2008.

9. *Lang L.* Literaturillustration und künstlerische Prozesse // Aspekte der literarischen Buchillustration im 20. Jh. Wiesbaden, 1996.

10. *Kokoschka O.* Träumender Knabe – Enfant terrible: 1906–1922 / Hrsg. von A. Husslein-Arco, A. Weidinger. Wien, 2008.

11. *Schvey H. J.* Doppelbegabte Künstler als Seher: O. Kokoschka, D. H. Lawrence und W. Blake // Literatur und bildende Kunst: ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebiets. B., 1992.

Рукопись поступила в редакцию 13 февраля 2017 г.

УДК: 1(091) + 2 + 11 + 16 + 17 + 51-7

В. О. Лобовиков

**МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ГЁДЕЛЯ
И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВЕЗДЕСУЩНОСТИ БОГА
ПУТЕМ «ВЫЧИСЛЕНИЯ» СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ КОМПОЗИЦИИ
ЦЕННОСТНЫХ ФУНКЦИЙ В ДВУЗНАЧНОЙ АЛГЕБРЕ МЕТАФИЗИКИ**

Великий австрийский математик и логик Курт Гёдель рассматривается как философ и богослов. Особое внимание уделяется его призыву подвергнуть философию и теологию логико-математической обработке с целью прояснения и обеспечения интеллектуальной респектабельности. В этом отношении Гёдель не позитивист, а метафизик и теист. Откликнувшись на призыв Гёделя и пытаясь двигаться вперед в указанном направлении, автор данной статьи конструирует дискретную математическую модель мистического догмата «Бог (Ум) существует везде», в которой этот догмат обосновывается «вычислением» релевантных композиций ценностных функций.

Ключевые слова: философия в Австрии, Гёдель, математическая теология, вездесущий Бог, алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии.

Я спросил Гёделя, верит ли он, что за всеми различными явлениями и действиями в мире стоит единый Ум. Он ответил утвердительно, и что Ум структурирован, но при этом Ум существует независимо от индивидуальных свойств. Тогда я спросил, верит ли он, что Ум находится везде, в противоположность тому, что локализуется в мозгах людей. Гёдель ответил: «Конечно. Это основа мистического учения».

Р. Рукер. Бесконечность и Ум [29, 183]

Австрийский математик и логик Курт Гёдель (1906–1978), по мнению очень многих, является великим математиком и логиком XX в. [3, 19, 34, 35] и «одним из самых выдающихся логиков за всю историю человечества» [12, 13]. Но значительно меньше людей знают, что он был еще и талантливым философом (метафизиком-идеалистом), и творчески мыслящим теологом [2, 12]. Часто сообщается, что он был близок к знаменитому Венскому кружку, посещал его заседания. На этом явно недостаточном основании некоторые включают Гёделя в число «фигурантов по делу об австрийском позитивизме», рассуждая, вероятно, следующим образом: интересовался деятельностью кружка, значит, в чем-то сочувствовал, был близок, значит, разделял основные взгляды. Посещал заседания кружка, общался с его членами, «следовательно», и сам был его членом. С помощью такого слишком вольного употребления слова «следовательно» в истории было сфабриковано огромное количество дел, в дальнейшем пересмотренных. По истечении некоторого времени, нередко уже после смерти фигуранта, дело отправлялось на доследование и пересматривалось «за недоказанностью...». Судя

по источникам (долгое время не публиковавшимся), относящимся к *позднему* периоду творчества великого австрийца, аналогичным образом сложилась ситуация и в связи с философией Курта Гёделя: *он не был позитивистом* [12, 14, 15].

В истории философии творчество выдающихся мыслителей иногда разделяют на периоды, как минимум на два — ранний и поздний, указывая на некую границу, существенную в историко-философском отношении (яркий пример — Л. Витгенштейн). Упомянутый подход к изучению творчества имеет серьезные основания, а в некоторых случаях даже очень важен. К таким случаям резонно отнести прежде всего творческую деятельность тех выдающихся людей, первая часть жизни которых была отдана балету, спорту, математике и т. п. Рассуждая очень грубо (приблизительно), можно сказать, что в указанных профессиональных сферах, «первая часть жизни» заканчивается; «де-юре» — в 40 лет, «де-факто» — в 30. К сожалению, это не выдумка, а жизнь, одним из частных проявлений которой служит принятое международным математическим сообществом соглашение, согласно которому золотая медаль Филдса может быть вручена математику за достоверный научный результат мирового значения только в том случае, если ему еще не исполнилось 40 лет. Грустно, порой несправедливо, жестоко, но такая жизнь. И если профессионал экстра-класса является к тому же еще и *умным* человеком, он обязательно найдет свое новое место в этой жизни, отнюдь не заканчивающейся в конце ее первого этапа. Как правило, осуществляется «переход на тренерскую работу».

В некоторых *счастливых* случаях этот переход может сопровождаться также переходом в другую такую сферу индивидуальной *творческой* деятельности, где «дэдлайн» не 40, а 60 или 70 лет. По мнению многих, примером такой сферы является философия, творческие личности в которой «созревают» долго: они «поздний (или зимний) сорт фруктов». История науки дает много примеров того, как великий математик или естествоиспытатель стал выдающимся философом. Это очень хорошо для прогрессивного развития философии, но и для ученого-специалиста во втором периоде его жизни это тоже очень хорошо: он продолжает свое собственное активное творчество в интеллектуальной сфере. Однако в психологическом отношении такой «переходный возраст» переживается непросто (иногда болезненно). В частности, ученый-специалист «стесняется» себя как философа, не решается публично высказывать свои философские мысли всерьез. И уж тем более он не осмеливается публиковать их в открытой печати: он «пишет в стол», в шутливой форме устно излагает свои оригинальные («еретические») идеи в узком кругу близких друзей или фиксирует их в записных книжках, не планируя их обнародовать. Яркий пример такого застенчивого латентного философа — метафизик Гёдель, представитель рационалистического оптимизма, сторонник систематической математизации философии, основатель математической теологии.

Гёдель был принципиальным *метафизиком-идеалистом* [1, 65]. Он «категорично объявлял ложным материализм» [Там же, 70]. Из всех метафизических систем, построенных в ходе развития философии, наиболее адекватной он считал монадологию Г. В. Лейбница [12, 13, 15, 16]. Кроме того, Гёдель (как и Лейбниц)

был *теистом и творчески мыслящим теологом*, предложившим оригинальное формальное доказательство бытия Бога с использованием искусственного языка современной модальной логики [1–3, 12, 19, 34, 35]. Более того, Гёдель (как и Лейбниц) был представителем *рационалистического оптимизма* [1, 70; 12, 12–14; 17; 20–22]. Эти специфические черты философии великого австрийского математика и логика, значительно отличавшие его, например, от Б. Рассела (считавшего монадологию Лейбница «фантастической сказкой»), были несовместимы с позитивистским духом, господствовавшим в Венском кружке. В этом конкретном отношении Гёдель был совершенно неуместен в кружке; будучи теистом и метафизиком (идеалистом), он был диссидентом [12, 14, 15]. Поэтому, присутствуя на заседаниях кружка, общаясь с его членами, он обычно «помалкивал» о своих метафизических убеждениях, понимая, что «если начать метать бисер... то порвут на части». Гёдель слушал, задавал вопросы и принимал услышанное к сведению, его участие в обсуждениях обычно не затрагивало собственно метафизических тем. В яростных позитивистских атаках против метафизики, идеализма и теизма он не соучаствовал: эти атаки были противны его убеждениям.

Развивая далее идеи Р. Декарта и Г. В. Лейбница о целесообразности решительной перестройки философии по образу и подобию математики [12, 16, 21], Гёдель видел идеал метафизики (и теологии) в предельно ясной и точной формулировке ее исходных положений и в строгом формальном доказательстве ее производных тезисов. В настоящей статье вниманию читателя предлагается некое гипотетико-дедуктивное рассуждение в духе гёделевского идеала математической философии и теологии. Рассуждение это представляет собой некое *неклассическое* обоснование *классического* мистического тезиса теологии «Бог вездесущ (т. е. Бог существует везде, во всем)». В содержательном отношении никаких изменений в этот классический богословский тезис не вносится: он трактуется именно так, как принято в церковном каноне. Неклассическим (нетривиально новым), психологически неожиданным является предлагаемое ниже *математическое обоснование* упомянутого выше *классического* богословского тезиса. В полном соответствии с идеалом Лейбница и Гёделя математическое обоснование того, что «Бог (Ум) вездесущ», осуществляется в настоящей статье путем «вычисления» соответствующей композиции ценностных функций в двузначной алгебре метафизики. Чтобы сказанное стало действительно понятным, необходимо точно определить значения непривычных терминов «двузначная алгебра метафизики» и «ценностная функция». Здесь предполагается, что термины «множество», «алгебра», «переменная», «функция», «композиция функций» используются в общепринятых значениях (точные дефиниции которых легко найти в стандартных учебниках и энциклопедиях по математике). А вот значения странных (необычных) словосочетаний «ценностная функция» и «двузначная алгебра метафизики» нужно еще выяснить и точно определить.

Чтобы определить понятие «двузначная алгебра метафизики», необходимо точно установить значение слова «метафизика». В естественном языке философов это слово — омоним: оно имеет множество качественно различных значений. Не будем тратьте ресурсы на обзор этого множества, а сразу укажем на то значение,

в котором слово «метафизика» будет систематически использоваться в данной статье. Это значение точно определено и подробно разъяснено на множестве конкретных примеров в монографиях [4, 5] и в статьях [6–8]. Согласно указанным работам *метафизика в сущности своей есть формальная аксиология*, то есть учение о системе абстрактных ценностных форм (отвлеченных от их конкретного содержания). Система есть совокупность отношений. Поэтому *метафизика изучает отношения между абстрактными ценностными формами*. Содержание этих форм может быть любым: его можно менять, в связи с этим целесообразно введение *ценностных переменных* в искусственный язык (дискретной математической модели) метафизики. В простейшем (двузначном) случае абстрактные ценности могут быть либо положительными, либо отрицательными.

В таком важном частном случае формальной аксиологии, как формальная этика, роль положительной абстрактной ценности играет «добро (хорошее)», а роль отрицательной абстрактной ценности — «зло (плохое)». В этом случае двузначная алгебра метафизики (как формальной аксиологии) предстает в виде двузначной алгебры формальной этики [4, 5, 24, 26]. Она строится на множестве всего того, что является либо хорошим, либо плохим относительно некоторого переменного (индивидуального или коллективного — неважно) субъекта моральной оценки (оценщика) Σ . Элементы двухэлементного множества $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$ называются *ценностными (моральными) значениями* поступков, субъектов и тому подобных элементов того огромного множества (обозначим его буквой D), на котором строится двузначная алгебра формальной этики. *Ценностными (моральными) функциями от одной ценностной переменной* называются отображения $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$. *Ценностными функциями от двух ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, где символ $\times$ обозначает декартово произведение множеств. *Вообще говоря, ценностными (моральными) функциями от N ценностных переменных* называются отображения $\{x, p\}^N \rightarrow \{x, p\}$, где N — любое целое положительное число. Абстрактные *ценностные (моральные) формы* элементов множества D представляют собой *ценностные (моральные) функции от некоторого числа ценностных (моральных) переменных*.

Систематическое изучение двузначной алгебры формальной этики есть исследование системы формально-аксиологических отношений между ценностными (моральными) функциями и их композициями. Теперь, дав необходимые определения терминов, перейдем непосредственно к построению дискретной математической модели обсуждаемой классической религиозной догмы (о бытии Бога везде) с целью ее обоснования средствами двузначной алгебры формальной аксиологии. Для построения («здания») предлагаемой дискретной математической модели потребуются (в качестве «кирпичей») некоторые конкретные ценностные функции от одной или двух ценностных переменных. Эти непосредственно относящиеся к делу специфические ценностные функции нужно однозначно представить в искусственном языке модели и точно определить. Ранее они уже определялись и обсуждались [9, 25] в связи с другими научно-исследовательскими задачами, но ниже в данной статье целесообразно повторить эти определения еще раз, так как они необходимы как для построения впервые предлагаемого концептуально

нетривиального доказательства обсуждаемого тезиса, так и для адекватного понимания этого доказательства. Начнем с табличных определений ценностных функций.

Глоссарий для следующей ниже табл. 1: Символ Gz обозначает ценностную функцию — «Бог (чего, кого) z в монотеистической мировой (вселенской) религии». Jz — «бог (чего, кого) z в политеистической локальной (языческой) религии¹». Dz — «демон (чего, кого) z в политеистической локальной (языческой) религии». Sz — «Сатана (Дьявол), Анти-Бог (чего, кого) z в монотеистической мировой (вселенской) религии». Ez — «бытие (чего, кого) z ». Nz — «небытие (чего, кого) z ». Tz — «время (чего, кого) z ». Vz — «место, пространство (чего, кого) z ». Bz — «вещь (что, кто) z ». Перечисленные ценностные функции от одной ценностной переменной точно определяются приведенной ниже табл. 1.

Таблица 1

Ценностные функции от одной переменной

z	Gz	Jz	Dz	Sz	Ez	Nz	Tz	Vz	Bz
x	x	x	Π	Π	x	Π	x	x	x
Π	x	Π	x	Π	Π	x	Π	Π	Π

Глоссарий для следующей ниже табл. 2: Символ Cwz обозначает ценностную функцию от двух ценностных переменных «существование (чего, кого) z в (чем, ком) w » или «бытие (чего, кого) z внутри (чего, кого) w ». В данной статье функция Cwz точно определяется следующей ниже ценностной табл. 2. Впервые это определение было дано в статьях [6–8, 10, 11].

Таблица 2

Функция «бытие- z -в- w »

w	z	Cwz
x	x	x
x	Π	Π
Π	x	x
Π	Π	x

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-1: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); Π (плохо)} при любой возможной комбинации ценностных значений (x или Π) переменных. Отношение

¹ Здесь в одном случае употребляется слово «Бог» (с большой буквы), а в другом — «бог» (с маленькой буквы), но это различие не случайно, а преднамеренно: оно указывает на качественное различие значений упомянутого слова в монотеистических и политеистических религиях. Качественное различие формально-аксиологических значений обсуждаемого слова, то есть ценностных функций Gz и Jz , нетрудно заметить, внимательно сравнив их табличные определения (табл. 1).

формально-аксиологической эквивалентности ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega = + = \Delta$ ».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом двузначной алгебры метафизики (=формальной аксиологии) является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон метафизики (=формальной аксиологии) есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон метафизики (=формальной аксиологии), если и только если $\Omega = + = x$.

Систематически применяя приведенные выше дефиниции и аккуратно «вычисляя» соответствующие ценностные функции, нетрудно получить следующую ниже систему уравнений алгебры формальной аксиологии:

1) $CwGz = + = x$: существование Бога *в любом* w есть формально-аксиологический закон, то есть закон алгебры метафизики.

2) $CBwGz = + = x$: существование Бога *во всякой вещи* w есть закон алгебры метафизики (=формально-аксиологический закон).

3) $CVBwGz = + = x$: существование Бога *везде*, то есть *в пространстве (месте) всякой вещи* w есть закон алгебры метафизики.

4) $CTwGz = + = x$: существование Бога *всегда*, то есть Его *бытие во время любого* w , есть закон алгебры метафизики.

Эти (формально-аксиологические) законы алгебры метафизики позволяют по-новому взглянуть на затянувшуюся дискуссию (в богословской литературе) по проблеме присутствия Бога во всем, во всех вещах сразу (*omnipresence of God*) [17, 18, 20–22, 27]. Активное обсуждение этой очень сложной проблемы началось уже в работах Августина Блаженного [16, 20], Фомы Аквинского [14, 15], Ансельма Кентерберийского [13, 23, 36] и продолжается вплоть до наших дней. Содержательный анализ накопившегося к настоящему времени большого количества публикаций по этой проблеме, выполненных исключительно на естественном языке [28, 30–33, 36–38], производит удручающее впечатление: дискуссия зашла в тупик, все очень сложно. Но если перевести ее на уровень *искусственного языка дискретной математической модели*, ситуация качественно меняется (превращается в свою противоположность): все очень просто.

С точки зрения чисто математической техники представленное выше алгебраическое обоснование религиозной догмы «Бог существует всегда, везде, во всем» (путем «вычисления» ценностных таблиц) удивительно просто. И при этом, с содержательной, собственно метафизической точки зрения, предложенное обоснование нетривиально и неожиданно в психологическом отношении. Более того, оно представляет ценность для дальнейшего развития *аналитической* теологии. В частности, оно дает возможность вполне рационально защитить мистическую веру рационалиста Гёделя в то, что «Ум находится везде», от обвинений в иррационализме. Получается, что в некотором (определенном выше) смысле религиозный мистицизм Гёделя совершенно рационален и логичен.

1. Берлински Д. Эйнштейн и Гёдель // Целищев В. В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск, 2014. С. 65–71.
2. Кирьянов Д., священник. Религиозно-философские аспекты мысли К. Гёделя (26 февраля 2009 г.). Научный богословский портал «Богослов.RU». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/386258.html> (дата обращения: 24.12.2016).
3. Крайзель Г. Биография Курта Гёделя. М.; Ижевск, 2003.
4. Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург, 2007.
5. Лобовиков В. О. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой»: Дискретная математическая модель ницшеанской философии сознания, религии, морали, права и преступления. Екатеринбург, 2009. С. 468.
6. Лобовиков В. О. «Бытие вещей в себе» И. Канта и обобщающее его «бытие-в» М. Хайдеггера с точки зрения двузначной алгебры метафизики // Вестн. Томс. гос. ун-та. 2013. № 4. С. 150–157.
7. Лобовиков В. О. Бинарные операции «бытие-с-в-w» и «бытие-с-вне-w» в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии: использование этих операций в дискретных математических моделях философии // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 5–21.
8. Лобовиков В. О. Проблема универсалий в свете двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии: использование ценностных функций «бытие-с-в-w» и «бытие-с-вне-w» для экспликации проблемы // Пространство и время. 2014. № 1(15). С. 43–49.
9. Лобовиков В. О. Принцип композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка. Ценностные функции от конечного числа ценностных переменных в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии как денотаты слов и сложных словосочетаний естественного языка культуры // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 2. С. 84–97.
10. Лобовиков В. О. Дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта учения Канта о необходимой противоречивости мышления о непознаваемом бытии вещей в себе // Там же. № 3. С. 9–22.
11. Лобовиков В. О. Принцип композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка диалектической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2016. Т. 16, № 3. С. 5–23.
12. Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Гёделя // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 12–23.
13. *Anselm of Canterbury*. The Major Works; edited with an introduction by Brian Davies and G. R. Evans. Oxford; N. Y., 1998.
14. *Aquinas, St. Thomas*. Summa Contra Gentiles. B. 3, pt. 1. Chap. 68: “That God is everywhere”. Notre Dame, Indiana, 1975.
15. *Aquinas, St. Thomas*. The Summa Theologica. Vol. 1 / Ed. Adler Mortimer. Great Books of the Western World. Vol. 17. Aquinas: I. Chicago; Auckland; L.; Madrid: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994. 826 p.
16. *St. Augustine*. Letter 187 (to Dardanus “On the Presence of God”) // Saint Augustine. Letters. Vol. 4 (165–203). The Fathers of the Church; Vol. 30. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 1955. P. 221–255.
17. *Brom Luco J. van den*. God’s Omnipresent Agency // Religious Studies. 1984. 20(4). P. 637–655.
18. *Brom Luco J. van den*. Divine Presence in the World: A Critical Analysis of the Notion of Divine Omnipresence. Kampen, Netherlands, 1993.
19. *Dawson J. W.* Logical Dilemmas. The Life and Work of Kurt Gödel. Wellesley, Mass.: A. K. Peters Ltd., 1997.
20. *Grabowski S. J.* The All-Present God: A Study in St. Augustine, St. Louis; L.: B. Herder, 1954.
21. *Hudson, Hud.* Omnipresence // Thomas P. Flint and Michael C. Rea (eds.). The Oxford Handbook of Philosophical Theology, Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 199–216.

22. *Inman, Ross*, 2016, Omnipresence and the Location of the Immaterial. URL: <http://www.marcsandersfoundation.org/wp-content/uploads/Omnipresence_and_the_Location_of_the_Immaterial.pdf> (accessed: 01.02.2017).
23. *Leftow, Brian*. Anselm on Omnipresence // *New Scholasticism*. 1989. 63. P. 326–357.
24. *Lobovikov V*. Algebra of Morality and Formal Ethics // *Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues* / Ed. by K. Bronk. Oxford, United Kingdom : Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.
25. *Lobovikov V*. The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word “Is” in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics) // *Philosophy Study*. July 2015. Vol. 5, No 7. P. 327–341 (doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001).
26. *Lobovikov V*. An Equivalence of Moore’s Paradox and Gödel’s Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // *Ibid*. January 2016. Vol. 6, No 1. P. 34–55 (doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).
27. *Oakes R*. Divine Omnipresence and Maximal Immanence: Supernaturalism versus Pantheism // *American Philosophical Quarterly*. 2006. 43(2). P. 171–179.
28. *Pruss A*. Omnipresence, Multilocation, the Real Presence and Time Travel // *Journal of Analytic Theology*. 2013. 1(1). P. 60–72.
29. *Rucker R. v.B*. Infinity and the Mind: The Science and Philosophy of the Infinite. N. Y., 1983.
30. *Stump E*. Presence and Omnipresence // Paul Weithman (ed.) *Liberal Faith: Essays in Honor of Philip Quinn*. Notre Dame, IN : University of Notre Dame Press, 2008. P. 59–82.
31. *Stump E*. Eternity, Simplicity, and Presence // Gregory T. Doolan (ed.), *The Science of Being as Being: Metaphysical Investigations*, Washington, D.C. : Catholic University Press, 2011. P. 243–263.
32. *Stump E*. Omnipresence, Indwelling, and the Second-Personal // *European Journal for Philosophy of Religion*. 2013. 5(4). P. 63–87.
33. *Wainwright W*. Omnipotence, Omniscience, and Omnipresence // Charles Taliaferro and Chad V. Meister (eds.). *The Cambridge Companion to Christian Philosophical Theology*, Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 46–65.
34. *Wang H*. Reflections on Kurt Gödel. Cambridge, Mass., L.: The MIT Press, 1987. xxvi + 336 p.
35. *Wang H*. A Logical Journey: From Gödel to Philosophy. Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1996. 408 p.
36. *Wierenga E*. Anselm on Omnipresence // *New Scholasticism*. 1988. 52. P. 30–41.
37. *Wierenga E*. Omnipresence // Charles Taliaferro, Paul Draper, and Philip L. Quinn (eds.). *A Companion to the Philosophy of Religion*, Second Edition, Oxford, 2010. P. 258–262.
38. *Wierenga E*. Omnipresence // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2015 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/omnipresence/> (accessed: 01.02.2017).

Рукопись поступила в редакцию 13 февраля 2017 г.

УДК 1(436)(092) + 111 + 159.922

Е. С. Черепанова

ФИЛОСОФИЯ А. МЕЙНОНГА КАК ФЕНОМЕН АВСТРИЙСКОГО РЕАЛИЗМА: ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются некоторые положения теории предмета А. Мейнонга в аспекте проблемы реальности и действительности. Проблема статуса предметов и до сегодняшнего времени является объектом изучения и полемики, что определяет актуальность рассмотрения этой темы в историко-философском исследовании. Философия А. Мейнонга рассматривается как результат развития австрийской философской культуры, одной из специфических особенностей которой является реализм.

Ключевые слова: теория предметов А. Мейнонга, реальность, действительность, бытие, существование, австрийская философия, реализм И. Ф. Гербарта, реализм Б. Больцано, интенциональность, психические акты.

В большинстве публикаций, посвященных учению А. Мейнонга, как правило, указывается, что труды его изучены мало, а теория предмета стала обсуждаться во многом благодаря полемике, которую инициировал Б. Рассел. Как при обсуждении предметно-теоретического подхода в начале XX в., так и в 70-е (см., к примеру, [14, 37, 53]), в период актуализации интереса к наследию А. Мейнонга, и сегодня (см., к примеру, [9, 198]), спор с Б. Расселом обязательно отмечается как фактор, повлиявший на распространение идей виднейшего представителя Грацкой философской школы, каким был А. Мейнонг. Собственно, предмет дискуссии, а также аргументы обеих сторон достаточно обсуждались в рамках аналитической философии, но вопрос о том, почему с точки зрения англосаксонской традиции А. Мейнонг так непоследователен в обсуждении вопроса о бытии, реальности и действительности предметов сознания, остается не до конца проясненным.

В австрийской практике обсуждения этой темы можно встретить такое суждение: «Конечно, Рассел был англичанин и аргументировал поэтому исходя из основательно на протяжении столетий проверенного смысла действительности. Мейнонг в сравнении с этим был австриец, который представлял действительность проблематичной и двусмысленной» [15, 139]. «Двусмысленность» вопроса о действительности отмечалась именно перед Первой мировой войной, в период «бесконечного» — с 1848 по 1916 г. — правления императора Франца Иосифа. Исключение Австрии из Германского союза (1866), провозглашение Австро-Венгрии (1867) поставили перед интеллектуальной элитой множество вопросов культурно-идентификационного характера. В новом государстве автономия получали только венгры, а остальная часть империи осталась даже без названия. Часть граждан, в том числе и немцы, продолжали считать ее Австрией, с чем были не согласны поляки и чехи. Власти предложили нейтральное название — «Страны и королевства, представленные в Рейхсрате», которое тоже не прижилось. В сравнении с Германией, которая, казалось бы, демонстрировала

миру воплощение гегелевской идеи прогресса, изменения в империи Габсбургов происходили разнонаправленно и формировали ощущение непредсказуемости социальных трансформаций.

Известный австрийский писатель Р. Музиль назвал в своем романе «Человек без свойств» страну «Каканией» (кайзеровской и королевской), гражданам которой присуща внутренняя неопределенность в будто застывшей вне истории империи. Жизнь в Какании «отличалась какой-то нереальностью, и как раз самым аристократическим в духовном плане каканцам, чувствовавшим себя наследниками и носителями знаменитой, ведущей от Бетховена к оперетте каканской культуры, казалось вполне естественным быть в союзе с германскими немцами и не выносить их» [8, 579].

Именно с этим историческим периодом исследователи, как правило, связывают расцвет австрийской философии, когда формируется особое австрийское видение философских проблем и складываются собственные методологии философского исследования. Помимо позитивизма и проблематизации вопроса о языке среди особенностей австрийской философии отмечают критическое отношение к немецкому идеализму, католический стиль мышления и приверженность к реализму. И хотя позитивизм является более распространенной характеристикой, так как словосочетание «философия в Австрии» прежде всего ассоциируется с достижениями Венского кружка, достаточно заметные философские школы не могут быть истолкованы таким образом. Поэтому представляется интересным рассмотреть теорию предмета А. Мейнонга как феномен особенной австрийской философской культуры, одной из ключевых особенностей которой является реализм.

Феномен австрийского реализма связан со специфическим влиянием, которое оказывали на культуру Габсбургской империи философские теории Г. В. Лейбница, Х. Вольфа, И. Канта и И. Ф. Гербарта.

Трансцендентальная философия И. Канта первоначально была с энтузиазмом воспринята в Габсбургской империи, где в «Критике чистого разума» видели не только решение проблемы познания, но и глубокий политический смысл — понимание подлинной свободы духа. К. Л. Рейнгольд, наиболее известный австрийский кантианец, не только написал целый ряд произведений, в которых комментировал труды И. Канта, но и выступал с лекциями о критической философии, в которых кантовские идеи обретали прежде всего просветительское значение. В распространении кантовских идей он видел поддержку «законосообразной и воспитующей деятельности просветителя» [19, 75]. Однако после публикации кантовской «Религии в пределах только разума», в которой мыслитель критикует обряды католической церкви, отношение к трансцендентальному идеализму принципиально изменилось. Его труды были официально запрещены, и к тому же возникло понимание несоответствия протестантской и католической религиозной культур, что с очевидностью проявляется в кантовской философии религии. В связи с этим в австрийской философии сложилась определенная антикантианская позиция, которая не только повлияла на развитие позитивизма в XX в., но и на то, что в XIX в. широкое распространение получила философия

Г. В. Лейбница в изложении Х. Вольфа и реализма Ф. Гербарта. «Вольфианский рационализм и его позднейшая модификация в работах Иоганна Фридриха Гербарта стали оплотом противников критической трансцендентальной философии Канта...» [15, 152].

Центральным понятием учения И. Ф. Гербарта является «реал», или «реалия», как иногда переводят этот термин. Он призвал подвергнуть анализу теорию Канта, а также отказаться от понятия единой субстанции в духе Спинозы. Соглашаясь с тем, что вещь в себе непознаваема, он считает необходимым обосновать, что представления о вещах, данные в опыте, никак не связаны с действительными простыми качествами вещей. «Герbart определял бытие как множество реалий (Realen), которые являются абсолютно простыми... Категории пространства, времени, движения и единства определяются этой совокупностью реалий» [4, 424]. Эти простые качества вещей обладают абсолютным полаганием, это единственное знание, которым обладает человек, и оно отражено в логическом законе тождества.

Сами по себе реалы абсолютно неизменны, и нельзя говорить о каких-то процессах развития, которые происходят с этими непознаваемыми субстанциями. Реалы движутся в умопостигаемом (интеллигибельном) пространстве и там соотносятся друг с другом, проявляя свойства, познать которые можно в опыте. Опыт показывает, что имеется множество не априорных, а данных понятий, которые связаны между собой иногда достаточно противоречиво, и философия должна содействовать разрешению противоречий, видя в этом свою ключевую задачу. «Философия в соответствии с этим понималась главным образом как анализ понятий, причем ее генезис определенно и категорически отделялся от помысленного в них, схваченного в понятиях» [14, 8].

Очевидно, что теория И. Ф. Гербарта во многом близка кантовской, но в современных исследованиях австрийской философии реализм понимается как нечто принципиально противоположное трансцендентальному идеализму. На эту особенность в интерпретации гербартарианства указывал еще В. Виндельбанд, комментируя второе издание своего историко-философского труда: «Но такое обозначение (противопоставление идеализма и реализма. — *Е. Ч.*) вводит читателя в заблуждение, и поэтому от него следует отказаться. Если под идеализмом понимать учение, по которому мир восприятия как таковой не имеет реальности, а существует лишь в сознании как представление, то Гербарта следует называть идеалистом в такой же степени, как и Канта» [1, 387]. Однако и в описании специфики австрийского мировосприятия, и в интерпретации идей А. Мейнонга известный исследователь австрийской философии П. Кампиц использует понятие «реализм» как противоположное идеализму [15, 16, 127]. В этом же значении говорит о реализме Р. Халлер, подчеркивая его противоположность трансцендентальному идеализму и отмечая, что «реализм еще до возникновения дескриптивной психологии, то есть еще до Brentano, достиг стойкого влияния в школах австрийской монархии» [14, 8].

В этом суждении Р. Халлера важным является указание на психологию, потому что разработанные метафизические принципы И. Ф. Гербарта напрямую связаны той революцией в психологии, о которой обычно говорят исследователи в связи

с гербартарианским обоснованием естественно-научного характера психологического знания. И. Ф. Герbart написал фундаментальный труд «Психология» (1824), а также целый ряд других работ, в том числе и «Учебник психологии» (1834), который был широко известен, особенно в Австрии, в том числе из-за критики идей И. Канта и Г. Фихте.

И. Ф. Герbart указывал, что если философия должна быть наукой о понятиях, то психология будет наукой, предметом которой должен быть вопрос об их психическом возникновении. Этот вопрос следует решать, используя методологию естествознания, а также математики. Нет никаких оснований полагать, что существуют различные силы души, считает Герbart, так как душа в своей сущности — это простое качество, и многообразие психических актов является лишь следствием многообразия связи ее с другими реалами. «Душа есть простая сущность, и не только без частей, но и без какой-либо множественности в своем качестве» [3, 219].

Целостность души предстает с определенностью, если признать, что главная функция души — это представление. «Представление есть не что иное, как самосохранение души в ее собственной сущности, потому что при этом разнообразии представлений происходит от разнообразия нарушений, которым душа сопротивляется в каждом самосохранении» [2, 109].

Ни воля, ни какое-либо другое психическое качество не может быть первичным по отношению к представляющей способности души. Таким образом, Герbart исключает какую-либо возможность понимать психологию с позиций трансцендентального идеализма, представители которого «умножают неправильные взгляды на психологические предрассудки, смешивая нравственные суждения с самостоятельностью воли» [Там же, 59].

В исследовании представлений Герbartом вновь актуализируется близкая лейбницевской картина универсума атомарных реалов. Целостность душевных процессов определяется тем, что представления, которые возникают в результате взаимодействия с реалами, не пропадают, когда это взаимодействие завершается.

Представления не существуют сами по себе, они определенно связаны с объектом представления, в этом отношении представление — это феномен, который аналогичен силе в механике. Если в сознании одно представление, то оно очень интенсивно, но возможна другая ситуация, когда, «встречаясь в одном и том же субъекте с другим противоположным себе представлением, оно впервые приходит в деятельность, через которую выступает из самого себя. Оно стесняет другое, потому что стесняется другим; а оба они стесняют друг друга в силу возникшей между ними противоположности» [Там же, 88]. И таким образом, коль скоро можно говорить о представлении как о силе определенной интенсивности, возможно математическое описание представлений. Изменение интенсивности описывается И. Ф. Герbartом как увеличение или уменьшение освещенности и представлено как «теория законов затемнения и противоположного ему освещения, или обратного выступления представлений в сознание» [Там же, 89].

Представления могут сталкиваться, замещать друг друга, но при этом сохраняются, хотя и в разной степени интенсивности. Чем «сильнее» было представление,

тем оно меньше теряет при столкновении с другим. Но, даже совершенно утратив силу, представление может достигнуть так называемого порога сознания [2, 96].

В этом аналогичном физическим движениям процессе важно, что уже имеющиеся в сознании первоначальные представления стремятся соединиться с вновь возникающими, если они им как-либо близки, и как бы обогатиться за счет этого слияния. Таким образом, полагает И. Ф. Герbart, можно объяснить представления о пространстве и времени, которые, возникнув в сознании человека как первоначальные представления о положении какой-либо конкретной вещи или о происходящем конкретном событии, затем «принимают в себя» вновь возникающие аналогичные представления такого рода, трансформируясь таким образом. Поэтому, как считает И. Ф. Герbart, нет никакой необходимости использовать при объяснении познания теорию априорных форм, разработанную в критической философии И. Канта.

Движение первоначальных представлений, которое происходит по определенным законам, позволяет объяснить и более сложные психические явления. Механика и статика движения представлений может быть объяснена математически, и вследствие этого даже сложные теоретические понятия могут быть рассмотрены как следствия представлений, порожденных ввиду самосохраняющей функции души как простого качества — реала.

В связи с этим с реализмом в Австрии стали связывать критическое переосмысление ключевых принципов кантовской философии на основании признания объективности простых качеств (реалов), а также возможность использовать естественно-научные методы для анализа психических процессов.

Критика И. Ф. Герbartом философии И. Канта и Г. Фихте, неприятие идеи революции, которое можно видеть в его социальной теории, были причиной поддержки и распространения его идей в католической стране. «Особый интерес австрийцев к Герbartу становится более понятным, если вспомнить, сколь виртуозно в своих целях его использовали католики... <...> Методология Герbartа, его переосмысление традиционных теорий с помощью введения новых классификаций совпадали с практикой апологетов католицизма», — полагает исследователь австрийской культуры У. Джонстон [4, 429]. Можно сказать, что таким образом философия И. Ф. Герbartа получила идеологическую поддержку и в определенном смысле согласовывалась с религиозной культурой региона.

Для понимания сути австрийского реализма также важно принимать во внимание и влияние Б. Больцано, который в определенной степени развивал свое учение в контексте философии Г. В. Лейбница и И. Ф. Герbartа. И хотя не все его идеи были по достоинству оценены современниками, его логика стала предметом обсуждения в XX в. благодаря учителю А. Мейнонга Ф. Brentano. Философия Б. Больцано также признается типичным австрийским реализмом, которая по своей антиидеалистической и антиспекулятивной направленности не уступает философии Ф. Brentano и Венского кружка [15, 71].

В работе «Наукоучение» (1837) Б. Больцано, которого называли богемским Лейбницем, обосновывает основополагающий принцип: есть предметы, которые следует отличать и от их обозначений в языке, и от их репрезентаций

в психических процессах. Эти в-себе-сущие предметы не являются реально существующими предметами, то есть не даны в пространстве и времени, и в причинной связи, бытийствуют сами по себе (*Ansichsein*). В комплексе логических предметов такого типа есть два класса — представления-в-себе и предложения-в-себе. По сути, речь идет о том, что есть объективно существующие смыслы, которые могут быть выражены по-разному в языке, но их значение постоянно. Из представлений строятся утверждения, и соответственно истина как утверждение тоже существует вне устремлений субъекта ее понять и соответственно независимо от ее выражения в речи.

Идеи Б. Больцано во многом были восприняты его учеником Р. Циммерманом (также и последователем И. Ф. Гербарта). Р. Циммерман написал учебник «Философская пропедевтика», по которому десятилетиями учились молодые интеллектуалы Австро-Венгрии. И хотя при жизни Б. Больцано его логика не была широко известна, становится понятно, почему ученики Ф. Brentano с воодушевлением обсуждали теорию о предложениях-в-себе. Это «в конечном счете привело к открытию великого Бернарда Больцано, из-за нового издания его “Наукоучения”, которое вышло благодаря хлопотам ученика Мейнонга Алоиза Хефлера в 1913 году» [14, 10].

Применительно к проблеме реальности предметов сознания важно понимать, что, говоря о в-себе-сущих предметах, дословно о «собственно предметах» (*eigene Gegenstände*), Б. Больцано подчеркивает, что они не существуют реально. Но они есть, и Бог знает их все, независимо от того, истинны они или ложны, мыслятся они кем-либо или нет. То есть предложения-в-себе не даны в наличном бытии (*Dasein*), не обладают существованием (*Existenz*), их нет в действительности (*Wirklichkeit*) [11, 105]. Процесс мышления и многообразие речи лишь указывают на то, что такой бесконечный многообразный универсум имеется, потому что есть много способов выражать смысл и множество путей его постижения. Поэтому, коль скоро философия обсуждает проблему возможного и действительного, случайного и необходимого, то это лишь указывает на объективно существующие взаимосвязи, которые мыслители пытаются выявить.

Говоря о представлении, Б. Больцано указывает, что сам термин, который он использует, означает, что есть то, что представляется, то есть предмет представления. «Я понимаю под *предметностью* (курсив Больцано. — Е. Ч.) представления-в-себе ничто иное, чем то, что предметы, которые в нем представляются, даны» [12, 55]. Представление-в-себе является основанием представлений субъекта, которые всегда ограничены способностями человека к восприятию. На наличие представлений-в-себе указывает как раз осознаваемая человеком ограниченность его представлений. То есть человек может представить виноградник в Италии, но точное количество ягод этого виноградника человек представить не может, поэтому это и будет представление-в-себе. Соответственно по своей природе представления-в-себе не могут быть истинными или ложными, в отличие от предложений-в-себе.

В субъективном познании, результаты которого выражены в конкретных суждениях, наличие представлений-в-себе или истин-в-себе может быть выявлено

при анализе опыта понимания и высказывания. Общие представления — цвета или запаха — невыводимы на основе субъективного опыта восприятия, напротив, суждения о приятном запахе и красном цвете розы свидетельствуют о наличии объективных общих понятий.

В начале XX в. австрийский реализм претерпел существенные трансформации из-за нового понимания процессов познания и проблемы реальности, которое было представлено в трудах Э. Маха. Предложенный им принцип экономии мышления позволял исключить из перечня философских вопросов проблему трансцендентального субъекта, априорного, вещи-в-себе и других кантовских категорий. Таким образом, философия уже не должна была критиковать Канта, можно было попросту отбросить его теорию из соображений продуктивного, позитивного философствования. Такая позиция Э. Маха соответствовала, как уже говорилось, сформировавшейся в австрийской культуре антикантианской установке.

Реальность, толкуемая в теории Э. Маха как комплекс ощущений познающего субъекта, получала определенные естественно-научные, а не метафизические характеристики. Психическое теперь описывалось не как фундированное объективно данными реалами или предметами, а как комплекс элементов, каждый из которых можно было в принципе свести к физическому, так как психическое и физическое содержат общие элементы. Физические явления измеримы и изучаются с помощью приборов: звуки, свет, цвет, — все это возможно рассматривать в рамках естествознания, следовательно, методы естествознания применимы в изучении психического.

Образование сложных идей и абстрактных понятий необходимо объяснять на основе естествознания, достижений современной физиологии и психологии. «Кому понятие кажется висящим в воздухе идеальным образованием, которому не соответствует ничего действительного, тому следует принять в соображение следующее. <...> ...Мы... реагируем психофизиологически на объекты, относящиеся к одному и тому же классу понятий, действительно одинаковым образом, а на объекты, относящиеся к различным классам, различно, что становится особенно ясным, когда речь идет об объектах биологически важных. Элементы ощущений, к которым в последнем счете могут быть сведены признаки понятий, суть психические и физические факты» [6, 151].

Помимо этого Э. Мах предлагает отказаться от каких-либо метафизических интерпретаций разума и воли, так как «нет никакой противоположности между представлением и, например, волей. И первое и вторая — суть продукты органов, первое — преимущественно отдельных органов, вторая — совокупности органов» [Там же, 128]. Познание, как и стремление к познанию, необходимо объяснять только на основе необходимости сохранения жизни, которому следует индивид. Именно стремление к самосохранению определяет ту или иную картину реальности, данную в опыте познающему субъекту, и соответственно желание отыскать истину.

Представленные в трудах Э. Маха принципы понимания проблемы реальности, ликвидирующие в равной мере автономию Я и метафизические универсалии, вызвали широчайший резонанс. По сути, не было ни одного видного интеллектуала Вены, который бы так или иначе не выразил свое отношение к идеям Маха. С ним

полемизировали Э. Гуссерль, М. Планк, А. Эйнштейн, его лекции с воодушевлением слушали поэты и писатели «молодой Вены».

Г. Бар, писатель, в своем эссе о сущности импрессионизма как художественного направления и мировоззрения писал, что «Анализ ощущений» — это «книга, в которой действительно более всего выражено ощущение жизни нового поколения. В ней исчезают все перегородки, физическое и психическое сливаются, элемент и ощущение — это одно, “Я” растворяется, и все оказывается лишь вечным потоком... <...> Наконец-то стало очевидностью все то, что мы давно уже туманно предчувствовали» [10, 113–114].

Под влиянием работы Э. Маха «Анализ ощущений» философия Гербарта, как и любая другая классическая метафизика, была отвергнута. Впрочем, Р. Вале (ученик Э. Маха), несмотря на это, будет подчеркивать значимость Гербарта в контексте развития философской мысли в Австрии [20].

Однако философствование в духе принципов реализма продолжалось. Встал вопрос о возможности сведения восприятия к комплексу элементов, а также была по-новому актуализирована проблема бытия, существования и действительности. И реализм соответственно теперь означал не только признание данных сознанию как объективно существующих истин, понятий или представлений, но и то, что исследование причин этой данности должно происходить хоть и в рамках философии, но с учетом психологических объяснений того, как возникают в сознании такие понятия и представления.

В австрийской философии этого периода, в силу определенной антиметафизической установки, сформировалось понимание психологии как естественно-научной области знания, которая имеет дело с непосредственной реальностью опыта (опять же очевидно влияние Маха). Ф. Brentano в своем труде «Психология с эмпирической точки зрения» предложил считать интенциональность критерием, на основе которого необходимо отличать психическое от физического. Его методология предполагала, «во-первых, заниматься философией как научной дисциплиной; во-вторых, признавать эмпирию как источник познания фактов и в соответствии с этим понимать внутреннее восприятие как фундамент восприятия фактов» [14, 12].

А. Мейнонг в рамках этой же установки указывает на то, что теория предмета, как фундирующая психологию дисциплина, будет классифицировать и объяснять предметы представлений и впечатлений. Он видел в психологии возможность синтеза эксперимента и теории. В 1880 г., как вспоминает А. Мейнонг, он впервые в Вене проводил занятия по психологии с демонстрацией простых опытов; и хотя для совершенствования курса демонстрационных средств не хватало, он подчеркивает значение этого периода своей деятельности для работы по открытию первого в Австрии Института экспериментальной психологии [17, 58].

Теория предмета задумывалась А. Мейнонгом как общетеоретическое учение, которое будет в равной мере значимо как для экономики, так и для этики. Такое методологическое значение теория предмета должна иметь в силу того, что понятие предмета универсально, то есть касается всех фактов сознания, а предмет

объективен по отношению к познавательной деятельности. То есть предмет не создается в процессе познания, а предшествует познанию, он дан в логическом и психологическом плане. Австрийский исследователь А. Мейнонга К. Вольф указывает, что «в противовес Э. Гуссерлю, который рассматривает свои “сущности” как корреляты чистого сознания и приближается тем самым к трансцендентализму, А. Мейнонг утверждает принципиальную независимость от сознания, объективность предметов и оговаривает этот основной пункт объективизма» [21, 33]. В этом указании на отличие позиции А. Мейнонга от теории другого известного ученика Ф. Brentano, Э. Гуссерля, можно видеть, что отмечается именно невозможность интерпретации теории предмета в духе кантовского идеализма. Сам А. Мейнонг подчеркивал, что «эмпирический» настрой австрийских исследователей в конце XIX в. «мало подходил для того, чтобы предписывать природе ее законы, более подходящим было пытаться выведать их у нее» [17, 53].

Внимание А. Мейнонга к эмпиризму также определялось тем, что исследованию философии Д. Юма были посвящены две его ранние работы — «Исследование Юма I. История и критика современного номинализма» (1877) и «Исследование Юма II. Теория отношений» (1882). Изучение трудов Д. Юма было рекомендовано учителем А. Мейнонга Ф. Brentano. Успешная защита диссертации, в которой был представлен анализ идей Д. Юма, позволила начать А. Мейнонгу в 1882 г. преподавательскую карьеру в университете Граца.

Анализируя то, как Д. Юм описывает процесс соотнесения имеющихся в языке понятий и индивидуальных представлений, А. Мейнонг акцентирует внимание на том факте, что английский эмпирик ставит вопрос о действительности присутствующих в разуме идей. Р. Киндингер и Р. Халлер в предисловии к первому тому собрания сочинений А. Мейнонга отмечают, что первый ранний труд мыслителя о Д. Юме интересен возможностью оценить тип философствования А. Мейнонга [16]. С этим суждением, безусловно, можно согласиться, так как А. Мейнонг анализирует Д. Юма вне общепринятой логики — скептицизм, критику причинности, проблему Я, проблемы морали, а в контексте интересующих его тем — проблемы образования сложных идей.

Методологическим основанием теории предмета стало разработанное Ф. Brentano понятие интенциональности. Как и его учитель, А. Мейнонг подчеркивает, что все психические акты — переживания, желания, ощущения, понимание и т. д. — интенциональны и, в силу этого, имеют предмет, на который направлены. Бытие этих предметов может иметь разный статус. В некоторых случаях предмет не является действительным, но при этом не является несуществующим. Независимо от того, воспринимается предмет или нет, он дан и так или иначе представлен в сознании. Очевидно, что знание всегда имеет предмет, но точно так же стоящий «напротив» (*gegenstehen* — стоять напротив, *Gegenstand* — предмет) субъекта психического акта предмет переживается. «Каждое внутреннее переживание, по меньшей мере каждое достаточно элементарное, имеет такой предмет, и поскольку переживание находит *выражение* прежде всего в словах и предложениях языка, то такому выражению в норме противостоит значение, и это всегда и есть предмет» [17, 68].

Вопрос о действительности ставится А. Мейнонгом в работе «О теории предметов» (1904), которую можно назвать кратким изложением методологических оснований теории. При этом все ключевые концепты учения там уже представлены, а также прояснено место теории предмета в системе научного знания. «Предрассудок в пользу действительного» [7, 204] представлен на примере математики, которая имеет дело, как правило, с несуществующими предметами, в отличие от гуманитарных и естественных наук, в связи с которыми говорят о познании действительности. «За математикой закреплена обширная сфера применения как в практической жизни, так и в не меньшей степени в области теоретического исследования действительного. Однако чисто математическое познание ни в коем случае не оперирует чем-то таким, что непременно должно быть действительным» [Там же, 206]. Таким образом, полагает Мейнонг, необходимо принимать во внимание, что предметы могут иметь разный тип бытия. В одном случае это существование (Existenz), в другом — наличие (Bestand). Здесь можно указать, что в немецком варианте текста получается следующее: среди предметов, сущностью которых является то, что они «стоят напротив» (gegenstehen), есть такие, которые «об-стоят» (bestehen). Они есть по сути предметные «обстоятельства», в которых происходит познание, данные субъекту познания как некая объективность (в русском варианте переводчик, в данном случае исследователь теории А. Мейнонга В. В. Селиверстов, предлагает интерпретировать данный тип бытия как наличие, что также возможно при соответствующих разъяснениях).

А. Мейнонг подчеркивает, что нельзя говорить о существовании предметов математического знания, они скорее даны в наличии. Коль скоро невозможно признать их существующими, то они не могут быть реальными [Там же, 205]. Или, к примеру, тождество или различие как таковые не даны в действительности, хотя имеют место суждения о тождестве и различии действительных вещей, то есть эти предметы характеризуют связи и отношения, данные в действительном опыте. Такие предметы не являются реальными, но обладают личным бытием.

В работе «О предметах высшего порядка в их отношении к внутреннему восприятию» (1899) А. Мейнонг специально анализирует вопрос о реальных и идеальных предметах. Он указывает, что понятия реального и идеального в обыденном употреблении получили неоднозначное толкование, «так что называются реальными те предметы, которые, если и не существуют в действительности, во всяком случае могли бы существовать по природе своей, т. е., например, дом, хронограф, книга, естественно также цвет, звук, также электричество и т. п. — в противоположность предметам, которые хотя они определенным образом и вынуждают признавать их существующими, все же опять-таки по природе своей никогда не могли быть обозначены как существующие» [18, 394]. Таким образом, если речь идет о предметах, которые существуют в действительности, то в классификации А. Мейнонга это существующие предметы. Нельзя назвать существующими в действительности такие предметы, как равенство, различие между разными цветами, хотя такие предметы представлены в речевой практике описания явлений. Эти предметы, обозначенные абстрактными понятиями, не могут быть признаны

существующими в действительности, как дом или дерево. Действительность дана субъекту в процессе эмпирического познания, образование представлений происходит от ощущений к ассоциациям, обобщениям, и описание этого процесса необходимо осуществлять с точки зрения психологии.

Соответственно реальность не совпадает по своей сути с действительностью, так как реальными могут быть предметы, которые не существуют в действительности, но могли бы существовать. Например, воспоминания о прошлом — это представление о реальной жизни, которая уже не имеет места в действительности. И очевидно, что в реальности факты действительности дополнены связями и отношениями, которые позволяют соотносить новые данные опыта с уже имеющимися. А. Мейнонг также указывает, что при таком понимании реального идеальное также нельзя толковать просто как «мыслимое». Идеальное — это то, что есть, что наличествует, но при этом не существует. Идеальные предметы не только не существуют, но даже не могут существовать в принципе.

Можно представлять и то, что не существует в принципе. Или можно высказываться о несуществовании круглого четырехугольника, то есть судить о несуществующем. Исходя из этого, указывает А. Мейнонг, приходится поставить вопрос о бытии таких предметов. Объективы — так Мейнонг называет предметы суждения — могут быть объективами бытия (*Seiensobjektiv*) или такового/определенного бытия (*Soseiensobjektiv*). И эти два типа бытия никак не коррелируют друг с другом, так как в предложенном универсуме предметов действует принцип независимости бытия от такового-бытия. То есть данный в определенном качестве предмет может и не обладать бытием: «чтобы прийти к выводу, что круглого квадрата не существует, я конечно же должен вынести суждение об этом круглом квадрате» [7, 209]. То есть в суждении утверждается бытие предмета в определенном качестве и значении. И хотя выносится суждение о несуществовании предмета, тем самым утверждается его данность.

В этой части теории А. Мейнонг отмечает особый вклад в разработку данного принципа Э. Малли, который создавал теорию предмета как логику, благодаря чему, как известно, он разрешил те парадоксы, на которые указал Б. Рассел. Может быть, поэтому в своей поздней автобиографической работе А. Мейнонг называет Э. Малли не только исследователем, но и популяризатором [17, 115] теории предмета. Э. Малли специально рассматривает вопрос о восприятии предметов, отмечая, что все предметы можно назвать «предметами-в-себе», но не в кантовском смысле, а в том, «что предмет обладает своей сущностью независимо от какого-либо восприятия» [5, 232].

По А. Мейнонгу, предметом представления является объект, предметом суждения — объектив, и если выносится суждение о небытии объектива, то в этом случае приходится признать, что объект представления все-таки есть. То есть, даже отрицая существование чего-либо, мы имеем в виду предмет, имеющийся в нашем представлении. А. Мейнонг указывает, что в самом общем смысле было бы правильнее считать, что «предмет по своей природе является внебытийственным (*außerseiend*)» [7, 212]. То есть эти характеристики — бытие и небытие (далее также реальность, действительность) — являются внешними по отношению к предмету.

Указание на бытие не является единственным основанием для познания, и таким образом философ делает вывод о том, что любой предмет может быть потенциально предметом познания, хотя и не все может быть познано. Именно поэтому теория предмета должна рассматривать как предметы интеллектуальных актов, так и предметы желаний и чувств.

Рассуждая о разнице между теорией предмета и психологией, А. Мейнонг включается в полемику с Э. Гуссерлем, который критиковал психологизм в логике. Автор теории предмета, с одной стороны, соглашается с этим, с другой стороны, опираясь на понимание действительности и идеальности предметов, предлагает все-таки различать предметно-теоретический и психологический подходы.

Он отмечает, что сложилась практика считать, что коль скоро анализируется не существующее в действительности, то это психологическое исследование. «То, что не существует вне нас, как иногда думают, должно по крайней мере существовать в нас. И далее, считают, что такого рода предмет относится к ведению психологии, и в конце концов приходят к убеждению, что познание всего существующего, как и познание реальности как таковой, может рассматриваться исключительно «с точки зрения психологии»» [7, 227]. Предложение — это логическая, грамматическая конструкция, но и одновременно это указание на психологический акт, в котором совершается суждение о чем-то или предположение чего-то. Реальность психического опыта должна приниматься во внимание, и это не будет означать, что теория предмета становится психологией. Здесь еще раз надо подчеркнуть, что психология еще со времен И. Ф. Гербарта понималась как наука о действительных представлениях, об их динамике, статике и полноте. В силу этого она ориентирована на действительность в большей мере, чем теория предмета, которая, в свою очередь, признает, что представления являются психологической предпосылкой чувств и желаний.

Также в понимании представления А. Мейнонг не соглашается с тем, что его можно свести к комплексу элементов ощущений; предметно-теоретический подход предполагает, что предмет представления должен рассматриваться как целостное явление. И поэтому психология, которая будет принимать во внимание этот принцип, может более адекватно интерпретировать психические процессы и собственно познание. Х. Эренфельс, также ученик Ф. Brentano, в своей работе «Гештальт-качества» (1890) указывал, что хотя звуки, ноты, есть элементы мелодии, но представляет человек именно мелодию. То есть образ, гештальт, не может быть понят только как совокупность ощущений, и как целое гештальт-качество больше, чем просто сумма элементов. Эти идеи стали предметом обсуждения и полемики Грацкой и Берлинской психологических школ [12, 965] и, конечно, были приняты во внимание Э. Махом. Поэтому можно говорить, что автор теории предмета в обсуждении проблемы предметов представления опирался на определенные достижения научной школы, созданию которой он, как друг Х. Эренфельса, всячески содействовал.

Различение действительного, реального и идеального является для А. Мейнонга основанием отличать метафизику и теорию предмета. Метафизика должна изучать то, что есть в действительности, и может быть представлена в опыте

познания, то есть апостериорное, а теория предмета — априорное. При этом, в силу естественной установки познания, может показаться, что совокупность предметов, имеющих в действительности и в реальности, значительно больше, чем предметов, которые не могут иметь такой статус бытия. А. Мейнонг неоднократно показывает, что универсум предметов бесконечен и количественно, и качественно, что и определяет методологическое значение теории предмета относительно других философских дисциплин.

Таким образом, действительность и реальность в описании метафизики предстают однозначно и даже одномерно, непротиворечиво и одномерно, чему противоречат многомерность и неоднозначность языка. И если теория познания будет ориентироваться только на метафизически понимаемые предметы познания (действительные и реальные), то множество данных, наличествующих в сознании предметов, оказывается вне научного анализа или получит только психологическое объяснение. В этом во многом проявляется реализм исследовательской установки А. Мейнонга в понимании реальности и действительности: значение эмпирического опыта не принижается, как и эмпирического подхода в философии, но проблемы познания и вопросы, связанные с объяснением наличия ценностей (эстетических и этических), решаются на основе признания объективно существующих предметов.

-
1. *Виндельбанд В.* От Канта до Ницше. М., 1998.
  2. *Гербарт И. Ф.* Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике // Гербарт И. Ф. Психология. М., 2007.
  3. *Гербарт И. Ф.* Учебник психологии // Там же.
  4. *Джонстон У.* Австрийский Ренессанс. Московская школа политических исследований. М., 2004.
  5. *Малли Э.* «О независимости предметов от мышления» // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLVI, № 4.
  6. *Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.
  7. *Мейнонг А.* «О теории предметов» // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII, № 1.
  8. *Музиль Р.* Человек без свойств. М., 1984. Кн. 1.
  9. *Селиверстов В. В.* Значение и становление теории предметов Алексиуса Мейнонга // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII, № 1.
  10. *Bahr H.* Impressionismus // Bahr H. Dialog vom Tragischen. S. Fischer Verlag. B., 1904.
  11. *Bolzano B.* Wissenschaftslehre. Friedrich Frommann Verlag (Günter Holzboog), Stuttgart, Bad Cannstatt. 1985. R. 1. Bd. 2, T. 1, § 1–45.
  12. *Bolzano B.* Wissenschaftslehre. Friedrich Frommann Verlag (Günter Holzboog), Stuttgart, Bad Cannstatt. 1987. R. 1, Bd. 2, T. 2, § 46–90.
  13. *Fabian R.* Cristian von Ehrenfels: Dichter und Denker visionärer Welten // Benedikt M., Knoll R., Zehetner C. Verdrängter Humanismus — verzögerte Aufklärung. Facultas Verlags- und Buchhandels AG WUV, Wien. 2005. Bd. 5. S. 963–973.
  14. *Haller R.* Studien zur Österreichischen Philosophie. Rodopi, Amsterdam, 1979.
  15. *Kampits P.* Zwischen Schein und Wirklichkeit. Österreichischer Bundesverlag. Wien, 1984.
  16. *Kindinger R., Haller R.* Vorwort. S.VIII // A. Meinong Abhandlungen zur Psychologie. Bol. I // A. Meinong Gesamtausgabe. Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. Graz, Austria, 1969.
  17. *Meinong A.* Über Gegenstandstheorie. Selbstdarstellung. Felix Meiner Verlag Hamburg, 1988.

18. *Meinong A.* Über Gegenstände höherer Ordnung und deren Verhältnis zur inneren Wahrnehmung // *Meinong A.* Gesamtausgabe. Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. Graz. Austria. 1969. Bd. 2.
19. *Sauer W.* Österreichische Philosophie zwischen Aufklärung und Restauration. Amsterdam, Rodopi. 1982.
20. *Wahle R.* Die Tragikomödie der Westheit: Die Ergebnisse und die Geschichte des Philosophierens. Wien ; Leipzig ; Braumüller, 1915.
21. *Wolf K.* Die Grazer Schule: Gegenstandstheorie und Wertlehre // *Philosophie in Österreich.* Wien, 1968.

Рукопись поступила в редакцию 3 марта 2017 г.

УДК 340: 115.3 + 124.5

Г. Кельзен¹

НОРМА И ЦЕННОСТЬ²

В статье «Норма и ценность», опубликованной в научном журнале Калифорнийского университета в 1966 г., Г. Кельзен в доступной форме излагает основные постулаты нормативизма. В рассуждениях Кельзена проявляется акцент на оценке и интерпретации действий не только с позиции «должного» и «сущего», но и в контексте целевого и волевого характера действия. Направленность поведения человека на определенный результат может быть оценена с позиции позитивных и негативных ценностей. Ценности несводимы исключительно к моральным обязательствам и императивам, но в то же время выступают критерием оценки правомерных и неправомерных действий. Нормативность права, по мнению Кельзена, проявляется в нормативных и ценностных суждениях. Разновидностью таких суждений могут быть и судебные решения, когда судья анализирует фактическое поведение с точки зрения соответствия или несоответствия действующим правовым нормам. Такой анализ различных видов суждений позволяет Кельзену прояснить наиболее сложные аспекты философско-правового учения нормативизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нормативизм, правовая норма, ценность, Г. Кельзен.

Предисловие к переводу

Философские идеи и взгляды Г. Кельзена имеют разносторонний характер, в его творчестве сочетаются интерес к историко-философской реконструкции (учения Платона, Аристотеля), философии права (учение о соотношении бытия и долженствования), политологии (теория демократии), теории права (учение о логической иерархии правовых норм) и аналитической философии.

¹ Ганс Кельзен (1881–1973) — австрийский философ и ученый, создатель философско-правового учения нормативизма, оказавшего существенное влияние на историю философии, философию права, теорию и методологию права.

² Перевод с английского языка А. Б. Дидикина (abdidikin@bk.ru). Перевод выполнен по изданию: *California Law Review.* Vol. 54, № 4 (Oct., 1966). P. 1624–1629 и публикуется с разрешения издательства.

Оригинальность понятийного аппарата и методологии в нормативизме характеризуется тем, что само нормативистское учение получило название «чистой теории права» в трудах его автора. Г. Кельзен изучает правовую реальность как автономную от других социокультурных факторов генезиса правовой системы и на основе комплексно разработанной методологии и метафизических принципов. В ранний австрийский период Кельзен находился под влиянием Марбургской школы неокантианства, в том числе философского учения Г. Когена. Это проявилось прежде всего в формулировке гипотетических конструкций правовых явлений и в метафизическом обосновании соотношения двух сфер правовой реальности — бытия и долженствования. Динамика правовой реальности состоит в том, что, по мнению Кельзена, причинно-следственные связи, характерные для природных явлений, в правовой реальности не существуют. Именно действия уполномоченных субъектов, их решения и интерпретация действующих правовых норм составляют то, что в теории права именуют правовыми отношениями. Вместо понятия причинности Кельзен предложил использовать термин «вменение», опираясь на историко-философскую идею воздаяния за грехи и несправедливые деяния.

Учение о логической иерархии правовых норм является наиболее известным и разработанным элементом нормативизма. Предположение о существовании основной нормы как трансцендентально-логической категории и основы всей правовой системы способствовало дальнейшему обоснованию Кельзеном логической иерархии взаимосвязанных друг с другом общих и индивидуальных норм. При этом государство как выражение правопорядка одновременно является продуктом всей правовой системы и получает завершённый статус субъекта права только при наличии международного признания и соблюдения норм международного права.

После эмиграции в США в конце 30-х гг. XX в. и в годы работы в Калифорнийском университете Г. Кельзен адаптирует основные постулаты философско-правового учения нормативизма к интеллектуальной традиции аналитической философии права. Концепция основной нормы приобретает эмпирический характер, что позволяет обнаружить влияние этой концепции на концепцию Г. Харта о первичных и вторичных правилах. Понятие «вменения» с точки зрения лингвистического содержания также сопоставимо с понятием «аскрипции» в философии права Г. Харта, что подчеркивает сходство методологических оснований нормативизма с аналитической философией права.

* * *

Если норма предусматривает, что определенное поведение «должно» иметь место в контексте «руководства» поведением, то фактическое поведение может соответствовать или не соответствовать норме. Поведение соответствует норме, если оно такое, каким должно быть согласно объективно действующей норме; если же оно не соответствует норме, то оно не такое, каким должно быть согласно объективно действующей норме, потому что в таком случае это поведение противоположно тому, что соответствует норме. Суждение о том, что фактическое поведение такое, каким оно должно быть согласно объективно действующей

норме, — это ценностное суждение, а именно позитивное ценностное суждение. Оно означает, что фактическое поведение является «хорошим». Суждение о том, что фактическое поведение не такое, каким должно быть, соответствуя объективно действующей норме, потому что это поведение противоположно тому, которое соответствует норме, является негативным ценностным суждением. Это значит, что фактическое поведение является «плохим» или «злым». Объективно действующая норма, в соответствии с которой определенное поведение «должно быть», формирует позитивную или негативную ценность. Поведение, соответствующее норме, имеет позитивную ценность, а поведение, не соответствующее норме, — негативную ценность. Норма рассматривается как объективно действующая функция и как ценностный стандарт, применимый к фактическому поведению. Ценностные суждения, подтверждающие, что фактическое поведение соответствует объективно действующей норме и в этом смысле является «хорошим» или же не соответствует и тем самым является «плохим», должны отличаться от суждений о действительности, подтверждающих, независимо от объективно действующей нормы, что нечто существует и каким образом существует.

Фактическое поведение, к которому относится ценностное суждение, — поведение, составляющее объект оценки и имеющее позитивную или негативную ценность, — является фактом, существующим во времени и пространстве как часть действительности. Только такой факт при сравнении с нормой может оцениваться как хороший или плохой. Только у такого факта может быть позитивная или негативная ценность. Это реальность, существующая в виде ценности. Поскольку нормы как основа ценностных суждений установлены человеческой (а не сверхчеловеческой) волей, ценности формируются ею произвольно. Другие человеческие акты воли могут создавать другие нормы, противоположные формированию прежних; и эти, другие, нормы затем устанавливаются ценности, противоположные сформированным ранее. То, что «хорошо» согласно одной норме, может быть «плохим» согласно другой. Поэтому нормы, предписанные людьми, а не божественной властью, могут установить лишь относительные ценности. Тем самым действительность нормы, согласно которой должно быть определенное поведение, так же как ценность, установленная этой нормой, не исключает возможность действительности нормы, согласно которой может быть и противоположное поведение, составляющее противоположную ценность. Например, может быть действующая норма, запрещающая самоубийство или ложь при любых обстоятельствах, и другая норма, которая также действительна, разрешающая и даже требующая самоубийства или лжи при определенных обстоятельствах. Все же будет невозможно доказать, рациональна ли только одна из этих двух норм, а не другая, которая является истинно действительной.

Однако если норма предписывает определенное поведение и таким образом образуется определенная ценность, предположительно происходящая от сверхчеловеческой власти (от Бога или от природы, созданной Богом), тогда эта норма требует, чтобы возможность нормы, предписывающей противоположное поведение, была исключена. Ценность, установленная такой нормой, определяется как «абсолютная», в отличие от ценности, установленной нормой, предписанной

человеческой волей. Объектом научной теории ценности могут быть лишь нормы, предписанные человеком, и ценности, установленные этими нормами.

Если ценность обусловлена объективно действующей нормой, то суждение о чем-то реальном (фактическом поведении человека) является «хорошим» или «плохим» и выражает идею, что это поведение соответствует объективно действующей норме: что поведение должно быть таким, какое оно есть. Суждение о том, что поведение не соответствует объективно действующей норме, является суждением, что поведение не должно быть таким, какое оно есть. Тогда ценность «должного» противопоставляется реальности «сущего», ценность и реальность принадлежат двум разным сферам «должного» и «сущего».

Если утверждение, что поведение соответствует или не соответствует объективно действующей норме, определяется как «ценностное суждение», тогда такое ценностное суждение нужно отличать от нормы, установившей ценность. Суждение может быть верным или неверным, потому что оно относится к норме действующего порядка. Например, суждение о том, что в соответствии с христианской моралью «хорошо» любить друзей и ненавидеть врагов, неверно, потому что норма действительной христианской морали требует любить не только друзей, но также и врагов. Суждение, что законно присудить вору смертную казнь, является неверным, если действующий закон предписывает наказание вору в виде лишения свободы, но не лишения жизни. Норма, однако, не может быть и верной и неверной одновременно, но только действующей или не действующей.

«Решение суда», объявленное судьей, является не более чем суждением, в логическом значении слова, о норме, которую он применяет. Такое «решение суда» будет вместо этого нормой, индивидуальной нормой, ограниченной в ее действительности конкретным случаем, в отличие от общей нормы, именуемой «законом».

Ценность, установленная объективно действующей нормой, должна отличаться от ценности, которая состоит не в отношении к норме, а в отношении объекта желания или воли человека, направленной на этот объект. Если объект находится в соответствии или не в соответствии с желанием или волей, то он будет иметь позитивную или негативную ценность: «хорошо» или «плохо». Если суждение описывает отношение объекта к желанию или воле человека и утверждается как ценностное суждение, то и объект, который соответствует желанию или воле, будет «хороший», а объект, который не соответствует желанию или воле, будет «плохим», и такое ценностное суждение не отличается от суждений о реальности. Оно описывает только отношение между двумя фактами, а не отношение между фактом и объективно действующей нормой. Поэтому оно лишь особое суждение о реальности.

Если что-то утверждение о том, что нечто хорошо или плохо, является простым непосредственным выражением эмоционального отношения к определенному объекту или признак того, что кто-то желает чего-то или не желает, тогда утверждение не является ценностным «суждением», потому что оно не функция познания, а функция эмоционального компонента сознания. И если эта эмоциональная реакция относится к поведению человека, кроме говорящего, тогда

она выражает эмоциональное одобрение или неодобрение сродни восклицанию «Браво!» или «Тьфу!».

Ценность, состоящая в отношении к объекту, особенно к поведению, желанию или воле человека, может определяться как *субъективная ценность*, в отличие от ценности, состоящей в отношении поведения к объективно действующей норме, которая может определяться как *объективная ценность*. Если суждение о том, что поведение хорошее, просто означает то, что желаемо для другого человека, и если суждение о плохом поведении означает лишь, что противоположное поведение желаемо для человека, тогда ценности, «хорошие» и «плохие», существуют только для человека, который желает такого поведения, но не для человека, поведение которого желают. Если суждение, что поведение «хорошее», означает соответствие поведения объективно действующей норме (а суждение, что поведение «плохое», значит, не соответствует объективно действующей норме), то ценности, «хорошие» и «плохие», существуют для людей, поведение которых оценивается, то есть для всех людей, поведение которых урегулировано объективно действующей нормой. У поведения тогда есть позитивная или негативная ценность не потому, что этого желают или не желают, но потому что это соответствует или не соответствует норме. Акт воли, составляющий объективное значение нормы, не входит в рассмотрение, поскольку затрагивает ценностное суждение.

Ценность в субъективном смысле, то есть ценность, состоящая в отношении к объекту желания или воли человека, также отличается от ценности в объективном смысле, то есть ценности, состоящей в отношении поведения к объективно действующей норме, потому что у субъективных ценностей могут быть различные степени. Желание или воля человека проявляются с различными степенями интенсивности. Однако градация объективной ценности невозможна, потому что поведение может только соответствовать или не соответствовать объективно действующей норме, но не может более или менее соответствовать.

Если норма предписывает поведение, которое возможно в разных степенях, то это выглядит так, как будто норме можно было бы повиноваться в различной степени, то есть в большей или меньшей степени. Однако это ошибка. Например, если норма предписывает, что убийство должно быть наказано двадцатью годами тюремного заключения, а затем один суд наказывает за убийство пожизненным заключением, а другой суд наказывает за убийство заключением на десять лет, то неверно полагать, что одно решение суда «более» соответствует норме, которая применена, а другое «менее», потому что ни одно из них не соответствует норме. И если норма предписывает только то, что убийство должно быть наказано тюремным заключением без определения размера наказания, тогда решение суда о пожизненном заключении не «более» соответствует норме, которая применена, а решение суда, налагающее двадцать или десять лет не «менее», потому что все три судебных решения одинаково соответствуют норме. «Более» или «менее» касаются не соответствия, а наказания.

Ценностные суждения, устанавливающие объективную ценность, определяются как объективно-ценностные суждения, а устанавливающие субъективную ценность — как субъективно-ценностные суждения. Таким образом, прилагательные

«объективный» и «субъективный» определены в отношении к установленным ценностям, а не к суждениям как функции познания. Как функция познания любое суждение должно быть объективным, то есть оно должно быть представлено без отношения к желаниям рассуждающего человека. Это возможно. Можно определить отношение специфического поведения человека к нормативному порядку, а именно соответствует или не соответствует поведение порядку, без учета эмоциональной позиции как одобрения, так и неодобрения такого порядка. Возьмем, например, вопрос о том, что, согласно христианской морали, хорошо возлюбить своих врагов. Ответ на этот вопрос, и тем самым ценностное суждение, которое за ним следует, может и должен быть дан вне отношения к тому, что кто-то одобряет или не одобряет любовь к собственным врагам. Или возьмем другой пример. Ответ на вопрос о том, должна ли, согласно действующему закону, смертная казнь быть применена к убийце и, следовательно, будет ли смерть «по закону» в случае убийства ценной, может и должен быть представлен вне отношения к тому, одобряет или не одобряет смертную казнь тот, кто дает ответ. Только тогда ценностное суждение объективно.

Подведем итог. Если суждение определяет отношение объекта (особенно поведения человека) к желанию или воле человека (то есть субъективная ценность), тогда это ценностное суждение «объективно». Если же оценивающий человек высказывается безотносительно к тому, одобряет ли он сам или не одобряет поведение, то он просто устанавливает, одобряет или не одобряет специфическое поведение как один человек или множество людей с точки зрения воли или желания объекта (или же его противоположности).

Тем самым мы проводим различие между ценностными суждениями, устанавливающими объективную ценность, характеризующими отношение между поведением и объективно действующей нормой и потому существенно отличными от суждений о реальности, и ценностными суждениями, устанавливающими субъективную ценность путем описания отношения между объектом (в особенности поведением) и фактом, что человек или множество людей желают этот объект или его противоположность (в особенности одобрение или неодобрение определенного поведения), и потому это просто специфические суждения о реальности. Это различие было подвергнуто критике на том основании, что первичные ценностные суждения являются лишь суждениями о реальности, потому что, как утверждается, норма в основании ценностного суждения создана человеческой командой или обычаем и тем самым эмпирическими фактами. Далее утверждается, что отношение факта (особенно фактического поведения) к норме является тем самым просто отношением между двумя эмпирическими фактами. Это возражение не различает акт команды или действия, составляющие обычай, и норму, которая создана этими действиями: первичен факт, вторично значение. Поэтому отношение между фактическим поведением и нормой и отношение между этим поведением к факту, значение которого составляет норма, это два различных отношения.

Совершенно невозможно описать отношение между поведением и нормой, предусматривающей, каким это поведение должно быть, не учитывая акт команды

или обычая, которым была создана норма. Это очевидно, например, когда мы думаем о нормах, которые были установлены давным-давно; о нормах, созданных действиями людей, давно умерших или забытых; или о нормах, особенно созданных обычаями более ранних поколений так, чтобы люди, чье поведение урегулировано этими нормами, знали о них только как о значениях. Когда определенное поведение оценивается как морально хорошее или плохое (потому что соответствие или несоответствие моральной норме оценивается как действующее), каждый, как правило, не знает об обычае, который создал моральную норму, на которой базируется суждение. Однако, прежде всего, действия, которыми созданы правовые нормы, входят в отношения как объекты юридического познания только в той степени, насколько они определены правовыми нормами; и основная норма как окончательная причина действительности этих норм не создана реальной волей вообще, а предполагается в правовом мышлении.

«Ценностью» также обозначается отношение, в особенности человеческое поведение, как средство к определенному результату или цели. Уместность, то есть уместное для определенной цели, является позитивной ценностью, неуместность — негативной ценностью. Цель может быть объективной или субъективной. Объективная цель является тем, что должно быть достигнуто. Это означает, что цель предусмотрена нормой, рассматриваемой как объективно действующая цель, другими словами, предписанная природой в целом, или для человека в особенности, сверхъестественной или сверхчеловеческой властью. Субъективная цель — та, что установлена самим человеком, цель, которую он желает достигнуть. Ценность поэтому состоит в соответствии цели, она идентична и ценности, состоящей в соответствии норме, и ценности, состоящей в соответствии желанию.

Игнорирование того, что реализованная цель является тем, что соответствует норме или желанию, отношению между средствами и результатом, проявляется в отношении между причиной и следствием. Нечто уместно для цели, если реализуется так, что в основе цели есть причина, а эффект формируется целью. Суждение как нечто целевое может быть субъективным или объективным ценностным суждением в зависимости от субъективного или объективного характера цели. Но такое ценностное суждение возможно только на основе понимания причинной связи между фактами, которые рассматриваются как средства и оцениваются как результативные. Если признается, что отношение причины и следствия существует между А и В (А — это причина, В — это следствие), тогда и только тогда мы можем получить (субъективное или объективное) ценностное суждение. Если В желаемо как цель или то, что «должно быть» согласно норме, тогда А — целевое и уместное для цели. Суждение, затрагивающее отношение между А и В, является субъективным или объективным ценностным суждением только до такой степени, пока В предполагается как субъективная или объективная цель.

Рукопись поступила в редакцию 13 февраля 2017 г.

УДК 1:304.9 + 7.035.93 + 7.038.6

Г. Д. Леонтьев

АНТИУТОПИЧНОСТЬ ПОСТМОДЕРНИЗМА ИЛИ ПОСТМОДЕРН УТОПИЧЕСКОГО?

В статье осуществлен анализ специфических трансформаций сущностных характеристик утопического феномена в контексте мировоззренческого перехода к постмодернистской парадигме. Выявлены направления адаптивных мутаций утопических инвариантов в пространстве постмодерна и соответствующие им инновационные формы утопического. На этой основе сделан вывод об актуальности социально-проективных утопических интенций, обусловивших поливариантные формы трансформации классической утопии, преемственность и переосмысление метафизических оснований утопического дискурса после эпохи модерна.

К л ю ч е в ы е с л о в а: утопия, антиутопия, утопические инварианты, модерн, постмодерн, мировоззренческий дискурс, постмодернизм.

Перманентность современных социальных трансформаций актуализирует обращение к социально-проективным возможностям утопического феномена. Бытие утопических идей в контексте мировоззренческого дискурса базируется на различных, порой противоречивых, метафизических основаниях, обладает вариативностью и соответственно различной степенью и глубиной проникновения практически во все сферы общественного сознания. Испытывая влияние иных социокультурных феноменов, утопия как тип сознания сосуществует с ними, занимая собственную ментальную нишу. Данное утверждение актуально не только для прошлых исторических эпох, но и для современных общественных отношений. Представления о несовместимости утопии и технологически развитого общества связаны с пониманием данного социального феномена как утопистского, то есть иллюзорного, бесплодного, субъективистского. Противоположное восприятие связано с позитивным смыслом утопического, когда утопия воспринимается в виде стратегически востребованного проекта будущего, альтернативного современному обществу. Опираясь на позитивно-утопическое понимание, утопия рассматривается автором не столько с художественно-литературных позиций

жанровой специфики, а шире — как феномен мировоззрения, поскольку, как утверждает А. Фогт, «изучение утопий является, в сущности, изучением человеческих мировоззрений» [15, 7–8].

Смена мировоззренческих парадигм модерна и постмодерна оказалась болезненной для утопического дискурса. Исходя из постмодернистского тезиса об окончании истории, исследователи [4] нередко делают вывод, что современную эпоху отличает такая черта, как антиутопичность. По этой причине актуальным является вопрос: отрицает ли постмодернизм возможность утопии или утопическое продолжает свое бытие в обществе после модерна? Вероятность присутствия утопического в мировоззренческой структуре той или иной эпохи можно определить по инвариантным характеристикам утопии. Анализ исследовательской литературы дает основание утверждать, что целостность и специфичность утопического мировосприятия обеспечивают такие черты, как рационализм, трансцендентность, универсализм, критичность и проективность. Наиболее рельефно данные характеристики просматриваются в классической утопии. Апогеем ее развития признается эпоха модерна, которая исторически охватывает период Нового времени.

Интенсивное познание законов природы и общества снижает актуальность Божественного Откровения, авторитета или традиций. Ожидание грядущего социального рая связано с уверенностью во всемогуществе и непрерываемости человеческого разума. Приоритет разума изменяет ощущение времени, прививая индустриальной эпохе идеи прогрессизма. В контексте линейного, поступательного понимания развития будущее априори мыслилось как достижимое и совершенное, чем объясняется социальный оптимизм эпохи, невзирая на все исторические катаклизмы. Поэтому, как ни парадоксально, идеи прогресса являлись одной из причин расцвета классической утопии. Именно в период Нового времени предложены десятки альтернативных форм государственно-общественного устройства, таких как технократическая «Атлантида» Фрэнсиса Бэкона, «Республика Океания» Джеймса Гаррингтона, кооперативно-фаланстерские сообщества Шарля Фурье, «общество индустриалов» Анри Сен-Симона, англо-американские коммуны Роберта Оуэна, коммунистический рай Икарии Этьен Кабе и марксистские идеи всеобщего благоденствия на основе коммунистического базиса. Организованное на принципах разума общество противопоставляется своему прошлому, неразумному, естественному состоянию. Сиюминутная повседневность, современная «несовершенная» жизнь ценностно нивелируется ради светлого будущего, которое призвано даровать всеобщее счастье. Созидательные способности человека активируются посредством целеполагания социального идеала и соответствующего ему социального программирования закрытых форм совершенного бытия. Признание жесткой причинно-следственной детерминации в логике исторических событий обуславливает апологию универсальности и контроля, тем самым исключая стохастичность и многообразие. Рациональный порядок будущего с его замкнутостью на себе самом базируется на уверенности в неизменности человеческой природы, на отсутствии внутренних и внешних флуктуаций в идеальном государстве.

Подобные прогрессистские тенденции социального конструирования со временем обретают технологические, идейно-мировоззренческие пределы, выход за которые представляет угрозу так называемому «обществу после модерна». Постмодерн — это период постиндустриального общества, утратившего веру в неизбежность поступательного движения к светлому будущему. Разум, служивший в эпоху модерна панацеей от всех социальных бед, в контексте новой эпохи, по утверждению М. Хайдеггера, выродился в рассудок как количественное, препарирующее, «исчисляющее мышление» и воплотился в технике [18, 221–238], которая, с одной стороны, освобождает человека, с другой — деформирует его гуманистические начала. Трансцендентно-ориентированная мораль предшествующих эпох сменяется требованием «самоубийства морали» и идеей «смерти Бога», то есть отказом от прежних теологических и моральных идеалов. Следствием явились снижение смысло-ценностной значимости утопических построений совершенного общества и инверсия по отношению к будущему: распространяются романы-антиутопии с демонстрацией картин повседневности тоталитарного государства. Наиболее известные авторы, представившие миру свои антиутопии, — Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл, Рэй Брэдбери, Курт Воннегут, Евгений Замятин, Андрей Платонов, Аркадий и Борис Стругацкие.

Если смысловой стержень утопических построений — критика наличной социальной действительности как не идеальной, то антиутопия демонстрирует «кризис идеального» в самом утопическом проекте. Поэтому, на наш взгляд, несмотря на негативно-шоковый характер своего воздействия, антиутопия глубоко и сущностно есть тоска по утопии, это аналог призывов Гиппократы — Парацельса «Не навреди!» и «Твори добро!», которые в применении к большому обществу требуют не только благих помыслов, но и адекватных организационно-нравственных средств во избежание летального исхода. Основной посыл антиутопии не отрицание идеала, а утверждение гуманистических ценностей во имя иного будущего. Через художественный антиобраз транслируется предупреждение о возможных последствиях воплощения высоких социальных замыслов, о возрастании «рукотворных и нерукотворных» [1] рисков. Исходя из этого, антиутопию можно охарактеризовать как своеобразную саморефлексию классической утопии в ситуации кризиса общества модерна.

«Пре-одоление» традиций модерна (Ю. Хабермас) в мировоззренческой картине мира проявляется в сосредоточенности на настоящем, продлении «здесь» и «сейчас» как конечной точки бытия. Ссылаясь на утверждение «конца истории» и учитывая доминирование апокалипсического видения грядущего, можно говорить об антиутопичности постмодернизма. Антиутопия, как было сказано выше, предполагает позитивный смысл социального предостережения, а неоднозначный термин «постмодернизм» понимается в статье как мировоззренческое переосмысление эпохи модерна («утвердительные» постмодернисты) либо как ее отрицание («скептические» постмодернисты [24, 149–162]). В контексте этого переосмысления, отрицания и предостережения рассматривается проблема утопического. С точки зрения автора, антиутопичность постмодернизма не означает исторического прерывания утопического дискурса. Инвариантные

черты классической утопии как мировоззренческого феномена не утрачиваются в постмодернистской картине мира, а трансформируются. Далее попытаемся аргументировать данный тезис, рассматривая присутствие в современном мировоззренческом пространстве таких существенных характеристик утопического, как рационализм, трансцендентность, универсализм, критичность и проективность.

Рационализм. «Утопии — порождение работы разума, изучающего, ставящего опыты, критикующего природу, связи между явлениями, формулирующего свои теории, свои объяснения», — констатирует Х. А. Маравалль [11, 217–218]. Рациональное сознание содержит в себе претензию быть «умственной проекцией природного порядка», предполагает всеобщность законов разума и следование им посредством разработки соответствующих «поведенческих форм в такой гипотетической области» [Там же, 231–232], как построение идеального государства.

Низвержение доминирующей роли разума с пьедестала модерна — это отказ от претензий на универсальную парадигму рациональности, центрированную на объекте. Но это не отказ от множества типов рациональностей, присущих конкретным социальным сообществам. «Само по себе многообразие типов рациональности не отрицает рациональность как способность человеческой мысли осваивать внутренние, качественно многообразные структурные связи и отношения бытия» [13]. Рациональность признается, но понимается постмодернизмом всего лишь как рефлексия над языком. Развенчание культа разума не отрицает рационализм как философско-мировоззренческую установку, речь идет о смене типов рациональности — от классического к неклассическому и постнеклассическому. Утопии рождаются и реализуются, опираясь на мощный потенциал способностей и возможностей Автора-Творца. Если классический тип рациональности оперирует понятием абстрактного человеческого индивида, элиминирует субъективность, облегчая тем самым схематизацию оптимально организованного утопического будущего, то в русле постнеклассической парадигмы можно говорить о включенности аксиологических параметров человеческого бытия в процесс познания. В этом случае личность автора утопии не находится в оппозиции к социуму как объекту осмысления, а признание значимости субъективных различий «утопийцев» обуславливает плюрализм социально-политического конструирования.

Снижение значимости инструментальной рациональности в базовых ценностях общества постмодерна проявляется в русле концепции постматериальных ценностей Р. Инглхарта, в смещении от материалистических приоритетов выживания к приоритетам «максимизации субъективного благополучия», качества жизни и «растущей озабоченности высшими целями» [7, 31]. Игнорирование ценностной структуры современного автору общества и предполагаемого будущего может свести на нет саму идею социально-утопического моделирования. Поэтому соотносительность знания и идей с целями и ценностными ориентациями деятельности позволяет полагать, что утопическое сознание не исключается из картины мира с постнеклассическим типом рациональности.

Трансцендентность. По определению М. Хайдеггера, «выступление за сущее мы называем трансценденцией» [19]. Но «Бог умер», и смыслы из метафизической глубины переместились на поверхность. Постмодернизм «отбросил из своего смыслового поля религиозный метанарратив, а вместе с ним все остальные трансцендентальные нарративы и мифологию» [22]. В контексте субъективной эмпирики нет метафизического, а без границ нет и запредельного. Значит, эпоха после модерна — это мир тотальной имманентности. Но разве концептуальная система Ж. Бодрийяра [3], описывающая ситуацию постмодерна, не является по сути своей трансцендентной? Гиперреальность с ее миром симулякров и метаэмпирикой даже терминологически созвучна определению одной из первых форм идеи трансцендентного как «гиперреальности вселенского сознания» [9, 55]. А симулякрам первого порядка, по классификации Ж. Бодрийяра, соответствует «воображаемое утопии». Дистанция между реальным и воображаемым, по утверждению философа, «максимизируется в утопическом, в котором вырисовывается сфера трансцендентного, коренным образом иной мир» [23, 177–178].

Этот иной мир философ-постмодернист описывает в своей книге «Симулякры и симуляции» как романтическую мечту, «в которой трансцендентность тщательно прорисована» и «остров утопии противостоит континенту реального». Это означает, что постмодернистской гиперреальности не чужды ни трансцендентное, ни утопическое. Идея спасения мира через мир трансцендентный проходит красной нитью через всю человеческую историю параллельно с различными этапами утопического дискурса. К тому же «против дискредитации понятия “трансцендентность” и экзистенциальной дезориентации» [22], по мнению зарубежных исследователей, направлено зарождающееся метамодернистское мироощущение, которое «сочетает в себе... как наивную веру в грядущее формирование новых метафизических смыслов существования, так и приятие “глубины” и “масштабности” пространств» [Там же]. Исходя из наметившихся парадигмальных тенденций, можно сделать вывод о реабилитации трансцендентного, а значит, метамодернистские утопии будущего не ограничатся показателями практической эффективности и в них вернется высший смысл.

Универсализм. «Универсальность мыслительного приема» в утопическом дискурсе констатирует В. И. Мильдон, ссылаясь на утопическое постулирование конечного торжества добра, «рационализацию веры в возможность достижения Царства Божия на земле, утверждение коллективного блага, всеобщего счастья» [12]. Универсализм, во всех его аспектах, создает методологическую основу утопического подхода: в теологическом аспекте — как убеждение в возможности спасения человечества; в этическом аспекте — как идея формулы категорического императива; в философском смысле — как парадигма знания, основанная на принципах всеединства, общности и целостности. Для мозаичной культуры постмодерна с ее недоверием «великим метанарративам» утопические дискурсивные практики складываются в отдельных фрагментах социума. Эти отдельные утопические идеи не имеют центробежных устремлений к единению и не претендуют на абсолютную истину и всеобщее счастье. Любая обобщающая

теория с логическим обоснованием закономерностей воспринимается постструктурализмом как проявление догматизма. Однако нарастание глобальных проблем, по словам М. Эпштейна, ставит человечество перед необходимостью «выработать новую этику и метафизику, которая позволила бы ему спастись от себя самого» [21].

В кризисной ситуации именно универсализм и гуманизм могут оказаться спасительными мировоззренческими принципами, на основе которых Универсум (бесконечное) провозглашается мерой всех вещей (конечного) [5], а ответственность человека перед Универсумом — высшей ценностью. Еще в середине прошлого века немецкий футуролог О. Флехтхайм, выявляя альтернативные варианты грядущего, наряду с катастрофическими прогнозами гибели человечества в результате ядерной катастрофы или утверждения неоцезарианской цивилизации, предположил возможность оптимистичного преодоления угроз — объединение человечества во всемирную федерацию, построенную на подлинно гуманистических началах [20, 31]. Востребованность универсалистского подхода означает, что в полиутопическом дискурсе современности на условиях мирного сосуществования неизбежно присутствие гуманистически ориентированных мегапроектов, например, таких как альтерглобализм.

Проективность. Утопия задает идеал, который воплощается в проекте будущего [8]. При этом между проектом утопии и проектом прогноза существует различие. Проектная конструкция прогноза базируется на эмпирическом опыте и логике причинно-следственной детерминации развития социальных процессов. Проективные утопические идеи построения государственности формируются на основе осмысления практики через идеал лучшего жизнеустройства, то есть в логике максимально возможного достижения соответствия предмета своей идее. Но и в том и в другом случае проективность понимается как логика преобразующего мышледействия, ориентированного в будущее.

Постмодерн, обозначая свое местоположение после современности, в «конце истории» и времени, вольно или невольно знаменует собой свершенность всего и вся. А значит, потребность в рациональном конструировании будущего отпадает. Тем более что особенности «постмодернистской чувствительности» обесмысливают конструирование. Но ситуация постмодерна не столь однозначна. В рамках гносеологического плюрализма реальность есть «совокупность хаотически возникающих и произвольно интерпретируемых символов» [7], что, конечно, минимизирует возможность социального предвидения. Однако тот же плюрализм предполагает индивидуальное, многозначное видение этой реальности, и в результате особой интерпретации того или иного набора символов формируются множественные утопии, толерантные к одновременному сосуществованию. Возможно, в силу «незавершенности проекта модерна» окончательного избавления от проективных мышледействий в современную эпоху не происходит. Даже наоборот, реальность без универсальных теоретических схем и идеологем, без «предзаданной смысловой структуры являет собою удобный материал для работы проективной способности мышления» [14, 73]. В результате некоторые исследователи констатируют «бум

проективности в ситуации постмодерна» [6]. Феномен проективности расширяет область своего приложения: от природы и общества смещается в социально-психологические, ментальные сферы. Об ориентации на корректировку самой природы человека и о тенденции управления мышлением свидетельствуют, например, эупсихии постнеклассического утопического дискурса.

Критичность. Утопический идеал общества будущего зачастую выстраивается как антитеза существующему, то есть на основе критического осмысления действительности и обратного проецирования образа в пространство утопии. Любая критика предполагает обнаружение противоречий, несоответствий. Учитывая, что в постмодернизме мир (реальность) мыслится как текст, то и критичность как способность мыслящего субъекта реализуется в интерпретации текстов, в поиске смысловых противоречий языковых кодов, в сопротивлении нормативно-регулятивным принципам «эпистемы» (М. Фуко). В результате, с одной стороны, постмодернизм уходит от противоречий объективной реальности в дискурсивные практики, занимая приспособленческую позицию в форме своеобразного «лингвистического эскапизма». С другой стороны, художественно-образный критический пафос постмодернистского мировоззрения направлен на стиль мышления предыдущей эпохи посредством оригинальной деконструкции. И если понимать критичность как способность отказаться от предрассудков и принять иную точку зрения, то плюралистичность постмодернизма демонстрирует апогей развития данной способности. А любая форма критики предполагает ментальный образ непротиворечивого желаемого идеала. Как следствие, бытие утопии с ее критическим пафосом продолжается в новом социально-мировоззренческом контексте.

Так же как искусство постмодерна, которое, обращаясь к прошлому, не уходит в него и тотально не отказывается от него, а осовременивает все стили модерна, утопический дискурс новой эпохи вбирает в себя идеи «незавершенного проекта», переосмысливает их, зачастую с приставкой «нео-», замыкаясь при этом на настоящем. Вследствие акцента на «здесь и сейчас», исследователи определяют постмодерн как культуру «презентизма», в которой «нет будущего и нет прошлого, нет временной “вертикали” восхождения от прошлого к будущему. Есть только горизонталь настоящего» [10]. И это настоящее пребывает в ситуации «после оргии» (Ж. Бодрийяр) [2], то есть когда все свершилось и ничего, казалось бы, не хочется. Если постмодерн — это «конец времени», когда возможность возможного утрачена, значит, это и есть апогей социального совершенства, утопическое будущее былых времен. Однако современный социум пронизан угрозами и рисками, а не ощущением собственной непогрешимой идеальности. Поэтому настоящее вполне коррелирует с идеями установления социальной гармонии, а инвариантные черты утопии, как было рассмотрено, присутствуют в современной мировоззренческой парадигме, поддерживая постсовременные формы утопии.

Новый способ продуцирования гармоничного мира представлен трансформирующимися утопиями информационного общества в рамках неклассического и постнеклассического утопического дискурса. По классификации И. В. Фроловой [16], 1) неклассические утопии — это универсальные, общечеловеческие моно-, мега-

метаутопии (альтернативистика, государство всеобщего благоденствия) и те, которые представляют собой новое прочтение классики (модификации консервативной, анархистской, либерально-гуманистической утопии); 2) постнеклассические утопии характеризуются индивидуалистической, психологической, практической ориентированностью. К ним относятся эупсихия, практопия, утопия гендерного равенства. Современное утопическое мышление формируется в контексте «новой необозримости» (Ю. Хабермас), порожденной социокультурным плюрализмом и релятивизмом, когда, с одной стороны, любой концепт имеет право на существование, с другой — может быть переосмыслен и уничтожен. Поэтому формы трансформации классической социальной утопии поливариантны, — это условие выживания, возрождения, развития утопического постмодерна.

Таким образом, преждевременно говорить об «исчерпании утопической энергии» [17]. Даже отказываясь от целеполагаемого проектирования, постмодернизм не исключает утопическое из мировоззренческого дискурса, а трансформирует его. Поэтому антиутопичность постмодернизма — это не антитеза утопическому сознанию в период постмодерна, а его ценностно-смысловая поддержка.

Исходя из этого, кризис идеалов индустриального общества представляет собой не столько «конец утопии», сколько постмодернистский Ренессанс утопического, приглашение к реабилитации жанра, метода философствования, социального проектирования.

-
1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
  2. Бодрийяр Ж. В Тени Тысячелетия, или Приостановка Года 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/> (дата обращения: 20.01.2017).
  3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2000. С. 241–269.
  4. Брайнин-Пассек В. О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике // Новый мир искусства. 2002. № 5(28). С. 7–10.
  5. Гарпушкин В. Е. Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 09.00.11. Иваново, 2010.
  6. Гафурова М. Ю. Социально-философский анализ феномена проективности языка: в «пространстве между» индивидуальным, социальным и общественным : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Казань, 2008.
  7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
  8. Кальней М. С. Утопия и прогнозирование как виды социального предвидения : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2009.
  9. Красиков В. И. Явь беспокойства (предельные значения человеческого существования). М. ; Берлин, 2014.
  10. Мальшев И. Модерн и постмодерн как футуризм и презентизм // 10 эссе о XX веке. М., 2003.
  11. Мараваль Х. А. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 210–232.
  12. Мильдон В. И. История и утопия как типы сознания // Вопр. философии. 2006. № 1. С. 15–24.
  13. Найдыш В. М. Рационализм и постмодернизм // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalizm-i-postmodernizm> (дата обращения: 20.01.2017).

14. Недорезов В. Г. Проблема проективности социального действия // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2005. № 7. С. 69–73.
15. Фогт А. Социальные утопии / пер. с нем. Н. Стороженко. Изд. 2-е, стереотип. М., 2007.
16. Фролова И. В. Утопия: сущность и развитие: Опыт социально-философской концептуализации : автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. Уфа, 2005.
17. Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкин ; пер. с нем. Б. М. Скуратова ; ред. Т. А. Дмитриев. М., 2003.
18. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
19. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В. В. Бибихина. М., 2013.
20. Шахназаров Г. Х. Куда идет человечество. М., 1985.
21. Эттейн М. Эпоха универсализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_epoch_universalism.html (дата обращения: 20.01.2017).
22. Dempsey Br. [R]econstruction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth / пер. А. Буланова [Electronic resource]. URL: <http://metamodernizm.ru/reconstruction/> (accessed: 20.01.2017).
23. Baudrillard J. Simulacres et simulation. P., 1981. P. 240.
24. Nik Farrell Fox. The new Sartre: Explorations in Postmodernism. N. Y. ; L., 2003. P. 208.

Рукопись поступила в редакцию 1 марта 2017 г.

УДК 316.334.4 + 316.754

В. А. Глазырин

КАКИЕ ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Институты права составляют неотъемлемую сторону институционального фундамента любого современного общества. В статье образование правового порядка раскрывается на базе институционального анализа явлений и изменений общественной жизни. Подчеркивается, что становление социального порядка права является противоречивым процессом взаимодействия институтов права с другими социальными институтами. Цель статьи состоит в том, чтобы в аналитическом плане рассмотреть значение институтов права в институциональной системе общества в становлении социального порядка права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: институт, право, правовой порядок, социальный институт, противоречие.

Институты права составляют неотъемлемую сторону институционального фундамента любого современного общества. Правовой порядок можно исследовать на междисциплинарной основе и в познавательных границах отдельных научных дисциплин, в том числе социологией права.

В правовой социологии изучение правопорядка фокусируется на познании взаимодействия социокультурных и социоправовых компонентов социума [5]. Социолог, объясняя особенности правовой институционализации общественных отношений, видит ее сложным социальным процессом, включающим различные

противоречия, в частности, между правом и законом, правом де-юре и правом де-факто, традиционализмом и модерном, конфликтностью и комплементарностью социальных и юридико-правовых институций, их легальностью и легитимностью.

Тот факт, что всякий социальный порядок, включая правовой, является результатом сложного переплетения исторического пути развития государств, политической, экономической, культурной жизнедеятельности социальных акторов, заставляет подойти к объяснению установления правопорядка в обществе как познавательной *проблемы* с определенной исследовательской позиции. В настоящей работе образование правового порядка раскрывается на базе *институционального анализа* явлений и процессов общественной жизни, опирающегося на получившее широкое признание в научном сообществе положение Д. Норта о том, что «институты имеют значение», и его понимание институтов. Они представляют ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми, включают неформальные ограничения и формальные правила, и механизмы, обеспечивающие их исполнение [9, 10]. Цель статьи состоит в том, чтобы в аналитическом плане рассмотреть значение институтов права в институциональной системе общества в становлении социального порядка права.

Для того чтобы точнее осознать суть разбираемой проблемы, обратимся к гоббсовскому описанию состояния войны всех против всех, представленному английским философом в его всемирно известном трактате «Левиафан». Отнюдь не каждому познакомившемуся с этим трудом Т. Гоббса удастся корректно уяснить истоки такой войны. Обыкновенно ее происхождение связывают с природой человека как существа эгоистичного, стремящегося к власти и доминированию над другими людьми. Однако Т. Гоббс, указывая на различные страсти, присущие людям, и их себялюбие, причины войны всех против всех все-таки объяснял иначе. Потому что, как утверждал английский мыслитель, «люди равны от природы», в естественном состоянии «каждый человек имеет право на все» [6, 186]. Очевидно, что в этих условиях всеобщая война между людьми неизбежна, она порождена отсутствием в их отношениях ограничительных институциональных рамок, регулирующих их права, поэтому для прекращения войны всех против всех нужен общественный договор, которым было бы отвергнуто «право на все».

Различие между *jus* и *lex* означает, что не всякое государство и юридические установления являются правовыми. В условиях современности и постсовременности гоббсовский вариант преодоления состояния войны всех против всех, основанный на учреждении «общей власти, держащей всех в страхе» [Там же, 181], несовместим с социальным порядком, конституирующим себя на основе ценностей и институтов права¹. Может показаться, что все предельно ясно: правопорядок определяется институтами права, но так как правовые институты являются частью институциональной системы социума, действительность правоустановлений может разойтись с ожиданиями. Какие институты нужны для правового порядка?

---

¹ В работе используется определение права, сформулированное одним из крупнейших российских юристов В. С. Нерсесянцем: «Право — это нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях» (Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 28).

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим различные социальные институциональные установления под углом зрения их потенциальных возможностей для утверждения порядка права в обществе современности. Среди них выделим: а) «силу» как институциональный способ обеспечения социального порядка, б) мораль, в) традиционализм, г) идеологию, д) «теорему Карамзина», е) юридический закон.

Гомеровское описание пещеры Полифема — это образ мира, основанного на силе и чуждого праву. Тем не менее применение силы является одной из опор правового порядка [7, 28–49; 9]. Это прекрасно видно, например, тогда, когда суд выносит решение об аресте подозреваемого, пристав описывает имущество должника, полицейский задерживает правонарушителя, используя специальные средства. Более того, неотъемлемый в юриспруденции институт санкций есть не что иное, как одна из форм существования силы в системе права.

История государств Запады показывает, что возможно осуществить институциональное переустройство социального порядка «права силы» в порядок «силы права» [1, 2]. Для этого в качестве обязательных условий нужно, чтобы была преодолена проблема *failed state* и установлена монополия государства на насилие [13, 14], что, в свою очередь, связано с опасностью, что мощь государственной машины может быть обращена против граждан, их прав и свобод. В угрозе применения государством силы в качестве стержневого института, организующего жизнь общества, состоит начальный вызов установлению правового порядка. Ответ на притязания «права силы» порядку права предполагает глубокое институциональное переустройство отношений публичной сферы общества. Когда требуется решить сложную задачу по обузданию произвольного применения силы государством, тогда значение институтов права проявляется решающим образом: они позволяют выстроить институциональную систему, запрещающую изъятие государством прав и свобод граждан.

Тот факт, что существование законодательства о моральных правилах не имеет смысла, не является достаточным обоснованием утверждения, что мораль не имеет какого-либо значения для утверждения в обществе правового порядка.

Представление о связи морали и права в обществе современности не следует упрощать [11, 135–149], сводить к неким механистическим схемам, они, представляя разные грани ценностно-нормативного регулирования социальных отношений, имеют точки *сопряжения*, важные для обеспечения правового порядка. Достаточно отметить, что различают «букву» и «дух» закона. В самом деле, диктаторские режимы держатся отнюдь не только на угрозе применения силы и ее использовании, они также опираются на писанный закон, легальные государственные институты, что, однако, не позволяет рассматривать их социальными порядками, основанными на принципах верховенства права. В «духе» закона заключены ценностные начала права, в значительной мере имеющие этическую основу, например, ценности Гуманизма и Справедливости. Пожалуй, лучшей демонстрацией дополнителности и комплементарности ценностно-институциональных основ морали и права в современном обществе являются положения статьи 1 «Всеобщей декларации прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948),

где, в частности, говорится, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью...» [3, 14].

Правопорядок также поддерживается повседневной нравственностью. Важно, чтобы граждане соблюдали сложившиеся и установленные правила совместной жизни, ценили добропорядочность, сознавали, что иначе никакой социальный порядок будет невозможен, даже если к каждому человеку приставить полицейского. Честность нужна для развития гражданско-правовых отношений, предпринимательства, бизнеса. Доверие востребовано для расширения и упрочения партнерских отношений, барьерами ему выступают «двойная» мораль — «Чужого можно обмануть» и аморальная установка — «Не пойман — не вор». Легитимность политико-правового строя исходит от граждан, что предполагает формирование у них моральных качеств сопричастности к политической жизни общества [11, 127–152].

Подытоживая рассмотрение вопроса о роли морали в жизни современного общества, подчеркнем, что в становлении порядка права юридико-правовые институты обладают приоритетом перед институциями морали, потому что моральные предписания лишь тогда приобретают публично- и частноправовое значение, когда являются элементами общественного договора о правах [4], инкорпорированы в конституционные уложения.

Традиционализм и порядок права находятся в известном диссонансе друг с другом. Традиционализм — досовременен, правовой социальный порядок — важнейшая характеристика общества модерна/постмодерна.

В традиционализме отход от исторически привычного уклада жизни воспринимается анархией, но в действительности традиционный порядок — это только один из видов социального порядка. Порядок права призван конституировать общество на началах Свободы. Свобода как социальный порядок не является ни архаикой, ни анархией. Свободное общество — это общество права и закона, правовой свободы, «где нет закона, нет и свободы» [8, 277].

Неприятие традиционалистами обществ модерна, правового конституционализма в связи с тем, что в эпоху современности якобы подрывается культурная и национальная идентичность народов и государств незападного мира, несостоятельно. Так, Япония, Сингапур и Южная Корея освоили западные институты в экономике, политике, праве, однако при этом обладают свойственной этим странам уникальной не европейской культурой. Кто-нибудь сможет утверждать, что в Южной Корее национальная культура деградирует, а ее граждане утратили национальную идентичность под влиянием Запада в сравнении с не западной Северной Кореей?

Конституционно-правовой общественный строй не предполагает устранения многообразия культурных общностей. Общество, устроенное на основе конституционно-правовых институтов, образует политико-правовое, политико-гражданское объединение людей, члены которого могут принадлежать различным культурным сообществам. Нельзя отрицать возможность трудностей и противоречий имплементации современных правовых институтов в социальное тело обществ с различной культурой, но противоречия и конфликты присущи любому обществу. Традиционалистские общества, избегающие социальных перемен и замыкающиеся

в себе, едва ли смогут в исторической перспективе — близкой или отдаленной — избежать цивилизационного и культурного шока и тупика.

Правовой социальный порядок не может конституироваться в институциональных рамках традиционализма. К. Поппер, рассматривая современное общество, отмечал, что оно является не только открытым, но и абстрактным [12, 174–175]. Абстрактное общество — это общество безличных/формальных отношений, с правовой системой формального типа, сориентированной на признание прав человека, формального равенства и свободы, на формальные судебные процедуры. Мировой исторический опыт показывает, что разумной альтернативы «формальной» правовой системе для преумножения богатства, обеспечения прав человека и правосудия не существует.

Правовой порядок в своей идейной основе предстает в таких возвышенных понятиях, как Свобода, Равенство, Разум, Гуманизм, Справедливость, Правосудие, их используют в различных концепциях (достаточно указать таких авторов, как Дж. Локк, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, Дж. Бьюкенен) для описания системы ценностей общества современности и объяснения необходимости отторжения не-свободы, произвола, бесправия, диктатуры. Когда речь идет о правовом порядке (при несомненной важности его интеллектуальных отображений), первостепенное значение имеет *институциональное воплощение* порядка права. Как право объясняет и изменяет мир? Прежде всего посредством устройства институционального костяка современного общества.

«Теорема Карамзина» является разновидностью дилеммы «институты или люди». Русский историк утверждал, что России не нужны Конституция и новые законы, а требуются 50 честных и толковых губернаторов, и полагал, что все решают люди, а среди них немного тех, кто, придя к власти, не использует ее в своих интересах, какие бы Конституции ни устанавливались и какие бы хорошие законы ни принимались.

Современный институционализм дилемму институтов и индивидов решает в пользу институтов [1, 67–98]. Правовой порядок — это институциональная конструкция. Для того чтобы понять ошибочность положения Н. М. Карамзина, нужно всего лишь поставить простой вопрос: «Как “честные и толковые губернаторы” будут управлять вверенными им территориями при отсутствии институтов?».

Юридический закон имеет принципиальное значение для становления правового социального порядка. Непреложным является тот факт, что никакие социальные институты не могут быть *альтернативой* юридическим установлениям. Современное общество, являясь сложноструктурированным, в частности, культурно-, этно-, религиозно-дифференцированным образованием, объективно нуждается в универсальных правилах. Ими являются юридические институции. К несопоставимым достоинствам юридических институтов, даже с учетом различных изъянов их практического воплощения, также относятся их общеобязательность, определенность, наличие механизмов принуждения к исполнению обязательств, развитая система судопроизводства, возможность любого лица отстаивать свои права на законных основаниях. Между тем известно, что диктатуры способны вводить универсальные установления и добиваться их исполнения, что

не меняет сути этих политических режимов, таким образом, юридические институты не всегда согласуются с социальным порядком права, основывающимся на институциональной платформе верховенства права.

Социальный порядок права, включающий юридическую систему правил, образует институциональный порядок *suī generis*, есть *общественное благо*, возникающее на базе общественного договора, которым в качестве институциональной основы общества учреждаются права и свободы человека и отвергается государственный произвол в отношении граждан. В писаных конституционных актах правовая институциональная база современного общества раскрывается в развернутом виде.

Исследовательская проблема, рассмотренная в статье, позволяет сделать итоговые обобщения. Права и свободы человека и гражданина в современном обществе являются фундаментальными социальными институциональными образованиями. Невозможно, не разрушая правовой порядок, заместить юридико-правовые институты другими социальными институтами, сами по себе неюридические социальные институты не могут обеспечить институциональное устройство социума на правовых началах. Институты права — это не надстройка в структуре современного общества, они встроены в его институциональную первооснову, экономику, государство, политику, юридическую систему, полноценно раскрывают присущие ему ценности.

-
1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2016.
  2. *Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005.
  3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 14.
  4. *Глазырин В. А.* Недостоящее звено // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 5–17.
  5. *Глазырин В. А.* Социологическое воображение и изучение права в юридической социологии // Дискуссия. 2015. № 11. С. 83–87.
  6. *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2016.
  7. *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002.
  8. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М. ; Челябинск, 2014.
  9. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопр. экономики.* 1997. № 3. С. 6.
  10. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
  11. *Оболонский А. В.* Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М., 2016.
  12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1 : Чары Платона; Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев, 2005.
  13. *Фергюсон Н.* Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М., 2016.
  14. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. ; Владимир, 2010.

УДК 614.2 + 316.4 + 330.33.01

А. В. Меренков
Н. Л. Антонова
М. Н. Вандышев

ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье представлено социологическое осмысление лечебно-оздоровительных практик населения в условиях социальной неопределенности, вызванной продолжающимся социально-экономическим кризисом. Вместе с традиционными методами лечения, связанными с обращением к медицинским специалистам, активно используются альтернативные, создающие риски для здоровья и жизни пациентов. Социальная неопределенность становится фактором, расширяющим практику применения людьми нетрадиционных методов профилактики болезней и их лечения. Рассмотрены вопросы обращения населения к народной медицине (знахарям и целителям), использования альтернативных способов оздоровления (гирудотерапии, иглорефлексотерапии и др.) и употребления биологически активных добавок (БАД) к пище.

Ключевые слова: лечебно-оздоровительные практики, здоровье, медицина, социальный риск, социальная неопределенность, социально-экономический кризис.

Здоровье населения выступает стратегическим ресурсом и представляет собой один из интегральных показателей качества жизни, в котором отражаются уровень социокультурного и экономического развития общества, качество функционирования системы здравоохранения, возможности использования достижений современной науки для профилактики и лечения разных болезней. Само состояние здоровья конкретных индивидов определяется как генетическими факторами, так и социально-экономическими, социокультурными. Их роль в современных условиях постоянно возрастает, поскольку, с одной стороны, достижения науки и современные технологии лечения заболеваний существенно увеличили продолжительность жизни, трудовой активности людей. С другой стороны, во многих странах, регионах значительные социальные группы не могут ими пользоваться, исходя из имеющихся материальных и финансовых средств.

Поэтому сегодня состояние здоровья россиян вызывает тревогу. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 1990 г. заболеваемость населения по основным классам болезней составила 96 321 тыс. человек (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни), к 2000 г. этот показатель увеличился до 106 327 тыс. человек, а к 2014-му возрос уже до 114 989 тыс. [7].

В связи с этим возникает необходимость анализа не только традиционных практик населения, направленных на сохранение и укрепление здоровья, но также и новых, применяемых в условиях социально-экономического кризиса, начавшегося в 2014 г. Санкции, введенные против России, падение объемов производства многих товаров и услуг, снижение жизненного уровня значительной массы людей привели к усилению социальной неопределенности, свойственной современному

человеку в целом. Переживая состояние невозможности уверенно прогнозировать свое будущее, находясь в состоянии постоянного стресса, вызванного проблемами сохранения рабочего места, материального обеспечения семьи, человек в состоянии болезни все чаще обращается к разным лечебно-оздоровительным практикам, в том числе к тем, эффективность которых научно не подтверждена. В конечном итоге это ведет к рискам потери работоспособности теми, кто по разным причинам не может, а в ряде случаев не хочет получить квалифицированную медицинскую помощь, гарантированную государством, надеясь на эффективность альтернативных методов восстановления жизненных сил организма.

В обществах, переживающих модернистский переход, как показали в своих исследованиях У. Бек [1], Э. Гидденс [3], Н. Луман [13], Ю. Хабермас [22], время от времени возникают ситуации, когда социальные субъекты пытаются, с одной стороны, воспроизводить традиционные способы разрешения проблем со здоровьем, а с другой стороны, получить доступ к достижениям современной медицины. Многоукладность переходного периода обуславливает многообразие лечебно-оздоровительных практик — обращение к ведуньям, народным врачевателям, шаманам и пр. Формы обращения к исконным традициям народной медицины соседствуют с высокотехнологичными видами оказания медицинской помощи. Такое многообразие отражает наличие различных ценностных образов и стилей жизни, не позволяющих и даже не предполагающих возможности их упорядочивания в систему с единой нормативно-ценностной основой. Примером такого разнообразия является использование гомеопатических средств в медицинских целях. Комиссия по борьбе с лженаукой и псевдонаучными исследованиями при Президиуме РАН 6 февраля 2017 г. обнародовала Меморандум № 2 «О лженаучности гомеопатии» [15], в котором были представлены аргументы в пользу исключения такого рода средств из практик оказания врачебной помощи. Не вдаваясь в подробности аргументации и возникшей после этого дискуссии, отметим, что гомеопатия — один из вариантов оказания лечебной помощи, применяющийся длительное время. В некоторых странах гомеопатические тактики лечения входят в систему медицинского страхования.

Лечебно-оздоровительные практики, к которым обращается население в современных условиях, воспроизводятся и эволюционируют благодаря коммуникационным операциям, связанным с распространением и потреблением информации о разных методах лечения болезней. Получаемые сведения придают действиям социальных акторов смысл, усиливая активность по обращению к нетрадиционным методикам восстановления жизненных сил организма. Формируется дискурсивное оправдание собственного непривычного поведения с опорой на разных экспертов, называющих себя врачами, больных, излечившихся с помощью экстрасенсорных манипуляций, гомеопатических средств и т. п.

Свое обращение к нетрадиционной медицине люди квалифицируют как способность «поступать иначе» [4], «вести себя креативно» [8]. Такое поведение неизбежно вызывает определенные, часто весьма опасные риски не только для здоровья, но и для жизни человека. Во-первых, риск всегда возникает, когда происходит выбор из большого количества вариантов действия, включая те,

которые совершаются впервые [14]. Во-вторых, риск ведет к возрастанию неопределенности возможного результата совершаемых поступков [1]. В-третьих, человек привыкает вести себя рискованно в ситуации неопределенности не только по отношению к своему здоровью, но и к решению других проблем, возникающих в повседневной жизни [10].

Нетрадиционные способы оздоровления институционально подкрепляются, получая «народную» легитимность и признание. Этим объясняется, на наш взгляд, бурная реакция, наблюдаемая в обществе после опубликования Меморандума № 2 «О лженаучности гомеопатии». Люди, практикующие лечение гомеопатическими средствами, выстроились в очереди за ними, а на сайтах в Интернете имеется множество комментариев на эту тему от представителей разнообразных экспертных сообществ. В социальной системе появились претензии на формирование нового императива организации и содержания деятельности институций оказания медицинской и врачебной помощи. Этот императив, в свою очередь, породил коллизии в существующих лечебных практиках индивидов.

Следует отметить, что люди в прошлом при возникновении тех или иных болезней вынуждены были обращаться к народной медицине, к так называемым «знахарям», которые владели методами приготовления из трав исцеляющих напитков или особыми словами умели «заговаривать» боль. Эти «специалисты» выполняли функции оказания медицинской помощи в условиях острого недостатка специалистов с медицинским образованием в деревнях и небольших городах. Сама широкая подготовка врачей началась во второй половине XIX в., их помощью могли воспользоваться в первую очередь состоятельные люди. В течение многих веков у больших масс населения формировались в первую очередь устойчивые стереотипы самолечения или обращения к народным целителям.

Только в XX в. начался процесс утверждения у разных социальных групп, независимо от материального положения, места жительства, представлений о необходимости обращения к врачам не только для лечения болезней, но и для профилактики их возникновения. За этот сравнительно небольшой исторический период невозможно выработать негативное отношение к тем формам избавления от недугов, которые несут определенные риски. К тому же обращение к экстрасенсам, гомеопатам, «ведуньям» действительно некоторым людям позволяет хотя бы на какое-то время почувствовать улучшение здоровья, однако не исключает вероятности того, что эффект достигается благодаря самовнушению больного. Огромный риск заключается в том, что психическим воздействием человек снижает остроту болезненных ощущений, а не борется с причиной их возникновения. В результате приходится через некоторое время обращаться к квалифицированным специалистам, которые уже не всегда могут помочь человеку.

В условиях социально-экономического кризиса появляется еще одна причина взаимодействия граждан с представителями нетрадиционной медицины. Она связана с размерами финансовых затрат на получение желаемой помощи. Ощущая болезненные состояния, человек имеет право обратиться за бесплатной консультацией в муниципальное медицинское учреждение. Однако качество обслуживания в поликлиниках многих пациентов не удовлетворяет. Очереди

большие, а врач за короткое время, которое ему отводится по нормативам на общение с больным, не всегда успевает поставить обоснованный диагноз [17]. Более высокий уровень обслуживания предоставляют частные клиники, достаточно широко представленные в крупных городах, но снижение жизненного уровня населения не позволяет пользоваться их услугами тем, кто еще недавно имел возможность оплатить предоставляемую помощь [19]. Люди вынуждены идти к экстрасенсам, другим представителям нетрадиционной медицины, обещающим за сравнительно небольшое вознаграждение быстро, без сдачи дорогостоящих анализов избавиться от недуга.

Следует отметить, что Федеральная служба государственной статистики не ведет специального учета представителей альтернативных направлений медицинской помощи. Однако идут процессы интеграции специалистов в институциональном поле лечебно-оздоровительной системы через механизмы функционирования профессиональных сообществ. Так, Профессиональная ассоциация рефлексотерапевтов объединяет 1824 врача [16], Российская ассоциация мануальной медицины — 157 специалистов [18].

Кроме гомеопатии популярной практикой в современных условиях является обращение населения к лечебной магии и целительству. В России на 620 тыс. врачей приходится более 800 магов, целителей, колдунов и экстрасенсов [23]. По мнению главного кардиолога Москвы Юрия Бузиашвили, 30 млрд долларов россияне ежегодно тратят на экстрасенсов и колдунов [20]. По результатам исследования, проведенного Левадой-Центром в 2010 г. [9] ($n = 1600$), каждый пятый опрошенный хотя бы раз в жизни обращался к услугам целителей и магов; чуть менее половины опрошенных (46 %) убеждены, что помощь, оказанная им, была успешной, то есть помогла в решении проблем со здоровьем.

В такой ситуации государство пытается институционально регулировать альтернативные виды лечебной помощи, внося изменения в нормативно-правовую базу. В соответствии с Федеральным законом № 317 от 25.11.2013 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» введены ограничения на рекламу методов народной медицины (ст. 48), а также определена необходимость получения разрешения на занятия народной медициной, отсутствие которого влечет за собой наложение административного штрафа в размере от 2 до 4 тыс. рублей (ст. 39).

Результаты пилотного исследования, проведенного нами в конце 2016 г., объектом которого выступили жители Екатеринбурга ($N = 25$, метод сбора информации — стандартизированное интервью) в возрасте от 35 до 50 лет, имеющие высшее образование, свидетельствуют, что для третьей части опрошенных основным каналом получения информации об услугах целителей и знахарей выступает реклама; 4/5 респондентов не доверяют альтернативным практикам лечения и полагают, что обращение к целителям влечет за собой определенные риски, среди которых лидирующие позиции занимает утрата здоровья. *«Я больше доверяю врачам из районной поликлиники. Боюсь я идти к знахарям, предложат*

попить травку, руками поведят, а я на следующий день и встать не смогу...» (женщина, 48 лет).

Доверительное отношение к народной медицине выразили пять информантов, считая, что она уже столетиями доказывает свои целительные силы. *«Потомственные знахари вызывают у меня уважение, они разбираются, как лечить разные заболевания. Эти знания передаются от бабушки к матери, от матери к дочери...»* (женщина, 36 лет).

Как отмечают Е. Ярская-Смирнова и П. Романов, «у целителей возникает дискурс хранителей особого знания, защищенного от непосвященных...» [21, 86]. Еще Э. Дюркгейм полагал, что индивиду необходимо соприкоснуться с сакральным (мистическим, непознанным, тайным) [5]. В основе обращения к целителям и экстрасенсам лежит вера в сверхъестественную иррациональную природу их способностей к излечению недугов. В этой связи более рациональными и менее рискованными выглядят альтернативные лечебно-оздоровительные практики, которые основаны на понимании воздействия тех или иных манипуляций специалистов/медицинских работников на организм человека. Речь идет о гирудотерапии, иглорефлексотерапии, мануальной терапии, апитерапии и т. п. Эти виды лечения оказываются как на базе медицинских учреждений, так и в частном порядке.

Еще одним механизмом интеграции традиционной и нетрадиционной медицины следует признать рекомендации врачей, которые все чаще предлагают своим пациентам обратиться к альтернативным практикам лечения. Наше исследование показало, что третья часть опрошенных позитивно относятся к альтернативным медицинским услугам при наличии следующих условий их оказания. Во-первых, рекомендации лечащего врача: *«Я бы сходила, например, пиявочки поставит, но только если врач мне скажет...»* (женщина, 40 лет). Во-вторых, получение услуг в государственном медицинском учреждении: *«Спина у меня больная, травма была, к мануалисту пошел бы в государственную больницу... шарлатанов развелось очень много»* (мужчина, 49 лет).

Опрошенные в исследовании Е. Ярской-Смирновой и ее коллег специалисты альтернативной медицины утверждают, что «...пациенты по рекомендации врачей многих специальностей (терапевтов, хирургов, кардиологов, травматологов, неврологов, ортопедов, микроневрологов, гинекологов) обращаются к ним довольно часто, объясняя это налаженным взаимодействием со структурами «официальной» медицины» [21, 113].

Особого внимания заслуживает анализ ситуации в оздоровительных практиках населения, связанных с применением БАДов, которые в соответствии с Федеральным законом РФ № 29 от 02.01.2000 г. «О качестве и безопасности пищи» относятся к пищевым продуктам и не являются лекарственным средством, то есть не имеют терапевтического эффекта. «В 2012 году 78 % всех БАД в России реализовывались через аптечные организации... а емкость аптечного рынка БАД составила 29,8 млрд рублей» [12, 298].

Несмотря на столь внушительное представление БАД в российских аптеках, наблюдается целый спектр проблемных зон, которые могут нести риски для здоровья современного человека. Во-первых, население становится заложником

рекламы, которая зачастую вводит потребителя в заблуждение относительно эффективности БАДов. По утверждению Ю. А. Крашенинниковой, «...реклама БАДов постоянно “соскальзывает” в демонстрацию их целебных свойств даже в отношении тех заболеваний, перед которыми современная медицина бессильна» [11, 104], то есть не следует ждать от их применения лечебного эффекта.

Во-вторых, имеются случаи несоответствия продекларированной во время лицензирования препаратов информации о действующих веществах составу массово производимых лекарств. На рынке БАДов иногда возникают скандальные ситуации, когда некоторые некоммерческие организации пытаются наложить запрет на продажу препаратов «Сеалекс» и «Аликапс», поскольку Роспотребнадзор подтвердил содержание в них запрещенного к применению в БАДах тадалафила [2].

В-третьих, каналами реализации БАДов выступают не только аптеки; для потребителей привлекательны и такой канал, как сетевой маркетинг, а также покупки посредством сети Интернет [6, 35]. Для потребителя БАДов именно последний канал несет наибольшее число рисков, поскольку здесь осуществлять регуляцию и контроль реализуемых продуктов значительно сложнее, нежели в иных случаях.

В целом неопределенность в современной социальной системе, усиливающаяся в условиях социально-экономического кризиса, увеличивает количество рисков, связанных с использованием различных оздоровительных практик. Людям все сложнее выбрать те способы восстановления жизненных сил организма, которые за короткое время без существенных финансовых затрат дали бы желаемый эффект. В настоящее время усиливается противоречие между научно обоснованными методами оказания медицинской помощи и способами, опирающимися на многолетний опыт народных целителей, использующих сакральное знание для лечения разных недугов. Установки по отношению к этим способам сохранения и укрепления здоровья задают многообразие конкретных, нередко связанных с большими рисками лечебно-оздоровительных практик больших групп населения не только в нашей стране, но и в других регионах мира.

-
1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филлипова. М., 2000.
  2. Вас здесь не стояло. Кто и зачем хочет очистить рынок «мужских» препаратов от БАДов [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/02/26/bad/> (дата обращения: 12.01.2016).
  3. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М., 2011.
  4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
  5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с фр. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : ант. / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М., 1998.
  6. Ермакова В. П. Отношение потребителей к биологически активным добавкам к пище // Маркетинг в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 24–36.
  7. Здравоохранение. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare (дата обращения: 16.11.2016).
  8. Йоас Х. Креативность действия : пер. с нем. СПб., 2005.

9. Как россияне решают психологические проблемы? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2010/08/24/kak-rossiyane-reshayut-psihologicheskie-problemy/> (дата обращения: 01.02.2016).

10. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков, 2005.

11. Крашенинникова Ю. А. «Неформальное здравоохранение» в современной России и факторы его развития (по материалам пилотного исследования) // Мир России: Социология, этнология. 2015. № 4. С. 99–122.

12. Лин А. А., Соколов Б. И., Орлов А. С. Фармацевтический рынок: сегмент биологически активных добавок // Проблемы современной экономики. 2014. № 3(51). С. 297–302.

13. Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М., 2007.

14. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004.

15. Меморандум № 2 Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований «О лженаучности гомеопатии» от 07.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/> (дата обращения: 12.02.2017).

16. Профессиональная ассоциация рефлексотерапевтов. Реестр специалистов [Электронный ресурс]. URL: http://www.acupro.ru/chlenstvo/reestr_spetsialistov/ (дата обращения: 11.02.2017).

17. Рекорды скорости: врачи о новых нормах приема в 15 минут [Электронный ресурс]. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2015/01/22/333time/> (дата обращения 11.02.2017).

18. Российская ассоциация мануальной медицины. Реестр специалистов [Электронный ресурс]. URL: <http://rosmanter.com/%d1%80%d0%b5%d0%b5%d1%81%d1%82%d1%80/> (дата обращения: 30.12.2016).

19. Россияне стали зарабатывать меньше китайцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deloros.ru/rossiyane-stali-zarabatyvat-menshe-kitajcev.html> (дата обращения: 30.12.2016).

20. Россияне тратят \$30 млрд на колдунов и экстрасенсов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/296568> (дата обращения: 30.12.2016).

21. Традиционная медицина: политика и практика профессионализации / ред. Е. Р. Ярская-Смирнова М., 2011.

22. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воронин ; общ. ред. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М., 2010.

23. Юревич: колдунов в РФ почти столько же, сколько врачей и ученых [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20101101/291416684.html> (дата обращения: 30.12.2016).

Рукопись поступила в редакцию 16 февраля 2017 г.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ В БОЛЬШОМ И МАЛОМ ГОРОДЕ

Статья посвящена анализу особенностей профессионального самоопределения учащихся, проживающих в крупном промышленном центре, каковым является г. Екатеринбург, и небольшом г. Шадринске Курганской области. На основе теоретических подходов к анализу сущности и содержания профессионального самоопределения выделяются основные внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор в подростковом возрасте той профессии, которая соответствует как индивидуальным склонностям личности, так и потребностям общества. Доказывается, что учащиеся малого города проявляют более высокую самостоятельность в поиске той трудовой деятельности, которая соответствует их интересам. Они чаще выбирают профессию с учетом возможностей будущего трудоустройства не по месту жительства после окончания колледжа или вуза.

К л ю ч е в ы е с л о в а: учащиеся, профессия, профессиональное самоопределение, крупный и малый город.

Социальные изменения, последовавшие за реформированием экономики и системы образования в течение последнего десятилетия в России, повлекли за собой смену ценностных ориентаций населения, а также значительные преобразования в системе внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс профессионального самоопределения учащимися старших классов [6]. Так, одной из наиболее значимых детерминант, определяющих различия в профессиональном самоопределении старшеклассников в современных условиях, становится место проживания индивида.

Сегодня в России происходит разделение территории на центр и регионы, столицу и провинцию, что приводит к возникновению различий в уровне и условиях жизни населения в малых городах и мегаполисах. Современные социально-экономические условия увеличивают степень их влияния на выбор молодыми людьми профессии и получение соответствующего образования.

Прежде чем обратиться к анализу существующих факторов профессионального самоопределения старшеклассников, рассмотрим определения понятий «самоопределение» и «профессиональное самоопределение». А. В. Меренков считает, что «самоопределение представляет собой сложный многоэлементный процесс соединения общественных и личных потребностей, обеспечивающий успешное развитие и саморазвитие ребенка. Оно включает в себя, во-первых, познание требований современной культуры к поведению индивида в типичных жизненных ситуациях; во-вторых, принятие этих требований в качестве ориентиров совершения конкретных поступков; в-третьих, выявление тех индивидуальных задатков и способностей, на основе которых учащийся успешно приобретает различные знания, навыки, выбирает будущую профессию; в-четвертых, овладение

принятыми в обществе способами реализации личностного потенциала в трудовой и общественной деятельности» [4, 3–4]. Исследователем подчеркивается ведущая роль социальных условий, в которых личность осуществляет выбор вариантов реализации имеющихся природных склонностей к определенной деятельности. Эти условия, в частности, зависят от места проживания, так как большие города предоставляют учащимся широкий набор кружков, секций, занимаясь в которых уже в 15–17 лет можно выявить способности к конкретной сфере трудовой деятельности.

Я. В. Дидковская считает, что профессиональное самоопределение происходит на основе представлений личности о возможном карьерном продвижении после получения специального образования. Происходит «процесс выбора профессиональной идентичности в спектре возможных альтернатив, определяемых противоречиями социокультурного поля» [2, 118]. Следовательно, профессиональное самоопределение — это процесс определения индивидом своего места в профессиональной структуре, основанный на осознании индивидуальных способностей, интересов и возможностей (внутренние факторы), а также зависящий от социальной среды (внешние факторы, зависящие в значительной степени от места проживания), результатом которого является непосредственно выбор профессии.

В ноябре 2015 г. кафедрой прикладной социологии Уральского федерального университета было проведено социологическое исследование, посвященное проблеме профессионального самоопределения учеников старших (9 и 11) классов, проживающих в большом и малом городах, на примере г. Екатеринбурга и г. Шадринска. Был опрошен 291 респондент, 54 % из них проживают в Екатеринбурге, 46 % — в Шадринске. Среди опрошенных 49 % учащихся 9 класса и 51 % — 11 класса.

Эти два города существенно отличаются по тем возможностям профессионального самоопределения, которые они предоставляют для учащейся молодежи как во время обучения в школе, так и при выборе места получения профессионального образования. Екатеринбург, четвертый по численности населения город России, является одним из крупнейших финансово-деловых и промышленных центров России. В нем работают свыше 200 общеобразовательных школ, 14 государственных вузов, функционирует Уральское отделение Российской академии наук.

Наличие в столице Среднего Урала большого количества предприятий разных направлений деятельности, медицинских и образовательных учреждений существенно влияет на профессиональное самоопределение учащихся школ. Исследование показало, что 33 % старшеклассников планируют связать свою будущую профессиональную деятельность со сферой финансов, 27 % — с информационными технологиями, 18 % — с промышленным производством, 15 % — со строительством.

Шадринск — малый провинциальный город с населением около 80 тыс. человек. Он является вторым по численности в Курганской области. В Шадринске работают несколько десятков небольших предприятий, организаций

здравоохранения, образования. Однако он считается важным культурным, образовательным и промышленным центром Зауралья.

Исходя из предоставляемых городом возможностей, 25 % старшеклассников рассматривают в качестве сферы своей будущей профессиональной деятельности медицину, 23 % — материальное производство, 18 % — область финансов, столько же строительство, 16 % — сферу обслуживания населения. Подготовка специалистов по всем перечисленным направлениям осуществляется в местных высших и средних профессиональных образовательных учреждениях.

Как в большом, так и в малом городе, молодые люди ориентируются в первую очередь на престижные в российском обществе профессии: юриста (27 %), экономиста (37 %), врача (30 %). Это подтверждают данные и других исследователей [3]. Однако постепенно, под влиянием современных тенденций социально-экономического развития, среди учеников старших классов в Екатеринбурге престижными становятся профессии, связанные с информационными технологиями (37 %), торговлей (21 %).

Для того чтобы профессия считалась привлекательной, она, по мнению респондентов, должна быть высокооплачиваемой. Такого мнения придерживаются 83 % учащихся Екатеринбурга и 79 % — Шадринска. Молодые люди воспроизводят те ценностные ориентации, которые, как отмечает Н. А. Цветкова, существуют у большинства взрослых в настоящее время [7]. Профессия нужна для того, чтобы обеспечить желаемый материальный достаток, являющийся показателем успешной жизни.

Следующими факторами, вызывающими интерес старшеклассников к конкретной профессиональной деятельности, являются ее востребованность на рынке труда (66 % — Екатеринбург, 56 % — Шадринск); наличие возможности профессионального роста (64 и 58 % соответственно); высокий социальный статус (45 и 33 % соответственно). Для небольшого города, где многие жители знают друг друга, внешние показатели статуса не имеют такого большого влияния на жизненные ориентиры, как в крупном промышленном центре, где значительное количество населения стремится выделиться среди окружающих теми или иными формальными признаками.

Исследование показало, что, наряду с материальными ценностями, существуют и иные, в которых на первый план выходят, по мнению старшеклассников Екатеринбурга, такие ориентиры, как самореализация, достигаемая за счет соответствия профессии личностным способностям (65 %), построение карьеры (61,2 %). Ярче всего это выявилось в ответах респондентов, проживающих в Шадринске. Среди них 69 % ищут профессию, которая в первую очередь соответствовала бы их личностным качествам, способностям и интересам.

Выявляются некоторые различия в ориентациях респондентов, вызванных местом проживания. Для крупного промышленного центра более значимыми факторами при профессиональном самоопределении старшеклассников являются возможность найти работу после окончания учебного заведения и получение престижной должности. При этом только 35 % среди них сумели четко обозначить ту профессию, которую они хотели бы получить после окончания учебы. Среди

учащихся Шадринска таковых оказалось 58 %. В малом городе, видимо, молодые люди начинают рано задумываться о своей будущей работе, так как выбор вариантов трудоустройства у них меньше.

При этом в равной степени респонденты, проживающие в крупном или малом городе, считают, что они ориентируются в процессе профессионального самоопределения на реализацию собственных способностей и интересов (70 %). Вместе с тем 37 % учеников старших классов Екатеринбурга склонны прислушиваться к советам своих родителей и родственников, а среди респондентов Шадринска таковых 27 % (см. таблицу). Родительский совет не подразумевает принятие окончательного решения о профессиональном выборе без учета мнения самих старшеклассников. Только 1 % проживающих в Екатеринбурге признали, что будущую профессию за них выбирают родители, 54 % отмечают, что прислушиваются к их мнению, но окончательное решение остается за ними. Остальные 44,7 % выбирают свою будущую профессию самостоятельно, исходя только из личных приоритетов. Среди шадринских школьников 50 % прислушиваются к советам родителей, оставляя право окончательного выбора за собой.

Факторы, влияющие на выбор будущей профессии, % от числа опрошенных*

Факторы, влияющие на выбор профессии	Город проживания			
	Екатеринбург	Ранг	Шадринск	Ранг
Собственные интересы и способности	70,9	I	70,5	I
Советы родителей, родственников	36,9	II	27,3	III
Желание в дальнейшем обучаться в определенном учебном заведении	25,2	III	45,5	II
Собственный практический опыт работы	16,5	IV	22,7	IV
Профессии родителей, родственников	14,6	V	18,2	V
Художественная литература, кинофильмы, СМИ	14,6	V	11,4	VI
Советы друзей, знакомых	11,7	VI	6,8	VIII
Дополнительное (внеклассное) образование	10,7	VII	10,2	VII
Посещение дней открытых дверей в вузах или сузах	8,7	VIII	10,2	VII
Советы одноклассников	3,9	IX	2,3	X
Профиль класса	2,9	X	18,2	V
Рекомендации учителей	1,0	XI	4,5	IX
Затрудняюсь ответить	3,9	IX	1,1	XI
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>		<i>100,0</i>	

* Сумма ответов превышает 100 %, так как каждый респондент мог дать несколько ответов.

В малом городе набор средних профессиональных и высших образовательных учреждений не отличается большим разнообразием, поэтому определиться с выбором учебного заведения для дальнейшего обучения несложно.

Следует особо выделить тот факт, что некоторые старшеклассники при выборе будущей профессии опираются на собственный практический опыт работы (16 % в Екатеринбурге и 23 % в Шадринске). Сказывается то, что в малом городе молодые люди вынуждены рано проявлять собственную трудовую активность, поскольку уровень материального благосостояния семьи ниже, чем в крупном промышленном центре. Они подрабатывают во время каникул, определяя в первую очередь свою склонность к профессиям, требующим ручного труда.

Выявились различия между учащимися большого и малого городов в установках на продолжение семейной династии: 21 % учащихся в Екатеринбурге и 15 % проживающих в Шадринске желают получить такую же профессию, как у их родителей.

Вместе с тем обозначим низкую степень влияния уровня образования, который имеют родители, и материального положения семьи на процесс профессионального самоопределения, поскольку вне зависимости от того, каков уровень достатка и образования родителей, большинство учащихся стремятся поступить в высшие учебные заведения (85,4 % в Екатеринбурге и 70,5 % в Шадринске). Аналогичные выводы получены и другими исследователями [1].

Такая установка, вероятно, вызвана тем, что в сознании россиян укоренилось представление о возможности полноценной самореализации и достижения жизненного успеха только при наличии диплома о высшем образовании. Он обеспечивает получение высокооплачиваемой должности и социальный статус. Подобное мнение противоречит той политике, которую проводит государство, заявляя о необходимости подготовки специалистов, имеющих рабочие профессии. Их можно приобрести в современных колледжах и получать на крупных промышленных предприятиях зарплату, в два раза превосходящую заработки молодых инженеров.

Однако у школьников представление о желаемой профессии нередко формируется под влиянием кинофильмов, художественной литературы, где герои обязательно имеют высшее образование, работая менеджерами, руководителями крупных фирм. Так, 14 % учащихся из Екатеринбурга и 11 % из Шадринска подтверждают влияние произведений искусства на процесс профессионального выбора.

Несмотря на то что старшеклассники в целом представляют, какими характеристиками должна обладать их будущая профессия, большинство из них испытывают большие трудности при обосновании своего выбора. Им нравится несколько близких видов профессиональной деятельности, поскольку отсутствует четкое представление о том, какие требования предъявляет к личности конкретная работа. Это отмечают 60 % респондентов в Екатеринбурге и 57 % в Шадринске.

Таким образом, возникает высокий уровень неопределенности профессионального самоопределения, ведущий к тому, что окончательный выбор 39 % екатеринбургских и 30 % шадринских школьников намерены сделать накануне

сдачи документов в какое-либо учебное заведение среднего профессионального или высшего образования. Причина такой ситуации в том, что сегодня в школах не уделяется должного внимания организации постоянной системы профессиональной ориентации школьников начиная с 7–8 класса, о важности которой пишут исследователи [5]. Эта проблема была актуальной еще при социализме и не решена в должной мере до сих пор [8].

Из проводимых в школе мероприятий, направленных на оказание помощи учащимся в выборе будущей трудовой деятельности, наиболее популярным является профориентационный тест; 57% старшеклассников Екатеринбурга и 70% Шадринска проходили подобное тестирование в школе. Пытались это сделать самостоятельно в Интернете соответственно 45 и 42% респондентов. На личном опыте они пришли к выводу, что данный способ проверки склонностей к определенной профессии не является достаточно достоверным и оценивают его результативность в среднем на 2,9 балла по пятибалльной шкале.

В качестве еще одной преграды на пути к выбору своей будущей профессии учащиеся указывают недостаточную информированность о существующих профессиях. В среднем свою осведомленность о них молодые люди оценивают на 5,9 по десятибалльной шкале. Этот факт, видимо, объясняется тем, что на сегодняшний день в мире существует порядка 40–50 тыс. различных профессий и найти достоверную и полную информацию, которая в деталях описывала бы их содержание, достаточно трудно. Поэтому 48% екатеринбургских старшеклассников отмечают, что они хотели бы получать больше данных о существующих в настоящий момент и востребованных на рынке труда специальностях.

Среди учащихся, проживающих в Шадринске, 58% указывают на отсутствие нужной им информации об имеющихся средних и высших образовательных учреждениях в крупных городах Большого Урала. В самом городе их количество невелико, и школьники в целом осведомлены о направлениях профессиональной подготовки, по которым в них проводится обучение. Им хочется больше знать о том, какие колледжи, вузы существуют в таких городах, как Курган, Тюмень, Екатеринбург, Челябинск, кого они готовят и каковы условия поступления.

Важным фактором профессионального самоопределения является информация о том, где сможет работать молодой специалист после получения диплома об образовании. Информация о перспективах развития рынка труда в ближайшее время интересна для 39% старшеклассников в Екатеринбурге и 28% в Шадринске. В небольшом городе вероятность больших изменений на имеющихся в нем предприятиях существенно ниже, поэтому молодые шадринцы в меньшей степени беспокоятся о том, что исчезнут те рабочие места, на получение которых они ориентируются в настоящее время. Крупный промышленный центр характеризуется высокими темпами обновления различных производств, поэтому учащиеся уже сейчас хотят знать, какие специалисты будут востребованы через 4–6 лет, пока они будут получать профессиональные знания.

Таким образом, исследование показало, что место проживания действительно является одной из главенствующих детерминант в процессе профессионального самоопределения учащихся старших классов общеобразовательных школ,

обуславливая различия в степени влияния тех или иных факторов на выбор той сферы трудовой деятельности, которая соответствует как индивидуальным способностям личности, так и общественным интересам. Крупный и малый город создают разные возможности и ориентации на профессиональную самореализацию и самоутверждение подрастающего поколения. Учащиеся, проживающие в малом городе, раньше начинают задумываться о той профессии, которую они могут получить, исходя из возможностей, которые предоставляют им имеющиеся в городе учреждения среднего профессионального и высшего образования. Старшеклассники в малом городе более информированы о потребностях местных предприятий в специалистах определенного профиля. Среди них больше тех, кто рано приобщается к различным видам трудовой деятельности, помогая родителям, работая во время каникул, выявляя свою предрасположенность к определенным профессиям. Это следует учитывать тем, кто занимается организацией профориентационной работы с учащимися, раскрывая им возможности получения желаемой профессии, прежде всего в том городе, где они живут, обеспечивая тем самым его сохранение и развитие как значимого в экономическом и культурном плане места жительства.

-
1. *Батырева М. В.* Процесс профессионального самоопределения городской молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2003.
  2. *Дидковская Я. В.* Динамика стратегий профессиональной карьеры молодежи в условиях трансформации модели профессионального самоопределения // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2(126).
  3. *Каширина А. С.* Роль поселенческого фактора в формировании ориентаций на профессиональную деятельность учащейся молодежи // Там же. Сер. 3 : Общественные науки. 2007. № 54, вып. 4.
  4. *Меренков А. В.* Самоопределение учащихся : метод. пособие для учителей VIII–IX классов. М., 2008.
  5. *Меренков А. В.* Методики формирования у школьников навыков самоопределения. Екатеринбург, 2006.
  6. *Меренков А. В., Мокерова Ю. В., Смирнова О. Г.* Профессиональное самоопределение выпускников школ в современных условиях // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2015. № 2(140).
  7. *Цветкова Н. А.* Профессиональное самоопределение личности на разных этапах становления профессионала. М., 2000.
  8. *Титма М. Х.* Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных социологических исследований). М., 1975.

Рукопись поступила в редакцию 27 марта 2017 г.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Проблема социальной активности молодежи в современных условиях приобретает новое звучание. Сегодня социальная активность молодежи, в том числе и студенческой, все больше смещается в сферу виртуальной реальности. Цель исследования — изучить ее проявление студентами колледжей в социальных сетях. Эмпирическая база исследования — материалы социологических исследований, проведенных автором в 2014–2016 гг. в Челябинске. Методы, используемые в исследовании, сочетают количественную и качественную стратегию. Исследование зафиксировало смещение социальной активности студентов колледжей в социальные сети, что приводит к негативным последствиям: редукции взаимодействия между партнерами, аддикции к Интернету, мифологизации сознания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: студенты колледжей, социальная активность, социальные сети, редукция взаимодействия, аддикция, мифологизация сознания.

Введение в исследовательскую проблему. Социальная активность студенчества, в том числе и студенчества колледжей, в современных условиях становится одной из важнейших в теоретическом и практическом отношении проблем в социологической науке. Студенчество как социально-демографическая группа всегда было одним из самых популярных объектов изучения среди социологов. Это гетерогенная, мобильная, весьма любопытная, с точки зрения исследователя, группа. От ее экономического, политического и культурного выбора, проявления ею социальной активности во многом зависит развитие общества. Вместе с тем некоторые проблемы, касающиеся жизнедеятельности студентов, на наш взгляд, неоправданно оказываются вне поля зрения современных исследователей. К таким проблемам относятся вопросы, связанные с социальной активностью студенчества и ее проявлением в социальных сетях.

Вместе с тем проблематика социальной активности личности начала активно исследоваться в отечественной науке начиная с 80-х гг. XX столетия. Е. А. Ануфриев [3], Н. Н. Белякович [5], В. Г. Мордкович [12] и другие занимались разработкой понятия «социальная активность». Е. В. Грунт [8], В. А. Смирнов [17] и другие изучали социальную активность рабочих. В трудах таких исследователей, как О. В. Асеева [4], Р. З. Абдикеев [1], А. В. Кострикин [9], С. А. Потапова [15] и др., исследовались проблемы социальной активности молодежи в целом и студенчества в частности.

Проблемам Интернета, виртуальной реальности и сетевых сообществ посвящены работы Р. Н. Абрамова [2], С. В. Бондаренко [6], Л. Гартона [19], Г. И. Лыскина [10], Е. Д. Патаракина [14], Г. Рейнгола, С. Хартонуэйта [20] и др.

Анализ имеющихся в литературе работ позволяет судить о том, что далеко не все проблемы социальной активности студенчества исследуются с достаточной

полнотой, да и само понятие «социальная активность» до сих пор не имеет строгой научной трактовки. В частности, до настоящего времени нет специальных работ, в которых изучалась бы социальная активность студентов в социальных сетях. Все это говорит об актуальности темы исследования.

Методология и методика исследования. В рамках социологического подхода понятие «социальная активность» может быть рассмотрено в контексте категорий «социальное действие» и «социальное взаимодействие». Социологический анализ понятия «социальное взаимодействие» проводится как на микро-, так и на макроуровне. На микроуровне, как правило, исследуются процессы взаимодействия между индивидами, которые могут находиться в непосредственном контакте и друг с другом, и с окружающей средой. Что касается макроуровня, то здесь изучаются внешние взаимодействия — взаимодействия больших социальных групп и структур общества. Мы полагаем, что применительно к исследованию социальной активности личности более продуктивно использовать микроуровень социального взаимодействия.

Феномен социальной активности был рассмотрен нами с позиций теории социального действия М. Вебера [7] и Т. Парсонса [13], теории символического интеракционизма Дж. Г. Мида [11], теории обмена Дж. Хоманса [18] и теории рационального выбора Дж. Коулмена [16].

Анализ социологической литературы, проведенный в ходе нашего исследования, показал, что разные теоретико-методологические основания задают нам различное понимание социальной активности личности. Наличие разных трактовок понятия «социальная активность» говорит о многозначности данного социального феномена. *Под социальной активностью мы понимаем социокультурное качество субъекта социального действия, реализующееся во взаимодействии с социальной средой, обеспечивающее самореализацию личности, обусловленное внешней и внутренней необходимостью.* Самореализация выступает универсальным способом объективации социальной активности субъекта и указывает на индивидуальный характер ее содержания.

Мы полагаем, такое определение указывает, во-первых, на то, что социальная активность — важный социальный феномен, характеризующий социальное качество личности.

Во-вторых, это качество формируется в результате социального взаимодействия личности с окружающей средой. Сущность и специфика данного взаимодействия состоит в диалектике распредмечивания социальной реальности и опредмечивания социальных сил человека, результатом которых и выступают самореализация личности, раскрытие ее потенциальных возможностей и способностей к тому или иному виду социальной деятельности. Социальная активность характеризует обе эти диалектически взаимосвязанные стороны: активное распредмечивание (присвоение) социальных отношений и опредмечивание деятельной сущности человека, формирование индивидуальных характеристик личности. Она обеспечивает возможности самовыражения личности в рамках той или иной социальной группы, общества в целом.

В-третьих, социальная активность формируется под воздействием внешней заданности (объективных факторов), побуждающей личность к вступлению во взаимодействие, в котором происходит ее самореализация, и внутренней необходимости (субъективных факторов) — потребностей, интереса, установок, личного опыта взаимодействий и пр. Ее формирование происходит через раскрытие у личности потенциальных возможностей через формирование установок, потребностей к деятельности и т. д. при создании для этого внешних условий.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных авторами в 2014–2016 гг. в Челябинске. Методы, используемые в исследовании, сочетают количественную и качественную стратегии: анкетный опрос, анализ документов и глубинное интервью. Опрос студентов колледжей был проведен в технике раздаточного анкетирования, что соответствует целям и задачам исследования. Количественный метод способствовал получению четкой и интегрированной информации по данной проблеме. Выборочная совокупность анкетного опроса составила 800 человек — представителей студентов колледжей Челябинска. Способ организации выборки — многоступенчатая, квотная. Также в исследовании была использована качественная стратегия: 30 информантов опрашивались в технике глубинного интервью, что позволило обогатить полученные данные. Информантами выступили директора, заместители директоров колледжей.

Результаты исследования. Исследование показало смещение вектора социальной активности студентов колледжей из социальной в виртуальную реальность; 97,4 % опрошенных зарегистрировано в социальных сетях и являются активными пользователями Интернета. Какими социальными сетями пользуются наши респонденты (табл. 1)?

Таблица 1

Использование сетей и серверов респондентами, % к числу опрошенных*

Сети и серверы	Возраст 15–20 лет	Возраст 18–21 год
В Контакте	94,7	91,3
Одноклассники	15,8	23,9
Мой мир	31,6	30,4
Твиттер	18,0	17,3
Фейсбук	18,4	27,8
ICQ	6,1	5,9
Skype	52,9	61,1
Фотострана	5,1	4,9
Сайты знакомств	3,6	7,5
You Tube	12,1	31,7
Нет данных	—	3,5

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Таким образом, мы видим, что самая популярная сеть — ВКонтакте. На нее указали около 95,5 % респондентов. Каждый второй респондент использует Skype, каждый третий — Мой мир и YouTube. По 17,0 % опрошенных используют Фейсбук и Твиттер, а каждый пятый — Одноклассники. Гендерный анализ не выявил существенных различий в использовании респондентами социальных сетей.

Исследование показало влияние возраста на вступление студентов в то или иное виртуальное сообщество. Чем старше студенты, тем больше они обращаются к таким социальным сетям и сайтам, как Сайт знакомств, Фейсбук, Одноклассники, YouTube. Такая ситуация вполне закономерна, поскольку эти сайты и социальные сети в большей степени используются более старшими возрастными группами пользователей. Частота взаимодействия респондентов в социальных сетях является индикатором их социальной активности в виртуальной реальности. Как часто респонденты обращаются к социальным сетям? Исследование показало, что около 80 % опрошенных используют их ежедневно, каждый третий респондент — 1 раз в неделю, около 6 % опрошенных — 1 раз в месяц и реже. Таким образом, мы видим высокую частоту использования социальных сетей студентами колледжей. Насколько активны респонденты в виртуальном пространстве? Исследование зафиксировало: 70,3 % считают себя социально активными в сетевых сообществах; 26,5 % полагают, что они пассивны; 3,2 % затруднились определить свою деятельность в Сети. Исследование зафиксировало, что студенты в виртуальной реальности (70,3 %) более активны, нежели в социальной реальности.

Следующим индикатором социальной активности студентов в виртуальной реальности являются виды социального взаимодействия респондентов. В каких видах социальной деятельности и социального взаимодействия проявляется социальная активность студентов в виртуальной реальности (табл. 2)?

Таблица 2

Мнение респондентов о проявлении ими социальной активности в виртуальном пространстве (социальных сетях), % к числу опрошенных*

Виды социальной деятельности респондентов	Возраст 15–17 лет	Возраст 18–21 год
Общаюсь с друзьями	61,5	53,5
Ищу новых знакомых	25,3	35,2
Играю	36,8	30,6
Смотрю видео, фильмы	21,7	31,6
Ищу необходимую для учебы информацию	25,6	30,0
Слушаю музыку	20,6	19,9
Обсуждаю важные социальные проблемы	4,1	4,0
Троллю	12,5	7,6
Другое	7,9	3,3

* Сумма превышает 100,0 %, так как у респондентов была возможность сделать несколько выборов.

Таким образом, около половины опрошенных в социальной сети занимаются общением с друзьями; каждый третий респондент ищет новых знакомых, играет, смотрит видео и фильмы, ищет необходимую информацию для учебы; каждый пятый респондент слушает музыку. Около 4 % опрошенных указало на то, что они обсуждают важные социальные проблемы и троллят в социальных сетях.

Исследование показало, что с помощью социальной сети студенты не решают какие-либо социальные проблемы, встающие перед ними, практически они их даже не обсуждают. Причем троллинговая активность чаще встречается в возрастной группе респондентов от 15 до 17 лет. Таким образом, студенты колледжа в виртуальной реальности проявляют в большей степени свою активность в сфере общения, развлекательной и познавательной деятельности, что в принципе свидетельствует о положительной направленности их активности. Однако не может не беспокоить тот факт, что каждый восьмой студент в возрасте от 15 до 17 лет проявляет свою активность в троллинговой деятельности, что, по сути своей, является отрицательной направленностью социальной активности студентов.

Это связано с тем, что троллинговая деятельность представляет собой размещение в социальных сетях сообщений, которые имеют провокационную направленность. Такие сообщения могут содержать информацию, направленную на взаимное оскорбление (мат, ругательства, навешивание ярлыков, обзывание и пр.), что зачастую приводит к напряженности, конфликтам среди взаимодействующих в данной Сети. Мы согласны с мнением О. В. Асеевой о том, что «основной целью троллинга является манипулирование чьим-либо сознанием и поведением с целью дискредитации в глазах остальных членов виртуального сетевого сообщества; обычно таким образом человек хочет, унижая другого, самоутвердиться... Подобная цель разрушает представления о существующих социальных нормах, за нарушение которых положено наказание, а нарушение этих норм в виртуальных сетевых сообществах, как правило, не влечет за собой применения негативных юридических или общественных норм» [4, 79]. Проявление троллинговой активности студентами колледжа еще раз подчеркивает низкий статус студентов в реальной жизни (многие из них испытывают унижение, оскорбление со стороны сокурсников, сверстников). Занимаясь троллингом, студент самоутверждается прежде всего в собственных глазах.

Исследование зафиксировало мотивы проявления социальной активности респондентов в социальной сети (табл. 3).

Ведущим мотивом является более легкое общение, нежели в реальной жизни. Это отметил каждый второй респондент. Около 40 % опрошенных указали на то, что в виртуальном пространстве не надо взаимодействовать «лицом к лицу», как это происходит в реальной жизни. Примерно столько же респондентов отметило, что мотивом проявления их социальной активности в виртуальном пространстве является быстрый поиск информации. Каждый третий студент выделил такой мотив, как поиск единомышленников, а около 15 % опрошенных — возможность принятия на себя любого социального статуса. Таким образом, мы видим, что причинами такой мотивации является то, что мешает в реальности студентам проявлять свою социальную активность.

Таблица 3

Мотивы проявления респондентами социальной активности в социальных сетях, % к числу опрошенных*

Мотивы социальной активности респондентов в сетях	Возраст 15–17 лет	Возраст 18–21 год
Легче общаться	51,4	59,9
Не нужно взаимодействовать с другими людьми «лицом к лицу», как в реальной жизни	48,3	42,0
Можно быстро найти любую информацию	46,6	43,3
Можно быстро обсудить любой вопрос	33,6	28,6
Легко найти единомышленников	24,3	28,0
Можно принять любой статус	17,3	12,0
Легко найти друзей в разных городах и странах	6,5	6,1

* Сумма превышает 100,0 %, так как у респондентов была возможность сделать несколько выборов.

Социальные сети сегодня дают возможность студентам без вступления в прямое взаимодействие с партнерами обсудить вопросы, найти информацию и единомышленников, самоутвердиться, что является положительным моментом их жизнедеятельности. Однако социальная активность в социальных сетях может привести, во-первых, к редукции взаимодействия респондентов (не нужно проявлять эмоций, чувств; видеть партнера по взаимодействию; учитывать возраст, статус, психологические особенности партнера и пр.); во-вторых, к аддикции к Интернету; в-третьих, к уходу от решения проблем в социальной реальности и к попытке решения их в реальности виртуальной либо к нерешению этих проблем вовсе. Все это является негативным моментом проявления студентами социальной активности в виртуальной реальности. Как отмечают эксперты, *«современные студенты не умеют общаться, не умеют грамотно писать. Проводят много часов на форумах, в Интернете. Интернет им заменяет все — спорт, кино, живое общение, чтение литературы»* (О. Г., заместитель директора, 38 лет); *«Интернет, социальные сети для современной молодежи — это и досуг, и игра, и образование... Они заменили семью, друзей, поглотили человека. Становится страшно, когда молодежь часами сидит в Интернете. Получается какая-то нереальная жизнь для них. А в реальной жизни многие из них оказываются беспомощными. Это становится очень заметно среди студентов»* (В. Н., директор колледжа, 63 года).

Стоит обратить внимание на такой мотив, как возможность принятия любого статуса студентом. Действительно, будучи студентом колледжа, ты можешь принять статус предпринимателя, врача, президента компании, студента вуза и пр., что также имеет негативные последствия — уход студентов от реальности, выдачу ими желаемого за реальное, что приводит к мифологизации сознания

личности. Человек пытается стать «рядом» с этими людьми, а не «вместо» них или «вместе с ними», ибо, чтобы стать вместо них, необходимо приложить много усилий не в виртуальной, а в социальной реальности, что оказывается достаточно сложным и порой труднодостижимым. Такая ситуация не формирует их активную жизненную позицию, их социальную активность. Однако такой большой процент респондентов, указавших на этот мотив проявления ими социальной активности, можно объяснить, с одной стороны, невысоким статусом студентов колледжа в повседневной жизни, а с другой — переходным, транзитным статусом данной возрастной группы.

***

Таким образом, социальные сети, виртуальная реальность стирают грани между реальным и виртуальным пространством, между людьми (их статусом, возрастом и пр.), странами и континентами, создают игровую ситуацию, включая в нее фрагменты реальной жизни, фрагменты «реальной активности» человека.

Молодежи, в том числе и студентам колледжа, легче самореализоваться в виртуальном пространстве, нежели в реальной жизни, так как здесь они могут избирать для себя те социальные роли и статусы, которые заведомо недостижимы для них в данный момент, однако являются желаемыми. Вместе с тем проявление студентами социальной активности в социальных сетях может привести к негативным последствиям — отсутствию навыков взаимодействия в реальной жизни, мифологизации сознания, Интернет-зависимости.

---

1. *Абдикеев Р. З.* Формирование и пути развития общественно-политической активности студенческой молодежи : дис. ... канд. филос. наук. Баку, 1975.

2. *Абрамов Р. Н.* Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социол. исслед. 2002. № 3.

3. *Ануфриев Е. А.* Социальный статус и активность личности. М., 1984.

4. *Асеева О. В.* Виртуализация социальной активности молодежи в сетевых сообществах : дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2015.

5. *Белякович Н. Н.* Социальная активность личности. Минск, 1978.

6. *Бондаренко С. В.* Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов н/Д, 2004.

7. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX — начала XX века. М., 1996.

8. *Грунт Е. В.* Социальная активность рабочего класса службы быта // Общественная активность личности в условиях перестройки. Челябинск, 1991.

9. *Кострикин А. В.* Проблемы исследования социальной активности молодежи // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2009. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/-3-2009/4386-problemy-issledovaniya-socialnoj-aktivnosti-molodezhi.html (дата обращения: 15.04.2016).

10. *Лыскин Г. И.* Социальная структура виртуальных сетевых сообществ разработчиков программного обеспечения с открытыми кодами : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Ростов н/Д., 2004.

11. *Мид Дж.* Разум, самость и общество. М., 1973.

12. *Мордкович В. Г.* Социальная активность: споры и суть // Социальная активность : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Г. Мордкович. Челябинск, 1976. Вып. 3.

13. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
14. Патаракин Е. Д. Сетевые сообщества и обучение. М., 2006.
15. Потапова С. А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города: на материалах г. Нижнекамска. СПб., 2005.
16. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.
17. Смирнов В. А. Социальная активность советских рабочих: некоторые методологические и социологические аспекты проблемы. М., 1979.
18. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен. Современная зарубежная социология. М., 1998.
19. Garton L., Haythornthwaite C., Wellman B. Studying Online Social Networks. Journal of Computer Mediated Communication 3(1) June 1997 [Electronic resource]. URL: <http://jcmc.huji.ac.il/vol3/issue1/garton.html> (accessed: 20.01.2017).
20. Rheingol H. The Virtual Community : Homesteading on the Electronic Frontier // Journal of Computer Mediated Communication. 1997. 3(1) June [Electronic resource]. URL: <http://jcmc.huji.ac.il/vol3/issue1/garton.html> (accessed: 20.01.2017).

Рукопись поступила в редакцию 13 марта 2017 г.

УДК 316.334.56 + 394.014(470.54-25)

О. В. Нотман
А. П. Багирова

ДИНАМИКА ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ОЦЕНКАХ ЕКАТЕРИНБУРЖЦЕВ*

В статье анализируется отношение жителей Екатеринбурга к происходящим в последние годы изменениям городской инфраструктуры. Мнения горожан собраны в ходе репрезентативного опроса населения, проведенного в 2016 г. Измерение оценок горожан осуществлялось по трем основным индикаторам: направленность изменений по совершенствованию городской среды, удовлетворенность различными областями жизни в местах проживания, достаточность/дефицитность инфраструктурных благ. Выявлены ключевые детерминанты оценки екатеринбуржцами динамики городской инфраструктуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: городская инфраструктура, динамика, изменения, Екатеринбург, городское население.

Качество городской инфраструктуры (в более широком контексте — городской среды) признается современными урбанистами главным фактором, обеспечивающим возможности для реализации потребностей населения во всех сферах жизнедеятельности и, как следствие, оказывающим прямое влияние на социальное самочувствие жителей городов [1, 134; 2, 32–37; 3, 253–257]. Развитая городская инфраструктура способствует расширению социальных сетей взаимодействия

---

* Статья подготовлена в рамках НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования “город Екатеринбург” до 2035 года» (муниципальный контракт № 15/2016-2 от 17 ноября 2016 г.).

и вовлеченности граждан в городские сообщества, увеличивает разнообразие и интенсивность культурно-досуговых и рутинных практик, в целом обеспечивая зону комфортности в использовании общественных пространств [4, 61] и повышая качество жизни города.

XX век, ставший периодом бурного роста городов, актуализировал общественную потребность в разработке и внедрении принципов устойчивого развития в области территориального планирования. Концепция устойчивого развития территорий предполагает обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и рациональное использование ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений. Признавая человеческий потенциал как главную ценность и капитал территории, концепция устойчивого развития подразумевает, что человек должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение. Устойчивое развитие современного города — чрезвычайно важная задача, которая должна решаться коллаборативно с учетом интересов всех социальных групп городского сообщества.

Движение городов в направлении устойчивого развития подкрепляется созданием институциональных структур, призванных способствовать сбалансированному развитию экономической, экологической и социальной составляющей жизнедеятельности городов, укреплению партнерских связей между правительствами и гражданским обществом. Среди таких структур глобального уровня значимости можно отметить НАВИТАТ (Центр ООН по поддержке устойчивого развития городов и населенных пунктов), UNEP (Программа ООН по окружающей среде), сообщество по распространению прикладных знаний в области устойчивого развития Всемирного банка (Инициатива SCI).

Очевидно, что происходящие в последние годы изменения в системе городского управления (имеется в виду вовлеченность групп стейкхолдеров в процесс принятия ключевых для города решений) отражаются на выборе стратегических направлений развития городов России. В Стратегическом плане развития Екатеринбурга (являющемся продуктом общественного согласия и документом, открытым для изменений) приоритетное внимание уделяется вопросам совершенствования инфраструктуры как необходимому условию сохранения и развития человеческого потенциала города [5].

Как правило, под городской инфраструктурой понимается целостный комплекс взаимосвязанных элементов, обеспечивающих качество городской среды. Этот комплекс включает в себя транспортные коммуникации; жилищно-коммунальные, медицинские, бытовые услуги; услуги спортивной, рекреационной и релаксационной сферы; услуги потребительского рынка (торговля и общественное питание); благоустройство и экологический статус территории. Инфраструктура города обладает двумя важными признаками — территориальностью и комплексностью развития. «Территориальность» означает, что функционирование объектов городской инфраструктуры тесно связано с населением конкретной территории (в большей мере микротерритории). Такая пространственная привязка

объектов (услуг, благ) объясняется протеканием жизнедеятельности в рамках определенной территории, поэтому инфраструктура локализуется в границах этой территории или служит средством преодоления расстояний (например, пассажирский транспорт, коммуникации). «Комплексность» отражается в том, что многие отрасли городской инфраструктуры функционально взаимосвязаны между собой (например, транспорт и дороги, торговля и общественное питание).

В случае отсутствия или неразвитости одной отрасли в значительной мере обесценивается или становится невозможным использование других; в результате снижается эффективность функционирования инфраструктуры как целостного комплекса благ, услуг, объектов. Напротив, согласованное развитие инфраструктуры (с учетом значимости определенного вида для конкретной территориальной единицы) способствует повышению уровня удовлетворения разнообразных потребностей населения данной территории.

Важнейшим направлением урбанистических исследований является анализ дифференциации городских пространств и внутригородских социально-экономических различий, представленный в работах классиков (Ч. Бут, Г. Ганс, Дж. Джекобс, Д. Харви). Очевидно, что объективные параметры, используемые в классических подходах к анализу городских различий, сегодня должны дополняться субъективными оценочными компонентами, в частности, восприятием жителями своих территорий внутри мозаичного городского пространства. Исследования субъективного благополучия жителей в среде проживания приобретают особую ценность с точки зрения управления развитием территорий, направленного на обеспечение доступности социально-значимых объектов инфраструктуры и минимизации социальной эксклюзии.

Одна из центральных задач проведенного нами социологического исследования заключалась в выявлении характера оценок горожанами происходящих изменений в городской инфраструктуре. Информационной базой исследования послужили данные репрезентативного опроса населения Екатеринбурга, проведенного по стратифицированной выборке в ноябре – декабре 2016 г. ($N = 3547$). Обработка данных осуществлялась в программе SPSS 22.0. Для анализа были использованы процедуры описательной статистики, анализа сопряженности; значимость различий между группами респондентов проверялась с помощью непараметрических тестов для независимых выборок (Манна–Уитни, Краскала–Уоллеса, медианного теста).

Измерение оценок горожан осуществлялось по трем ключевым индикаторам:

- оценка направленности (вектора) изменений по совершенствованию городской инфраструктуры;
- оценка удовлетворенности различными областями жизни в местах проживания на текущий момент;
- оценка используемых и дефицитных инфраструктурных благ.

Горожане оценивали существующую картину и динамику городской инфраструктуры применительно к микрорайонам своего проживания (всего на этапе предварительной территориальной стратификации было выделено 58 жилых микрорайонов). Такое методическое решение было обусловлено двумя причинами:

во-первых, потребностью заказчика исследования (Администрации города Екатеринбурга); во-вторых, исследовательской идеей микродифференциации территорий проживания на основе субъективных оценок населением их инфраструктуры. Стартовая идея исследовательского проекта заключалась в рассмотрении микро-территории проживания как среды жизнедеятельности, в рамках которой общее качество жизни определяется благоприятностью места жительства.

Одним из главных индикаторов эффективности развития внутригородской инфраструктуры выступает отношение населения к происходящим изменениям. Респонденты оценивали вектор произошедших за последние 3 года изменений по совершенствованию инфраструктуры микрорайонов проживания. В целом по массиву отношение горожан к происходящим изменениям имеет сбалансированно-нейтральную окраску; 44 % горожан видят как позитивные, так и негативные изменения; 20 % оценивают произошедшие изменения исключительно как положительные; для 29 % ничего не изменилось в плане совершенствования городской жизни и только 7 % отрицательно оценивают произошедшие изменения.

Результаты анализа показывают, что оценка изменений в инфраструктуре микрорайонов, даваемая нашими респондентами, связана с оценкой их собственного материального положения. Более позитивные оценки произошедшим за последние 3 года изменениям даются более состоятельными гражданами, и, наоборот, респонденты, считающие, что денег им не хватает даже на самое необходимое, чаще других говорят о том, что произошедшие изменения в основном негативные. Так, например, среди горожан с максимально благополучным материальным положением доля тех, кто считает, что «много поменялось в лучшую сторону», составляет 29 %, а доля тех, кто считает, что «произошедшие изменения в основном отрицательные», составляет 6 %. Тогда как среди горожан с максимально неблагополучным материальным положением доля положительных оценок составляет всего лишь 5 %, а доля отрицательных — 15 %.

Данная зависимость, на наш взгляд, объясняется наличием реальной возможности использования различных инфраструктурных благ у материально обеспеченных групп горожан. Значительная часть благ городской жизни (кафе, рестораны, торгово-развлекательные центры, рекреационные площадки и пр.) оказывается недоступной для горожан с невысоким уровнем дохода. Действует механизм социального исключения из общественных пространств города, когда в зоне депривации оказываются многие социальные группы населения. Данный факт порождает негативное восприятие изменений, которые приобретают статус «недостижимых».

Оценка происходящих изменений в городской инфраструктуре подвержена влиянию и других социально-демографических (возраст) и социально-экономических (период проживания в Екатеринбурге, оценка своих жилищных условий) характеристик. Более молодые респонденты чаще оценивают изменения в инфраструктуре как положительные, что связано с активным развитием в последние годы инфраструктурных объектов, предназначенных в большой степени для молодежи (развлекательные и торговые центры нового формата, культурные микс-площадки, технологическая модернизация кинотеатров и пр.). Те, кто живет

в нашем городе меньшее количество лет, скорее дают положительные оценки изменениям, чем старожилы.

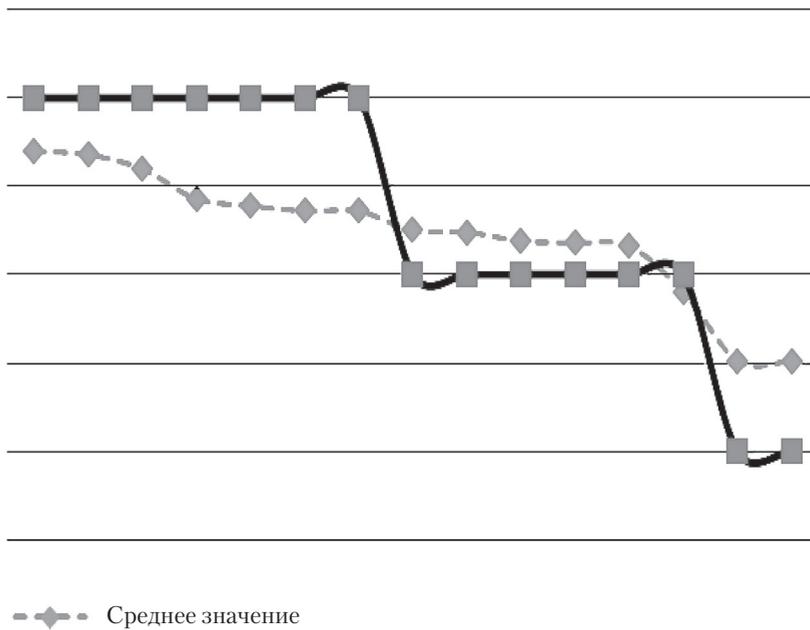
Обратная зависимость оценок от периода проживания объясняется прежде всего восприятием некоренными екатеринбуржцами изменений вне связи с историческим контекстом города и видением его исключительно как динамичного современного мегаполиса. Коренные екатеринбуржцы и те, кто живет здесь большее количество лет, более критично воспринимают изменения, разрушающие культурно-исторический, архитектурный и экологический ландшафт города. Те, кто выше оценивает свои жилищные условия (одна из составляющих материального благополучия), более позитивно относятся и к происходящим в городской жизни изменениям.

Наряду с оценкой общего вектора изменений горожане оценивали степень своей удовлетворенности состоянием отдельных областей жизни в микрорайонах проживания. Удовлетворенность горожан измерялась по 5-балльной шкале (см. рисунок). Средние и медианные оценки показывают, что более всего жители удовлетворены развитием в микрорайонах своего проживания торговой инфраструктуры, транспортной доступностью, наличием мест отдыха, парков, зеленых зон, услугами ЖКХ, бытовыми и медицинскими услугами, уровнем криминогенной безопасности. Самая низкая степень удовлетворенности зафиксирована при оценке инфраструктуры для занятий спортом, развлечений и наличия автомобильных парковочных мест. Итоговая средняя оценка по 15 показателям городской инфраструктуры составляет 3,28 балла.

Уровень удовлетворенности горожан и по отдельным элементам, и в целом по итоговому среднему показателю тесным образом коррелирует с материальным положением респондентов. Чем выше самооценка материального положения, тем выше степень удовлетворенности горожан территорией проживания. По всей видимости, неблагоприятное материальное положение может рассматриваться как важный дифференцирующий фактор, определяющий социальное самочувствие городских жителей (в том числе и удовлетворенность территорией проживания).

Более высокая степень удовлетворенности условиями проживания в городе (равно как и более положительное восприятие изменений) у материально обеспеченных горожан связаны прежде всего с их широкими возможностями в использовании платных услуг и объектов инфраструктуры. Не менее значимым фактором оказывается и психологическое ощущение «защищенности», отражающееся в более оптимистичном взгляде на жизнь в целом и на среду проживания в частности. Результаты масштабных российских и европейских исследовательских проектов подтверждают устойчивость такой связи.

Социальное самочувствие (в европейской традиции используется понятие «субъективное благополучие») в среде проживания зависит как от объективного уровня дохода, так и от самооценок материального благосостояния. Однако стоит отметить, что влияние этого фактора необходимо рассматривать в более широком социально-экономическом контексте. Мониторинговые исследования, фиксирующие динамику благополучия и удовлетворенности населения различными сторонами жизни на протяжении нескольких лет, свидетельствуют

Средние и медианные оценки жителями Екатеринбурга
разных сторон жизни в своих микрорайонах

о существовании сложной зависимости между субъективным ощущением благополучия и объективными экономическими показателями качества жизни (в том числе материальной обеспеченностью населения). Эта зависимость, в частности, опосредована стадией экономического цикла: глубокий спад, депрессия, оживление или быстрый рост [6, 29–32].

Наше исследование показало, что уровень удовлетворенности горожан тесным образом взаимосвязан с объективными условиями развития внутригородских территорий и сбалансированностью в них инфраструктурных благ. Чем благоприятнее эти условия, тем выше уровень удовлетворенности жителей. Наиболее высокий уровень удовлетворенности характерен для жителей престижных центральных микрорайонов города и новых динамично развивающихся территорий.

Важной характеристикой, отражающей наполненность городской среды инфраструктурными благами и перспективные запросы относительно недостатка определенных благ, выступает оценка используемых и дефицитных услуг в местах проживания. Частота использования жителями тех или иных услуг (благ) в микрорайонах своего проживания в целом по городскому массиву представлена в табл. 1.

Выбор горожан отражает традиционные приоритеты, связанные с реализацией жизненно важных потребностей. Подавляющее большинство горожан пользуется продуктовыми магазинами, рынками и аптеками в местах непосредственного проживания. Торговая и медицинская инфраструктура находится на втором месте

в списке приоритетов горожан: пользуются торговыми центрами и медицинскими учреждениями больше половины жителей. Инфраструктура, обеспечивающая бытовые удобства (салоны красоты, парикмахерские, автомобильные парковки), находится в третьей группе приоритетов, этими услугами пользуются менее половины горожан. Образовательная, спортивная и рекреационная инфраструктура в местах проживания не является приоритетно востребованной группой услуг. Вместе с тем доля горожан, пользующихся услугами не первой необходимости в местах проживания, достаточно высока.

Таблица 1

**Доля горожан, пользующихся услугами
в непосредственной близости от места проживания, % от числа ответивших**

Услуги/блага	Доля респондентов
Продуктовые магазины, рынки	92,7
Аптеки	87,8
Торговые центры	54,8
Медицинские учреждения	53,2
Салоны красоты, парикмахерские	45,5
Автомобильные парковки	39,6
Бытовые услуги (химчистки, ремонтные мастерские и пр.)	38,6
Спортивные стадионы, площадки, катки	33,0
Кафе, бары, рестораны	27,5
Спортивные клубы, фитнес-центры	26,4
Образовательные курсы	10,8

По спектру используемых услуг различные микрорайоны не имеют принципиальных различий и повторяют общегородскую тенденцию: высокая доля жителей, использующих услуги/блага первой необходимости в микрорайонах проживания. Практически во всех микрорайонах подавляющее большинство жителей используют продуктовые магазины, рынки, аптеки. Как показали результаты анализа, использование отдельных объектов инфраструктуры подвержено влиянию ряда социально-демографических характеристик респондентов. Так, например, значимыми оказались различия в использовании спортивных стадионов, площадок, катков, автопарковок мужчинами и женщинами (мужчины этим пользуются чаще). Женщины чаще, нежели мужчины, пользуются медицинскими учреждениями, находящимися в микрорайонах их проживания. Скорее всего, здесь речь идет в целом о более частом потреблении медицинских услуг женщинами в сравнении с мужчинами, что можно объяснить, например, большим вниманием женщин к своему здоровью. Те, у кого есть дети дошкольного и школьного возраста, чаще других респондентов пользуются в микрорайонах своего проживания аптеками, спортивными стадионами, площадками, катками, образовательными курсами,

медицинскими учреждениями, бытовыми услугами (химчистки, ремонтные мастерские), салонами красоты и парикмахерскими, автопарковками.

Использование объектов инфраструктуры сильно подвержено влиянию материального положения респондентов: более состоятельные респонденты чаще пользуются теми или иными благами и услугами. Различия не обнаружены лишь в использовании аптек, медицинских учреждений, продуктовых магазинов и рынков. Вполне логичное объяснение факта связи материального положения и использования инфраструктуры не удается дать только в случае со спортивными стадионами, площадками и катками. Даже они используются респондентами с лучшим материальным положением чаще, нежели респондентами с низким уровнем материального благосостояния.

Мнения горожан о дефицитных услугах в микрорайонах их проживания представлены в табл. 2. Данные таблицы показывают, что горожане испытывают наибольший дефицит в наполненности мест проживания услугами спортивной, релаксационной и рекреационной инфраструктуры. Сопоставляя мнения горожан об используемых и дефицитных услугах, можно заключить, что именно недостаток развития инфраструктуры «не первой жизненной необходимости» является главным фактором неиспользования этих услуг.

Таблица 2

**Доля горожан, испытывающих недостаток услуг определенного типа
в местах проживания, % от числа ответивших**

Дефицитные услуги/блага	Доля респондентов
Спортивные учреждения (бассейны, фитнес-центры, катки и пр.)	42,6
Парки, зоны отдыха	42,5
Кафе, рестораны	33,5
Торгово-развлекательные центры	29,5
Спортивные секции для детей	27,4
Кружки, центры развития для детей	24,7
Поликлиника	22,6
Почта	18,9
Бытовые услуги (химчистка, ремонтные мастерские и т. д.)	16,4
Продуктовый магазин	11,7
Детский сад, школа	11,6
Аптека	8,6

Характерно, что дефицитные услуги отметили жители не всех микрорайонов города. Данный факт может свидетельствовать не столько о развитости инфраструктуры услуг в этих микрорайонах, сколько об отсутствии потребностей в конкретных услугах (либо о их реализации за пределами микрорайона проживания). Для жителей практически всех микрорайонов (оценивших дефицитные услуги) характерна значимая потребность в развитии спортивной инфраструктуры, в том

числе детских спортивных секций. Актуальные потребности «молодых» и пригородных микрорайонов несколько отличаются от потребностей жителей центральных и спальных районов. Для первых в качестве дефицитной инфраструктуры в большей мере выступают услуги первой необходимости, которые для других микрорайонов стали давно уже привычными.

Выбор объектов, которых не хватает екатеринбуржцам в своих микрорайонах, оказался зависимым от пола респондентов. Женщинам — жительницам города гораздо чаще, чем мужчинам, не хватает в пешей доступности продуктовых магазинов, аптек, кружков и центров развития для детей, спортивных учреждений, торгово-развлекательных центров, парков и зон отдыха. Скорее всего, это можно объяснить традиционным неравномерным разделением домашних и семейных обязанностей в российских семьях, когда обеспечение продуктами питания, лекарствами, занятия с детьми в первую очередь ложатся на плечи женщин. Кроме того, согласно официальным данным, около половины всех российских детей воспитывается в неполных (материнских) семьях. Следовательно, именно женщины прежде всего и видят проблемы городской инфраструктуры, связанные с отсутствием в непосредственной близости мест для занятий с детьми и обеспечения необходимого уровня комфорта в организации повседневной жизнедеятельности.

Значимые статистические различия обнаружены в группах респондентов разного рода занятий, отметивших нехватку в пешей доступности поликлиник. Так, 40,7 % пенсионеров указали на недостаток данного элемента инфраструктуры, тогда как в других группах доли респондентов значительно ниже: 23,6 % работающего населения; 19,9 % неработающих; 13,7 % студентов; 9,8 % старшеклассников. Конечно, это связано с большей востребованностью медицинских услуг людьми пенсионного возраста и их потребностью получать данные услуги в непосредственной близости от места проживания.

Студентам чаще, чем всем остальным категориям населения, не хватает в пешей доступности торгово-развлекательных центров (это отметили 40,4 % студентов и, например, всего 23,3 % пенсионеров), кафе и ресторанов (40,4 % студентов и 16,3 % пенсионеров).

Неудивительно, что респонденты, имеющие детей дошкольного и школьного возраста, чаще говорят о том, что им не хватает в пешей доступности объектов детской инфраструктуры — детского сада, школы, кружков и центров развития для детей, спортивных секций для детей. С другой стороны, о нехватке парков и зон отдыха, кафе и ресторанов в микрорайонах проживания чаще говорят не имеющие детей респонденты.

Выявлена также взаимосвязь выбора определенных дефицитных благ с рядом других социально-демографических и экономических характеристик. В частности, медианный тест и критерий Манна–Уитни показали взаимосвязь:

— возраста респондентов, количества лет проживания в Екатеринбурге и их мнения о нехватке в пешей доступности поликлиники, почты, бытовых услуг (прямая связь), торгово-развлекательных центров, кафе и ресторанов (обратная связь с возрастом);

— оценок респондентами своих жилищных условий (благоустроенности жилья) и их мнения о нехватке в пешей доступности парков и зон отдыха (люди, ниже оценивающие свои жилищные условия, чаще говорят о дефицитности этих объектов инфраструктуры).

В целом же на основании мнений горожан о недостающих услугах можно прогнозировать последующую тенденцию увеличения потребностей в использовании спортивной, релаксационной и рекреационной инфраструктуры.

* * *

Проведенное исследование показало, что отношение горожан к происходящим изменениям в городской инфраструктуре не имеет тенденции тяготения к крайним полюсам оценки — исключительно позитивному либо негативному. Почти половина респондентов определяет динамику как неустойчивую: что-то изменилось в лучшую сторону, что-то — в худшую. Для трети населения в плане совершенствования городской жизни ничего не изменилось. Характер оценок (как представлений о направленности изменений, так и удовлетворенности текущей ситуацией) тесно связан с материальным статусом горожан: чем выше респонденты оценивают свое материальное положение, тем позитивнее они воспринимают картину городской жизни. Подтверждение данной связи по совокупности оценочных показателей позволяет сделать вывод о материальном статусе как ключевой детерминанте социального самочувствия городских жителей, отражающейся и на их восприятии городской среды. Обеспеченные группы горожан имеют широкие возможности в выборе и использовании (покупке) разнообразных услуг городской инфраструктуры, что предопределяет их более высокий уровень вовлеченности в общественные пространства города и соответственно более позитивное к ним отношение. Вторым значимым фактором, детерминирующим характер восприятия динамических тенденций городского развития, является возраст: более молодые респонденты дают более позитивные оценки происходящим изменениям в силу активного развития в городе развлекательных, торговых, культурных объектов, ориентированных в большей степени на молодежную аудиторию.

Сопоставление мнений горожан об используемых и дефицитных благах позволило определить острую потребность жителей Екатеринбурга в развитии спортивной и релаксационной («зеленой») инфраструктуры. Выявленная тенденция дефицита подобных благ характерна практически для всех микрорайонов города и отражает общее тяготение жителей мегаполисов в направлении движения к более экологичному, комфортному и здоровому образу жизни. Хотя весьма печально, что у молодого поколения (в частности, у студентов) в списке недостающих благ «первой необходимости» чаще всего фигурируют объекты торговой и рекреационной инфраструктуры (торгово-развлекательные центры, кафе и рестораны).

На уровне общегородского пространства существует выраженная дифференциация микротерриторий высокой и низкой степени удовлетворенности горожан, тесным образом связанная с объективными характеристиками формирования и развития этих территорий (микрорайонов). Устойчивые лидеры и аутсайдеры городского пространства показывают необходимость (отметим — и востребованность

со стороны муниципальной власти) дальнейших «точечных» мониторинговых исследований. На наш взгляд, с исследовательской точки зрения особый интерес представляет глубинное изучение как территорий социального неблагополучия в городе, так и территорий нового формата (в особенности пригородов) с целостными инфраструктурными комплексами и относительно благополучной экологической средой, позволяющими их жителям минимизировать недостатки проживания в мегаполисе. Научная и практическая значимость изучения субурбанистических территорий [7, 79–102] подтверждается актуальной повесткой современных исследовательских проектов в сфере изучения новых тенденций в развитии российских мегаполисов и образа жизни горожан [8, 61–79; 9, 24–38; 10, 7–23].

1. World Cities Report 2016. Urbanization and Development: Emerging Futures. UN-Habitat, 2016. 262 p. [Electronic resource]. URL: <http://wcr.unhabitat.org/wp-content/uploads/sites/16/2016/05/WCR-%20Full-Report-2016.pdf> (accessed: 25.01.2017).
2. Борьба за горожанина: Человеческий потенциал и городская среда / под рук. А. Высоковского. М., 2014.
3. Семина И. А., Фоломейкина Л. Н. Оценка качества городской среды для жизнедеятельности населения и комфортности проживания (город–район–двор) // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы : сб. материалов Всерос. науч. конф. (Москва, МГУ, 27–29 ноября 2015 г.). М., 2016.
4. Катков С. А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 58–63.
5. Стратегический план развития Екатеринбурга [Электронный ресурс]. URL: <https://екатеринбург.рф/%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 25.01.2017).
6. Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. Кому на Руси жить хорошо?: Мониторинг 1994–2013 гг. // Социол. журн. 2016. Т. 22, № 1. С. 26–53.
7. Бреславский А. С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 1. С. 79–102.
8. Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю., Соловьева Ю. В. Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»? // Социол. журн. 2015. Т. 21, № 4. С. 61–79. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3066>.
9. Ремезкова В. П., Гуткович В. В., Спирина М. О. Российский путь субурбанизации: опыт Москвы и Санкт-Петербурга (на англ. яз.) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1, № 1. С. 24–38.
10. Григоричев К. В. Многообразие пригорода: субурбанизация в Сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1, № 2. С. 7–23.

Рукопись поступила в редакцию 13 февраля 2017 г.

УДК 327 + 316.774:654.1 + 351.746

В. Г. Сеидов

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Предмет исследования — комплексный анализ исторических предпосылок возникновения и разных толкований категории безопасности: национальная и информационная безопасность, социальная суть безопасности (как главное условие жизнеспособности), формы проявления и их взаимосвязь, объективные и субъективные факторы угроз и опасностей, критерии системы защиты от угроз, принципы национальной безопасности, необходимость информационной безопасности и роль средств массовой информации и коммуникации (СМИиК), виды и направления информационных воздействий, объекты информационной безопасности, особенности сети Интернет как современной информационной системы и оружие разрушительных информационных действий.

Метод и методология исследования — применение институционального метода при выявлении генезиса теории безопасности и ее структурных компонентов. Методология статьи основана на цивилизационно-культурной парадигме политологии.

Научная новизна и выводы состоят в том, что информационная безопасность обоснована как главная форма безопасности в современном обществе; создание эффективной системы защиты от угроз в основном зависит от обеспечения целесообразной информационной политики, отвечающей требованиям времени. Показано, что укрепление институциональных и технологических основ информационных сегментов, налаживание взаимовыгодного международного сотрудничества в области защиты информации, в деятельности СМИиК, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета — необходимые условия информационной безопасности в глобальном масштабе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: национальная и информационная безопасность, безопасность государства, международная информационная безопасность, средства массовой информации и коммуникации.

Тенденции развития современного общества требуют последовательного, глубокого анализа вопросов, связанных с его безопасностью. Как фундаментальная

категория безопасность занимает прочное место в разных областях науки. Однако в политологическом дискурсе она выступает как краеугольное понятие. Теория безопасности — результат колоссальных научных исследований, направленных на разработку путей и средств защиты и предотвращения угроз нормальной жизнедеятельности природных и социальных систем. В этом смысле безопасность есть базисное условие жизни в общем понимании этого слова.

Толковый словарь русского языка определяет безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [12].

Две мировые войны прошлого века закономерно способствовали еще большей актуализации данной проблемы. Соответственно теория безопасности ко второй половине века получила новый мощный импульс и приобрела насыщенную структуру со многими новыми элементами. В частности, в законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. данный термин истолковывается как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [4].

В связи с этим внимания заслуживает следующая дефиниция: «Безопасность — состояние международных отношений, обеспечивающих стабильность мирового сообщества. основополагающие принципы безопасности международной — баланс сил и интересов» [9]. Однако это определение, на наш взгляд, основывается на одностороннем подходе, потому что в нем проблема связывается исключительно с международной сферой. Тем не менее существующие ныне энциклопедические знания позволяют выявить, что основными объектами безопасности выступают:

- 1) интересы личности, такие как законное право и свобода, личная неприкосновенность, улучшение качества и уровня жизни и т. п.;
- 2) интересы общества — демократизация, поддержание мира, развитие социального партнерства и т. п.;
- 3) интересы государства — конституционный строй, суверенитет и территориальная незыблемость [11, 83].

Безопасность как общее понятие означает более-менее стабильное состояние защищенности от угроз, а в политическом плане — способность личности, общества и государства нормально функционировать при наличии разрушительных воздействий благодаря прочной системе защиты от них.

Через понимание отдельно взятых форм безопасности достигается полное ее осмысление. Так, в научной литературе социальная безопасность комментируется как «показатель, характеризующий уровень социальной защищенности граждан того или иного государства, составная часть государственной безопасности» [Там же, 85–86]. Наличие механизмов защиты природных благ и главных интересов человека от потенциальных разрушительных действий, а также чрезвычайных ситуаций и их последствий обозначается понятием «экологическая безопасность» [14].

По мнению специалистов, «экономическая безопасность — создаваемые государством условия, гарантирующие недопущение нанесения хозяйству страны непоправимого ущерба от внутренних и внешних экономических угроз» [16].

Не вдаваясь в глубокий критический анализ приведенных дефиниций разных форм безопасности, отметим, что они отражают те или иные точки зрения и несут субъективный характер.

Известно, что чаще используется термин «национальная безопасность», который означает «совокупность внутренних и внешних условий, выполнение которых обеспечивает стабильное политическое, социально-экономическое и духовно-культурное развитие общества, независимость, защиту суверенитета и территориальной целостности государства» [7, 162]. Данная форма по своей сути является координирующим звеном в общей системе безопасности. Дело в том, что предотвращение как внешних, так и внутренних факторов, угрожающих нормальной жизнеспособности, подразумевает последовательные и адекватные меры на уровне власти имущих. Иначе говоря, вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности, — прерогатива государства. При этом стоит отметить, что безопасность государственная и безопасность национальная являются тождественными понятиями.

На международном уровне безопасность подразумевает положительное стабильное состояние системы международных отношений, которое основывается на общечеловеческих нормах и принципах. В этом направлении партнерство, сотрудничество, согласование интересов, демократия, гуманизм и т. п. определены как фундаментальные правила международной стабильности.

Политический дискурс включает и такое понятие, как «региональная безопасность», означающее характер взаимоотношений стран разных регионов мира, который предполагает наличие возможности у государств действовать свободно от негативных воздействий, военно-политических и социально-экономических давлений и вмешательств во внутренние дела.

Исходя из этого, можно сказать, что безопасность как общая теория — это совокупность знаний и принципов о наличии необходимой системы защиты от объективных и субъективных опасностей сфер деятельности социума и его субъектов, позволяющей им сохранить свою жизнеспособность и иметь возможности для развития. Иначе говоря, угрозы и опасности выступают как порождающие факторы разработки и внедрения необходимых систем безопасности.

Исторический опыт, в особенности реалии прошлого века, доказал, что военные противостояния параллельно сопровождаются агитационными и пропагандистскими действиями через все виды СМИиК, причем последние выступают необходимым условием достижения целей в военных операциях. Факт войны — это и факт наличия некоего тяжелого психологического состояния в сознании людей, что ставит во главу угла решение задач, направленных на изменение, манипулирование, одним словом, управление им.

Здесь уместно отдельно рассмотреть такую важную форму безопасности, как информационная. Надо отметить, что идеи информационного общества, которые берут свое начало в 60-х гг. прошлого века, не только изменили структуру, но и обогатили содержание всей концепции безопасности. Растущая информатизация всех сфер жизни заложила основу осмыслению новых реалий, возникших вследствие возрастания угроз и опасностей. Такое положение вещей, в свою

очередь, послужило выделению нового вектора концепции безопасности — информационной безопасности, что нашло свое истолкование в трудах многих специалистов. К примеру, А. А. Тер-Акопов подразумевает защиту информации, которая жизненно важна для человека [8], а И. И. Новикова выделяет информационно-техническую и информационно-психологическую безопасность [Там же].

При уточнении понятий «информационная безопасность» и «угрозы информационной безопасности» следует исходить из Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, где информационная безопасность определена как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства». А понятие угрозы информационной безопасности трактуется как «совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере» [3].

Не менее важно определить каналы негативного информационного воздействия: «борьба с системами управления, информационно-разведывательные операции, электронная борьба, “хакерская борьба” (информационный криминал), экономическая информационная война, “кибернетическая” и “сетевая” борьба (в том числе информационный терроризм), информационно-психологическая борьба» [6, 23]. Иначе говоря, дезинформирование, целенаправленное распространение и манипулирование искаженной информацией, действия, уничтожающие информационные базы, — это непосредственные угрозы информационной безопасности.

В информационном обществе любая сфера — потенциальный объект негативных информационных воздействий. Специалисты считают, что «объектом государственной информационной политики может стать любой компонент или сегмент информационно-психологического пространства, в том числе массовое и индивидуальное сознание граждан, социально-политические системы и процессы, информационная инфраструктура, информационные ресурсы, психологические ресурсы» [2, 151].

«Информационная безопасность» означает наличие действенной системы защиты с целью сохранения политической стабильности в стране, что требует поиска новых подходов, структурирования взаимоотношений общества и действий российских СМИиК. Из-за противоречивого отношения научного сообщества к мерам информационного обеспечения политической стабильности решили исследовать проблему легитимации СМИиК, основными признаками которой являются общественная поддержка и высокий уровень доверия населения.

Не менее важен и «мобилизационный потенциал», который способствует сохранению целенаправленности поведения населения, что предполагает содействие деятельности СМИиК обеспечению безопасности и противодействие терроризму. И наконец, установление каналов обратной связи общественности с институтами власти через каналы СМИиК [17].

Иначе говоря, проблема «информационной безопасности» приобретает все большую остроту и актуальность из-за вовлеченности широких общественных структур в медийное пространство. По мнению М. Г. Шилиной, это говорит о кризисном положении: «Развитие индустрии в социуме требует высококвалифицированных кадров, мыслящих в первую очередь на уровне стратегий, смыслов, а не функций. В период кризиса особое значение приобретает репутация индустрии» [15, 295].

Современная «информационная безопасность» — это глобальная проблема, решение которой требует тесного и эффективного сотрудничества всех стран. Российская Федерация еще в 1999 г. на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН выступила с инициативой резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», положив начало многолетнему обсуждению проблем международной информационной безопасности в ООН [10].

А в сентябре 2011 г. РФ вместе с партнерами по ШОС официально обратилась к 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности». «Этот своеобразный “дубль” заставил политиков, дипломатов и экспертное сообщество по-новому взглянуть на проблему в целом, “переварить” выдвинутые Россией и ее единомышленниками идеи. А главное, всем предстояло выбрать дальнейший путь», — пишет С. Бойко [1, 71].

Роль современных СМИиК в обеспечении «информационной безопасности» трудно переоценить: они важный компонент системы защиты от информационных угроз. Но когда речь идет о глобальных и транснациональных медиасетях и Интернете, проблема информационной безопасности выходит на глобальный уровень. Постоянное обращение к данной проблеме не только научного сообщества, но и военных, дипломатов, политиков свидетельствует о том, что в мире объективно возникла необходимость установления нового мирового информационного порядка.

Новейшие цифровые технологии, ИКТ, Интернет объективно проникли на все уровни социально-экономических отношений вне зависимости от границ и правительств государств, формируя при этом мировое общественное мнение в отличие от традиционных СМИ. Международное сообщество де факто осознало, что практически все сферы деятельности, начиная с онлайн-покупок вплоть до контроля за состоянием ядерных сооружений и т. п., подключены к компьютерным и интернет-технологиям, что делает их главным инструментом в сфере международной информационной безопасности.

Традиционно безопасность напрямую связывалась с военными аспектами, но информационная революция наряду с созидательными технологиями породила новые возможности, ставшие критичными для существования целых государств, и, естественно, это изменило генезис безопасности. Информационная безопасность стала составной частью национальной безопасности.

Сегодня широко используются такие понятия, как «киберпреступность», «киберсфера», «кибербезопасность», «киберугрозы» и т. п., которые выступают как

ключевые методологические компоненты теории информации. По этому поводу Д. Тюрин пишет: «Война в киберпространстве, равно как и кибертерроризм, может привести к авариям на атомных станциях, разрушению гидроэлектростанций, катастрофам на транспорте и других объектах инфраструктуры, приближаясь по своим разрушительным последствиям к оружию массового уничтожения» [13, 149].

Отдельного внимания заслуживает точка зрения А. Крутских: «Технологии развиваются в таком темпе, что за ними не успевают не только юристы, но и политики... И это объективное развитие человечества. Проблема состоит в том, что если мы не сможем сделать так, чтобы наши политики вошли в этот ритм, трагедия может наступить раньше, чем обещают прогнозы. Если бы человечество в свое время не сумело проявить сдержанность в отношении ядерного оружия, для катастрофы было бы достаточно всего одной ошибки. Информационно-коммуникационные технологии сегодня — второй подобный вызов» [5, 21]. Поэтому крайне необходимо многостороннее сотрудничество в этом деле. Для усиления всеобщей безопасности важно выработать политические, правовые и даже технологические рецепты, что может обезопасить мир от киберударов, количество которых растет: только на Россию пришлось «70 млн нападений в год... В Китае эта цифра еще больше. Фактически все страны сидят в одной лодке и являются жертвами все нарастающих кибератак. Со стороны ИГИЛ кибератаки просто зашкаливают» [Там же, 24].

От угроз через Интернет серьезно страдают и бизнес-структуры разного уровня: могучие финансовые корпорации становятся жертвами киберпреступности. Информационно-коммуникационные технологии могут быть использованы не только в информационной войне, но и в кибертерроризме, это может привести к авариям на атомных станциях, разрушению энергетических комплексов и многочисленных объектах инфраструктуры, что может стать разрушительнее оружия массового уничтожения. Все острее ощущается необходимость выработки норм, правил и принципов ответственности субъекта в информационном пространстве. Эффективное налаживание международного контроля в этой сфере — единственная мера, так как отказ от Интернета уже объективно невозможен. Уникальность ИКТ состоит в том, что 99 % из них приходится на мирные технологии. Однако ИКТ и онлайн-удобства одновременно используются как мощнейшее современное оружие.

В заключение можно сделать следующие выводы.

— углубление процесса информатизации политических, экономических, военных и культурных процессов в жизни общества закономерным образом приводит к тому, что информационная безопасность становится главным элементом общей системы безопасности, что, в свою очередь, требует применения новейших научных трактовок основных постулатов теории безопасности;

— информационная политика отдельно взятого государства и международного уровня приобретает предопределяющий характер в решении социальных, экономических, политических, правовых и иных задач. Развитие современных СМИиК, и в особенности Интернета, с одной стороны, укрепляет

взаимоотношения между государствами, международными структурами, а с другой — масштаб их использования в качестве информационного оружия непрерывно увеличивается;

– на современном этапе основная задача обеспечения безопасности — своевременное совершенствование технико-технологических и информационных основ деятельности государственных и негосударственных организаций как внутри отдельно взятой страны, так и на международном уровне. Иначе говоря, основой новой стратегии международной информационной безопасности должно стать взаимовыгодное сотрудничество государств в сфере международной информации, спектр которой охватывает все виды СМИиК и ИКТ, включая Интернет.

1. *Бойко С.* Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // *Международная жизнь*. 2016. № 8. С. 54–71.
2. *Толовин Ю. А., Орлов А. Н.* Возрастание роли СМИ в обеспечении информационной безопасности // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 2. С. 147–153.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // *Российская газета* [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.01.2017).
4. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности».
5. *Крутских А.* Кто владеет Интернетом, тот владеет миром // *Международная жизнь*. 2016. № 11. С. 20–27.
6. *Мешкова Т. А.* Безопасность в условиях глобальной информатизации: новые вызовы и новые возможности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.
7. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелький, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов н/Д, 2010.
8. *Новикова И. И.* Стратегия информационного развития и национальная безопасность России // *Власть*. 2009. № 2. С. 43–45.
9. *Политическая наука* : слов.-справ. / сост. докт. полит. наук. И. И. Санжаревский. Тамбов, 2010.
10. Резолюция ГА ООН A/RES/53/70 от 4 декабря 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/> (дата обращения: 20.01.2017).
11. *Социологическая энциклопедия* / рук. докт. полит. наук. Г. Ю. Семигин. М., 2003.
12. *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2012.
13. *Тюрин Д.* Россия и Запад расширяют диалог о безопасности в киберпространстве // *Международная жизнь*. 2016. № 6. С. 148–153.
14. ФЗ РФ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ.
15. *Шилина М. Г.* Массмедиа в XXI веке: новые теоретические и образовательные концепции как условие развития индустрии и безопасности информационного пространства // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2013. № 22(313). С. 293–296.
16. *Экономика и право* : слов.-справ. / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. М., 2004.
17. *Юрьев А. И., Ханнанова Э. И.* Роль СМИ в обеспечении политической стабильности в современной России // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 2. С. 22–27.

Рукопись поступила в редакцию 6 марта 2017 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЯПОНИИ

В статье проведен анализ программных установок Коммунистической партии Японии (КПЯ). Работа основывается на программных документах партии, книгах, статьях и интервью лидеров КПЯ, рассматриваются исторические корни их взглядов, устанавливается связь идей КПЯ с основными идеологическими системами современности, дается оценка планов реформ Коммунистической партии Японии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Япония, коммунизм, Коммунистическая партия Японии, демократический социализм.

Распад СССР привел к фактическому исчезновению мирового коммунистического движения. Некогда мощные коммунистические партии Франции и Италии утратили массовую поддержку (итальянские коммунисты вообще лишились представительства в парламенте). В то же время Коммунистическая партия Японии остается значительной и активной политической силой. Крепкие позиции этой партии в парламенте и в обществе свидетельствуют о том, что высокое качество жизни населения далеко не является губительной силой для коммунистической идеи. В то же время замедление темпов экономического развития Японии, начавшееся в 90-е гг. XX в., создает для КПЯ возможности для роста политического влияния. Интерес к идейным установкам единственной сильной коммунистической партии из стран, входящих в G7, подкрепляет несомненный кризис либеральной идеи, явно не способной предложить ответы на вопросы современного политического и экономического развития (мигрантский кризис, нарастающий кризис банковской системы, серия атак в отношении СМИ и граждан). Конвергенция консерватизма, либерализма и социал-демократии, состоявшаяся на Западе после Второй мировой войны, скорее всего, исчерпала свой ресурс, способный обеспечивать прогрессивное развитие общества. Это проявляется в медленно происходящей в странах Запада смене партийных систем, в процессе которой конвергенция идей сменяется их дифференциацией, при этом вероятно возрождение старых идеологических систем и возникновение новых. Надежды интеллектуалов (польский кинорежиссер К. Занусси, например, опрометчиво заявил, что «мы хотели освободить мир от идеологии, и это удалось» [1]) на создание деидеологизированного общества и государства не оправдываются.

Профессор политологии Национального университета Сингапура и член комиссии консультантов парламентского комитета по вопросам обороны и иностранных дел Республики Сингапур Лам Пэн Эр определяет место КПЯ в политической системе Японии следующим образом: «...единственная устоявшаяся партия в парламенте, которая не была кооптирована консервативными партиями. Она играет роль надзирателя в отношении правящих партий без опаски и пристрастия. Более того, на губернаторских выборах, выборах мэров городов или других

местных выборах КПЯ часто выступает в качестве единственного оппозиционного кандидата» [4]. Данная оценка в целом представляется верной, хотя и отличается некоторой идеализацией деятельности партии. В том же ключе оценивает деятельность КПЯ работающий в России Институт глобализации и социальных движений: «И сегодня КПЯ позиционирует себя как политическая сила, приверженная творческому марксизму и научному социализму» [3]. Далее отмечается: «В консервативном и достаточно иерархизированном японском обществе КПЯ, как это может показаться кому-то удивительным, до сих пор представляет собой силу, с которой у миллионов людей ассоциируются надежды на перемены к лучшему в самых разных сферах» [Там же].

Можно предположить, что именно традиционная иерархичность коммунистических партий, их максимальная дисциплина и замкнутость привлекают к себе миллионы людей в восточных обществах, несмотря на распад СССР. Более критично японских коммунистов оценивал крупный специалист по истории политической системы и политических партий Японии И. Латышев: «...в лице руководителей КПЯ мы получили в 70-х годах некую породу японских политиков: как двуликие Янусы они оборачивались в нашу сторону то друзьями, то недругами. Их поведению были присущи такие качества, как скрытность, неискренность, бестактность, капризность, а подчас и элементарная невоспитанность. Общаться с ними поэтому было гораздо труднее... чем, к примеру, с нашими откровенными противниками в лице лидеров правящей либерал-демократической партии» [9].

Данная оценка эмоционально описывает линию поведения японских коммунистов, но не анализирует их идейные установки. В данном случае ментальность японских коммунистов вполне может быть объяснена объективно сложившимися особенностями самой истории этой партии, долгое время стоявшей вне закона, ассоциирующейся в глазах населения с СССР, вынужденной искать оптимальную компромиссную линию поведения в трудных условиях конфликта КПСС и КПК в 60-х — середине 80-х гг. XX в. Такую же жесткую оценку деятельности КПЯ в связи с территориальной японо-российской проблемой дала в августе 2002 г. депутатская группа Федерального собрания Российской Федерации по связям с парламентом Японии: «Как и в России, Коммунистическая партия Японии занимает более “патриотическую” и популистскую позицию, чем та команда японских политиков, с которыми Россия в последнее десятилетие начала находить общий язык и двигаться в направлении урегулирования существующих межгосударственных проблем» [5].

Очень важную оценку социальной базы КПЯ дал японовец В. Молодяков, склонный к критическому переосмыслению устоявшихся в СССР оценок исторического опыта японской государственности и указавший, что «Японская компартия никогда не была “партией рабочего класса” и, в отличие от социалистов, не имела сколько-нибудь значительной опоры в профсоюзах. Ее часто называют “партией лавочников и радикальной интеллигенции”, особенно школьных учителей... Традиционной была и ее опора на студенчество» [6]. Член Политбюро ЦК КПК Ли Юаньчао в 2009 г. осторожно отмечал на встрече с делегацией КПЯ (японские и китайские коммунисты восстановили межпартийные связи лишь

в 1998 г., после 30-летнего перерыва), что он «надеется, что обе стороны могут стремиться обогатить концепцию социализма в теории и практике посредством межпартийных обменов, а также содействовать развитию межгосударственных отношений и прогрессу человечества» [19]. В то же время в отечественной науке отсутствуют попытки провести детальный анализ современных идейных концепций КПЯ, в частности, программы КПЯ, принятой в 2004 г.

В ней о потребностях настоящего времени японские коммунисты высказываются следующим образом: «Потребностью японского общества в настоящее время является демократическая революция, а не социалистическая революция. Это революция, которая положит конец подчинению Японии США и тиранической власти крупных корпораций» [16]. Японские коммунисты предполагают «преодолеть нынешнюю ситуацию “капитализма без правил”, принимая во внимание то, что было достигнуто в крупнейших капиталистических странах... в рамках международных конвенций на основе принципа “экономика регулируется нормами”, который защищает жизнь людей и их права, включая продолжительность рабочего дня и произвольные увольнения работников» [Там же]. В сущности, программа «демократической революции» предполагает осуществление программы американских прогрессистов начала XX в. в духе Р. Лафоллета, писавшего: «Я посвятил много лет своей жизни попытке решить проблемы, которые стоят перед американским народом избирательным бюллетенем, а не силой. Я считаю, что люди с помощью избирательного бюллетеня, могут полностью контролировать правительство, управлять каждой его ветвью и заставить его служить им более эффективно» [20].

Японские коммунисты настаивают на «контроле над большими корпорациями с помощью демократического регулирования... неся социальную ответственность перед работниками, потребителями, малым и средним бизнесом, региональной экономикой и окружающей средой» [16], а также на формировании «...единого фронта... уважая интересы работающих граждан, фермеров, рыбаков, мелких и средних предпринимателей...» [Там же] в духе VII Конгресса Коминтерна, требовавшего «установления единства действий всех частей рабочего класса, независимо от их принадлежности к той или иной организации, еще до того, как большинство рабочего класса объединится на общей платформе борьбы за свержение капитализма и победу пролетарской революции» [1, 368].

Со временем позиции японских коммунистов стали еще более умеренными. Так, видный деятель КПЯ, ранее признанный лидер и председатель партии и директор Института социальных наук КПЯ Тэцу Фува в лекции, прочитанной в Токио 31 января 2015 г., поставил В. И. Ленину в вину то, что якобы с 1917 г. «он перешел к еще большему экстремизму и попыткам распространить свою политику “революции меньшинства” на весь мир» [11]. С точки зрения Фува, для коммунистов приемлемы только «революции большинства» [Там же]. Они достижимы только с помощью избирательного бюллетеня. В данном случае можно констатировать переход КПЯ на позиции австромарксизма. Впрочем, Октябрьскую революцию Т. Фува склонен все же оправдывать: «...российское государство, против которого Ленин боролся, представляло собой авторитарный

режим, и у Ленина не было другой возможности осуществления политических перемен, кроме как через вооруженный переворот» [11]. Глава Секретариата КПЯ Есики Ямасита 22 марта 2016 г. заявил в том же духе: «КПЯ придерживается той позиции, что ей удастся добиться политических перемен шаг за шагом при поддержке большинства населения после формирования парламентского большинства путем выборов. КПЯ никогда не придерживалась политики одобрения насильственной революции» [14].

Защищая интересы аутсайдеров социально-экономического развития, японские коммунисты выступают против «практики бюджетного предпочтения расточительных крупномасштабных проектов, помощи крупным корпорациям и крупным банкам...» [16]. В реальности отказ от крупных экономических проектов замедлит развитие страны, но японские коммунисты в соответствии с принципами китайской ментальности предпочитают общественное согласие прогрессу. Кроме того, японские коммунисты явно заимствуют программные принципы Трудовой партии Кореи, требуя «усилий по повышению самообеспеченности продуктами питания, установить принцип “безопасность прежде всего в энергоснабжении” и повысить самообеспеченность в области энергетики... содействовать развитию сельского хозяйства в качестве ключевого производственного сектора в промышленной политике правительства» [Там же].

Японские коммунисты видят в Японии будущего прежде всего страну вольных хлебопашцев в духе Т. Джефферсона, писавшего в «Заметках о штате Вирджиния»: «Поскольку у нас есть земля, на которой можно трудиться, пусть никогда наши граждане не становятся к станку и не садятся за прялку. Плотники, каменщики, кузнецы нужны сельскому хозяйству. А что касается общих производственных операций — пусть наши цехи остаются в Европе. Лучше туда привозить продовольствие и материалы для рабочих, чем доставлять рабочих сюда с их нравами и устоями» [2]. Они далеки от основной традиции общественной мысли Востока (в соответствии с которой главным для политика является поиск людей и их воспитание для руководства уже существующей социально-политической системой) и явно предпочитают принципы общественной мысли стран Запада (задача политика состоит в поиске оптимальной социально-политической системы при признании неизменной нравственной природы человека). При этом японские коммунисты утверждают, что «США свойственно стремление к экономической гегемонии, направленное на то, чтобы подчинить весь мир американскому экономическому порядку во имя экономической глобализации, вносящей разброд в мировую экономику» [16].

Коммунистическая партия Японии, таким образом, выступает за автаркическую экономику в духе Муссолини, указывавшего 26 сентября 1939 г. итальянским промышленникам: «Сегодня никто не может больше сомневаться в бесспорной, элементарной потребности реконструкции и модернизации автономного производства в стране, что является гарантией жизни и политической независимости для Нации в любой, самой сложной экономической ситуации» [15]. По сути, это эманация древней японской традиции самоизоляции. Перед нами рудимент японского феодального социального сознания. Эти политические принципы КПЯ

исповедует до настоящего времени. 10 июня 2016 г. председатель КПЯ Кадзуо Сии отметил, что «в области экономической демократии КПЯ в своей предвыборной платформе предлагает внести изменения в налоговую систему и государственную систему формирования бюджета, а также улучшить условия труда. КПЯ утверждает, что правительство должно отменить свой план по увеличению налога на потребление до 10 %, а вместо них ввести справедливую раскладку налогового бремени в отношении крупных корпораций и богачей. Что касается приоритетов в формировании бюджета, партия призывает правительство больше тратить на социальное обеспечение и образование, а не на наращивание военной мощи и масштабные общественные проекты. Кроме того, КПЯ обязуется выступить против пакта о Транстихоокеанском партнерстве» [13].

Довоенную Японию программа КПЯ упрощенно трактует как абсолютную монархию: «Япония в то время была одной из крупнейших стран монополистического капитализма, но страна находилась под деспотической властью императора (существовала система абсолютной монархии)» [16]. Также упрощенно японские коммунисты трактуют роль современной Японии в системе международных отношений: «...Япония потеряла свою независимость и стала де-факто зависимой от Соединенных Штатов» [Там же]. Японские коммунисты абсолютизируют фактор зависимости Японии от США, рассматривая современную систему международных отношений как некий монолит, лишенный внутренних противоречий. В программе КПЯ, кроме того, отмечается: «Противоречия капитализма также растут из-за его неспособности контролировать ненормально развитые производительные силы, что находит свое выражение в широкомасштабном и остром ухудшении условий жизни широких слоев населения, увеличивающемся разрыве между бедностью и богатством, повторении экономической рецессии и массовой безработицы, сокрушительной инвестиционной спекуляции, переходящей национальные границы, глобальном разрушении окружающей среды...» [Там же].

Мышление японских коммунистов остается в основном позитивистским, воспринимающим исторический процесс как процесс линейный. Ориентируясь на «научный социализм», японские коммунисты исключили из своей программы само понятие «марксизм» и не упоминают в ней ни одного теоретика социализма. Идея государственной независимости, провозглашенная в программе, диссонирует с концепцией безгосударственной ассоциации народов, которая рассматривается в той же программе КПЯ как закономерный итог исторического развития. Японские коммунисты выступают не столько против капиталистического предпринимательства, сколько против крупных корпораций: «Малые и средние предприятия имеют существенное значение в японской промышленности и бизнесе, являются важными игроками в японской экономике. Но эффективность их бизнеса постоянно ухудшается в результате несправедливости и дискриминации, творимых крупными корпорациями... Сельское хозяйство, без гарантий, необходимых для его независимого развития, подвергается буре свободной торговли...» [Там же].

Японский коммунизм исходит из деревни, а не из города и воплощает мировоззрение японской замкнутой горной долины, где главная ценность — выживание,

достижимое лишь через тотальный контроль. 6 октября 2015 г. председатель КПЯ Кадзуо Сии, твердо придерживаясь данной линии, указал: «Транстихоокеанское партнерство приведет к продаже США и транснациональным корпорациям японских народных интересов и экономического суверенитета в областях, тесно связанных с повседневной жизнью людей, таких как местная экономика, сельское хозяйство, здравоохранение и страхование, продовольственная безопасность, интеллектуальная собственность, что является недопустимым» [12]. Примечательно, что крупная промышленность выпадает из списка жизненно важных отраслей экономики. На программу КПЯ и взгляды ее лидеров продолжает оказывать влияние конфуцианское мышление с его традицией предпочтения социальной гармонии социальному прогрессу.

Японские коммунисты с самого начала отвергают возможность использования опыта СССР и КНР в Японии, поскольку то, что «до сих пор видел мир, не было реальной социалистической трансформацией на основе современных экономических и социальных достижений капиталистической эры» [16]. С точки зрения КПЯ японским коммунистам, в отличие от коммунистических партий распавшейся социалистической системы (данная система, по мнению КПЯ, сформировалась на базе отсталых стран), предстоит борьба за социализм в условиях высококоразвитого капитализма.

Образ будущего общества представлен в программе КПЯ следующим образом: «Ключевым элементом социалистических преобразований является обобществление средств производства, которое передает право владения, контроля и управления в отношении основных средств производства обществу. Социализация касается только средств производства, что же касается средств жизни, право на частную собственность будет защищено на всех этапах социального развития» [Там же]. Следует отметить, что обобществлению подлежат только основные средства производства. Мелкотоварное производство, таким образом, остается в сфере частной собственности, и японские коммунисты, в сущности, являются искателями «третьего пути» между социализмом и капитализмом, подобно Насеру, Икбалу, Неру, Муджибуру Рахману и Маркосу. На деле социалистическая экономика в представлении КПЯ сохранит частнокапиталистический уклад. В сущности, японские коммунисты представляют интересы застойного слоя мелких производителей, являющихся одновременно и работниками, и собственниками средств производства.

Рассуждения японских коммунистов о сути обобществления средств производства не носят конкретного характера: «Обобществление средств производства может происходить в условиях разнообразия форм собственности, контроля и управления в зависимости от ситуации и условий. Хотя важно использовать формы, которые применимы к японскому обществу, мы не должны отходить от социалистического принципа, что производители являются основными игроками. Ошибки, совершенные на территории бывшего СССР, связанные с навязыванием бюрократизма, угнетавшего производителей под ложным предлогом “национализации”, не должны повториться» [Там же]. Авторы программы КПЯ не указывают, какие формы обобществления средств производства применимы

для Японии и какие именно общественные институты будут управлять средствами производства.

Путь к социализму в программе КПЯ представлен следующим образом: «Движение к социализму будет проходить через рыночную экономику с учетом условий Японии. В проведении социалистических реформ важно вести хозяйство эффективно, гибко сочетая элементы плановой политики и рыночной экономики, и продолжать усилия, дабы уважать частную инициативу фермеров, рыбаков, мелких и средних предпринимателей и торговцев. “Контролируемая экономика”, в которой расход народных средств будет полностью контролируемым и унифицированным, будет полностью неприемлема в японской экономической жизни при социализме (коммунизме)» [16].

Примечательно, что из числа социальных слоев, чьи интересы берутся защищать японские коммунисты, исключены промышленные рабочие. Для них программа КПЯ предполагает следующие меры: «Обобществление средств производства проложит путь к отмене эксплуатации человека человеком, улучшению условий жизни для всех людей, искоренению нищеты из общества, сокращению рабочего времени, защищая тем самым человеческое развитие всех членов общества» [Там же]. Мышление японских коммунистов тесно связано с идеями английских фабианцев, стремившихся к постепенному переходу к социализму, который должен был вырасти из недр капитализма: «Общество фабианцев имеет целью воздействовать на английский народ, чтобы он пересмотрел свою политическую конституцию в демократическом направлении и организовал свое производство социалистическим способом так, чтобы материальная жизнь стала совершенно независимой от частного капитала. Общество фабианцев состоит из социалистов. Оно стремится к новой организации общества посредством эмансипации земли и промышленного капитала от личной и классовой собственности и посредством передачи их в руки общества в видах всеобщего блага» [18].

Защищая интересы предпринимателей, японские коммунисты в то же время подчеркивают, что «обобществление средств производства станет движущей силой производства и экономики, избавит ее от капиталистов с их погоней за прибылью и направит ее на развитие общества и его материальной и духовной жизни, сделав таким образом возможным использование планового управления экономикой для предотвращения повторного экономического спада...» [16]. Коммунистическая партия Японии пытается сочетать в своей программе плановое управление (и, следовательно, контроль над экономикой, против чего сами японские коммунисты восстают) и признание эффективности рыночной стихии (которая, по их же собственному признанию, опасна для мелких и средних предпринимателей, поддерживаемых КПЯ), но не учитывает, что эти два понятия конфликтуют.

Политическая система социалистической Японии определена в программе КПЯ следующим образом: «Свобода различных идеологий и убеждений, а также политической деятельности, в том числе оппозиционных партий, будет строго защищена. Предоставление привилегий определенной политической партии в качестве “руководящей” партии во имя “социализма” или определение конкретного взгляда на мир как “государственной философии” — акты, не имеющие

ничего общего с социализмом, и, следовательно, должны быть категорически отвергнуты» [16]. Выше отмечается: «Социалистическая (коммунистическая) Япония унаследует и разовьет все ценные достижения капиталистической эры, в том числе демократии и свободы. Свобода эксплуатации будет ограничена, и ее отмена осуществится в ходе реформ, которые будут проведены. Отмена эксплуатации проложит путь обществу, в котором человечество будет ключевым игроком...» [Там же]. Победу коммунизма японские коммунисты рассматривают не как результат реализации закономерностей экономического развития, а как итог автономного развития человеческого духа. Политические и экономические модели японских коммунистов ближе к взглядам крупного теоретика социальных, политических и экономических реформ Кита Икки, которого В. В. Совастеев определил как фашиста [10].

Свой путь к власти КПЯ представляет следующим образом: «Социалистические преобразования не будут проводиться в течение короткого периода времени; это будет долгий процесс, требующий поэтапного прогресса на основе национального консенсуса. Такая трансформация начинается с формирования консенсуса среди большинства людей в поддержку продвижения к социализму (коммунизму); власть, стремящаяся к социализму, будет создана с поддержкой стабильного парламентского большинства» [16]. Идея завоевания власти путем достижения парламентского большинства не нова для рабочих партий, другое дело, что идея общенационального консенсуса характерна именно для японского менталитета, склонного к принятию решений в результате компромисса между всеми заинтересованными сторонами. В то же время программа КПЯ испытала решающее влияние именно англосаксонской ментальности (для которой характерна идея именно парламентского большинства, коллективного разума, преодолевающего вызовы развития, а не ставка на выдающуюся личность, в одиночку решающую проблемы страны). Метафоры японского менталитета в программе японских коммунистов встречаются реже (отсутствуют идея иерархического общества, идея стандартизации мышления, идея абсолютного подчинения закону).

Конечный результат развития человеческого общества в программе КПЯ описывается следующим образом: «Когда социалистическое (коммунистическое) общество достигает высокой степени развития и когда большинство населения состоит из поколений, которые чужды эксплуатации и угнетению, появится реальная перспектива продвижения к обществу, в принципе свободному от всех форм принуждения, в котором государственная власть становится ненужной, и возникает Ассоциация равных и свободных человеческих отношений без эксплуатации человека человеком, свободная от войн и угнетения» [Там же]. Мировоззрение японских коммунистов больше связано с П. Ж. Пруденом, отмечавшим в своей «Общей идее революции» в XIX в., что, «согласно социалистической теории, раскрепощение трудящихся, таким образом, станет возможным путем объединения индивидуальных сил и потребностей, другими словами, путем ассоциации производителей и потребителей, которые, перестав иметь противоположные интересы, спасутся навсегда от господства капитала» [17], и П. А. Кропоткиным, делавшим ставку на «самодеятельность всего народа — сельского и городского, а также

каждой отдельной группы и личности для выработки новой формы вольного договора между производительными союзами и потребительными обществами, т. е. тех новых форм политической жизни, которых потребует новый строй жизни хозяйственной» [7], нежели с Марксом. В целом КПЯ в данный момент представляет собой партию, действующую в интересах разнородного конгломерата социальных аутсайдеров (или разорившихся мелких предпринимателей, или молодых людей, столкнувшихся с проблемой поиска работы), противостоящих прогрессивному развитию страны, связанному с крупным высокотехнологичным производством. Тем не менее само наличие в парламенте депутатов от КПЯ несколько ограничивает свободу маневра для правящих консерваторов из ЛДП и служит катализатором социального законодательства.

1. VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны : сб. док. М., 1975.
2. *Джефферсон Т.* Заметки о штате Виргиния [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/amerikanskie-prosvetiteli-izbrannye-proizvedeniya-v-dvuh-tomah-tom-2-read-318871-28.html> (дата обращения: 15.02.2017).
3. Еврокоммунизм прижился на Японских островах [Электронный ресурс]. URL: <http://rabkor.ru/columns/left/2016/08/23/eurocommunism/> (дата обращения: 15.02.2017).
4. Коммунистическая партия Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1462> (дата обращения: 15.02.2017).
5. Коммунистическая партия Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru-jp.org/iab24.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).
6. Компартия Японии: ставка на конкретную работу с населением [Электронный ресурс]. URL: <http://vmest.ru/nuda/kommunisticheskaya-partiya-yaponii-krya-ostaetsya-neotemletoj/main.html> (дата обращения: 15.02.2017).
7. *Кропоткин П. А.* Что такое анархия? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aitpus.info/node/201> (дата обращения: 15.02.2017).
8. Кишиштоф Занусси: свой Ганди очень нужен Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://life.pravda.com.ua/society/2015/02/24/189894/> (дата обращения: 15.02.2017).
9. *Латышев И. А.* Япония, японцы и японоведы [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/2773027/?page=103> (дата обращения: 15.02.2017).
10. *Совастеев В. В.* Очерки истории Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/962874/> (дата обращения: 15.02.2017).
11. *Fuwa T.* How the Japanese Communist Party Developed its Theory of Scientific Socialism [Electronic resource]. URL: <http://www.jcp.or.jp/english/jcpcc/blog/2016/04/how-the-japanese-communist-party.html> (accessed: 15.02.2017).
12. Japanese government must not sign TPP deal: Shii [Electronic resource]. URL: <http://www.jcp.or.jp/english/jcpcc/blog/2015/10/20151006-japanese-government.html> (accessed: 15.02.2017).
13. JCP announces election platform focusing on abolition of unconstitutional war laws [Electronic resource]. URL: <http://www.jcp.or.jp/english/jcpcc/blog/2016/06/jcp-announces-election-platform.html> (accessed: 15.02.2017).
14. JCP Yamashita: Take JCP off list of subversive groups [Electronic resource]. URL: <http://www.jcp.or.jp/english/jcpcc/blog/2016/03/20160323-jcp-yamashita.html> (accessed: 15.02.2017).
15. *Mussolini B.* Agli industriali [Electronic resource]. URL: <http://www.adamoli.org?benito-mussolini/pag0914-.htm> (accessed: 15.02.2017).
16. Program of the Japanese Communist Party [Electronic resource]. URL: <http://www.jcp.or.jp> (accessed: 15.02.2017).

17. *Proudhon P.J.* General Idea of the Revolution in the Nineteenth Century [Electronic resource]. URL: <http://fair-use.org/p-j-proudhon/general-idea-of-the-revolution/> (accessed: 15.02.2017).

18. Report on Fabian Policy // Fabian Tracts. 1896. № 70.

19. Senior CPC official meets Japanese guest [Electronic resource]. URL: <http://en.people.cn//9001/90776/90883/6640995.html> (accessed: 15.02.2017).

20. Statement of Robert La Follette Sr. on Communist Participation in the Progressive Movement, 26 May 1924 [Electronic resource]. URL: <https://www.marxists.org/history/usa/groups/lafollette/1924/0526-lafollette-onwpa.pdf> (accessed: 15.02.2017).

Рукопись поступила в редакцию 22 февраля 2017 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7 + 327.3 + 330

В. Т. Сакаев

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается Евразийский экономический союз (ЕАЭС) через призму политической демографии. Интеграционный блок включает страны с различными демографическими и экономическими характеристиками, что провоцирует противоположные цели в их внутренней и внешней политике. В мировом населении и мировой экономике удельный вес этого объединения незначителен, и оно не имеет возможности серьезно влиять на глобальные тренды. Расширение ЕАЭС ограничено рядом идеологических и геополитических факторов и пока возможно только за счет слаборазвитых государств Центральной Азии. Подобное расширение не способно качественно изменить характеристики объединения, а значит, ЕАЭС пока сложно претендовать на роль нового экономического центра Евразии. ЕАЭС в нынешней форме скорее решает геополитические задачи, нежели является интеграционным объединением с реальными экономическими целями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Евразийский экономический союз, политико-демографические характеристики, расширение, мировая политика, мировая экономика.

Начиная с 2014 г. по инициативе Республики Казахстан и при активном участии Российской Федерации и Республики Беларусь на территории бывшего постсоветского пространства Евразии реализуется новый интеграционный проект, получивший название «Евразийский экономический союз». Базой для его создания послужили существовавшие с 2010 г. Таможенный союз и Единое экономическое пространство в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). В настоящее время к нему присоединились также Республика Армения и Республика Кыргызстан.

Хотя по инициативе и при участии Российской Федерации в свое время были созданы различные интеграционные объединения (СНГ, ШОС и т. д.), однако наиболее важным для нее является интеграционная инициатива в рамках ЕАЭС. Актуальность этого объединения усилилась после попыток Европейского союза создать ассоциации с рядом постсоветских государств, и прежде всего

с Украиной. Поэтому ЕАЭС с самого начала позиционировался как альтернатива ЕС на евразийском пространстве и одновременно как его аналог, адаптированный к постсоветским реалиям. При этом ЕАЭС декларируется прежде всего как форма региональной экономической интеграции, призванная способствовать всесторонней модернизации государств-членов [9].

Однако возникает ряд вопросов, требующих ясного ответа. Например, каков потенциал этого объединения в мире, каковы перспективы этой организации в политическом и экономическом отношении, в чем заключаются возможные траектории ее развития и, наконец, является ли она действительной альтернативой ЕС и другим интеграционным проектам на постсоветском пространстве?

Представляется актуальным рассмотрение этого аспекта с точки зрения политической демографии, в основе которой лежит изучение демографических характеристик, миграционных процессов, специфики национального и религиозного состава населения. Эти факторы, на наш взгляд, оказывают существенное влияние на развитие данного интеграционного объединения.

Для оценки демографических характеристик государств — участников ЕАЭС были использованы статистические данные ООН, Евразийского экономического союза, а также национальных статистических служб государств-членов. В частности, использовались статистические данные о численности населения, суммарном коэффициенте рождаемости, темпах прироста населения, сведения о половозрастной, этнической и религиозной структуре населения, данные миграционного учета, показатели ВВП и ВНД на душу населения и т. д.

В основе исследования лежал сравнительный метод, который позволил выявить тенденции демографического развития стран, соотношение уровней экономического развития, а также сопоставить экономико-демографические характеристики ЕАЭС с другими интеграционными объединениями с целью оценки его геополитического потенциала.

Демографические прогнозы позволяют предполагать уменьшение геополитического потенциала России в первой половине XXI в., поскольку в мировом населении к 2050 г. ее доля будет составлять всего порядка 1,2 % (вместо 2,4 % в 2005 г. и 4 % в 1950 г.) [14, 256].

Компенсировать геополитические издержки демографических процессов можно через реализацию интеграционных проектов, важнейшим из которых является Евразийский экономический союз. Возможные выгоды от участия в ЕАЭС для России с точки зрения политической демографии можно установить через определение демографических вызовов, важнейшими из которых являются:

– *общее сокращение численности населения страны.* Депопуляция, несмотря на незначительный естественный прирост населения в 2013–2016 гг., сохраняет свое значение. По ряду прогнозов, численность населения страны может сократиться до 110–130 млн человек. Депопуляция ведет к уменьшению экономического значения и геополитического потенциала страны, актуализирует проблему защиты ее сырьевых ресурсов от притязаний других государств;

– *быстрое старение населения.* Население РФ будет иметь одну из самых высоких в мире долю лиц старше 65 лет в мире [15]. Старение населения приведет

к ослаблению экономического и военного влияния страны, а первоочередными станут задачи обеспечения функционирования пенсионной системы и системы здравоохранения, так как суммарная демографическая нагрузка на трудоспособное население к середине века вырастет почти в два раза [5];

– *существенное сокращение численности трудовых ресурсов.* По оценкам, Россия потеряет порядка 13 млн трудоспособного населения в период до 2025 г. и еще 18,8 млн трудоспособного населения в период с 2026 по 2050 г. [6];

– *ускоренная депопуляция в регионах Сибири и Дальнего Востока.* Начиная с 1989 г. численность населения регионов Сибирского федерального округа сократилась более чем на 7,5 %, а Дальневосточного – более чем на 19 %;

– *изменение этноконфессиональной структуры населения и увеличение доли этнических мусульман.* Важным следствием демографических процессов стало уменьшение численности русского населения в 1989–2010 гг. почти на 8 млн человек [7]. Одновременно доля этнических мусульман возросла с 8 % в 1989 г. до 10 % в 2002 г. [2, 19]. Перепись населения 2010 г. зафиксировала уже порядка 10,5 % этнических мусульман в структуре населения, а также, согласно экспертным данным, в стране присутствуют от 3 до 5 млн нелегальных мигрантов [12] преимущественно из стран с мусульманским населением. По прогнозам Pew Research Center, до 2030 г. мусульманское население России увеличится с нынешних 16,4 млн до 18,6 млн человек [20], а, по мнению Дж. Саймона, мусульмане при условии продолжения депопуляции в стране к 2050 г. вплотную приблизятся к тому, чтобы стать большинством [10].

Можно ли преодолеть эти вызовы посредством реализации данного интеграционного проекта? Что представляет собой Евразийский экономический союз в политико-демографическом отношении и каковы его перспективы?

Демографические характеристики стран – членов ЕАЭС

В настоящее время численность населения стран, участвующих в ЕАЭС, составляет чуть больше 182,3 млн человек (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения стран ЕАЭС*

Страна	Численность населения на середину 2015 г., млн человек	Доля в интеграционном объединении, %
Россия	146,3	80,3
Казахстан	17,5	9,6
Беларусь	9,5	5,2
Киргизия	6,0	3,3
Армения	3,0	1,6
<i>Всего</i>	<i>182,3</i>	<i>100,0</i>

* См.: Population Reference Bureau. 2015 World Population Data Sheet [Electronic resource]. URL: www.prb.org (accessed: 10.02.2017).

Российская Федерация является бесспорным интеграционным ядром объединения с точки зрения численности населения. Вторым, но гораздо меньшим по численности ядром союза является Казахстан. При этом в совокупности все другие (за исключением России) члены союза составляют меньше четверти от общей численности населения данного интеграционного объединения.

Таблица 2

Основные показатели воспроизводства населения стран ЕАЭС*

Страна	Показатель (коэффициент)				Суммарный коэффициент рождаемости
	рождаемости (на 1000 жителей)	смертности (на 1000 жителей)	естественного прироста (на 1000 жителей)	младенческой смертности (на 1000 живорождений)	
Россия	13	13	0	9,3	1,8
Беларусь	13	13	0	4,4	1,7
Армения	14	9	5	9	1,5
Казахстан	25	8	17	25	3,0
Киргизия	27	6	21	24	4,0

* См.: Population Reference Bureau. 2015 World Population Data Sheet [Electronic resource]. URL: www.prb.org (accessed: 10.02.2017).

По типу рождаемости и смертности (табл. 2) можно условно выделить две группы стран: «европейский тип» (Россия, Беларусь, Армения), характеризующийся практически сопоставимыми уровнями рождаемости и смертности и низким (или нулевым) естественным приростом, и «центральноазиатский тип» (Казахстан, Киргизия), характеризующийся высокой рождаемостью, низкой смертностью и высоким естественным приростом. При этом страны «центральноазиатского типа» демонстрируют характерные для традиционного общества высокие показатели младенческой смертности и суммарного коэффициента рождаемости.

Таблица 3

Возрастная структура населения стран ЕАЭС*

Страна	Доля населения в возрасте до 15 лет, %	Доля населения в возрасте 65 лет и старше, %
Россия	16	13
Беларусь	16	14
Армения	19	11
Казахстан	25	7
Киргизия	32	4

* См.: Population Reference Bureau. 2015 World Population Data Sheet [Electronic resource]. URL: www.prb.org (accessed: 10.02.2017).

В возрастной структуре населения (табл. 3) вновь прослеживаются «европейский тип» с относительно невысокой долей несовершеннолетних и существенной долей престарелого населения (Россия и Беларусь), «переходный тип» (Армения) и «центральноазиатский тип» с высокой долей несовершеннолетних и небольшой долей престарелого населения (Казахстан, Киргизия). Возрастная структура населения задает разные векторы развития социальной политики: если для первой группы стран важнейшими вопросами становятся проблемы функционирования пенсионной системы и системы здравоохранения, то для второй группы стран — вопросы, связанные в первую очередь с молодежью (образовательная, молодежная политика, контроль рождаемости и т. д.). Кроме того, высокая доля несовершеннолетних в Казахстане и Киргизии является потенциальным фактором социально-политической дестабилизации [11, 11].

С точки зрения такого показателя, как средняя продолжительность жизни, можно обнаружить схожие показатели у всех стран — членов ЕАЭС, причем они сопоставимы со среднемировой продолжительностью жизни (71,4 года), но значительно ниже показателей развитых стран. Это может в том числе свидетельствовать о наличии схожих проблем в области социального развития, здравоохранения, экологии и в качестве человеческого капитала [Там же, 9].

Таблица 4 демонстрирует прогноз численности населения указанных стран в XXI в., по данным ООН, что позволяет увидеть различия в характеристиках населения. Здесь присутствуют две тенденции: «депопуляционный тренд», характерный для России, Белоруссии и Армении, в то время как Казахстан и Киргизия останутся странами с растущим населением.

Таблица 4

Прогноз численности населения стран ЕАЭС до 2100 г.*

Страна	Прогноз численности населения, тыс. человек			
	2025	2050	2075	2100
Россия	141,2	128,6	119,4	117,4
Казахстан	19,4	22,5	24,1	24,7
Беларусь	9,2	8,1	7,3	6,9
Киргизия	6,8	8,3	8,9	9,1
Армения	3,0	2,7	2,2	1,8

* См.: United Nations Population Division. The 2015 Revision of World Population Prospects [Electronic resource]. URL: www.esa.un.org/unpd/wpp (accessed: 10.02.2017).

Еще одним важным показателем, характеризующим «демографический разрыв» среди стран ЕАЭС, является медианный возраст населения, который в 2010 г. составлял в России 38,0 лет, в Беларуси — 38,9, в Армении — 31,6, в Казахстане — 28,9, в Киргизии — 23,8 [21]. С одной стороны, это обстоятельство можно рассматривать как фактор компенсации дефицита трудовых ресурсов, но, с другой стороны, оно способствует усилению экономической конкуренции между

странами интеграционного объединения и провоцирует формирование двух-уровневой демографической системы ЕАЭС («интенсивно стареющие страны» и «растущие страны с относительно молодым населением»).

Что касается этнического состава населения стран ЕАЭС, то здесь следует отметить следующее. Население РФ является полиэтничным, а ряд этносов бывшего СССР имеют значительные диаспоры на территории России (украинцы, армяне, казахи, азербайджанцы, белорусы и др.) (табл. 5).

Таблица 5

Наиболее крупные диаспоры народов бывшего СССР, проживающие на территории РФ (по данным переписи 2010 г.)*

Национальность	Численность, тыс. человек	Доля в населении страны, %
Азербайджанцы	603,1	0,42
Армяне	1182,4	0,83
Белорусы	521,4	0,37
Грузины	157,8	0,11
Казахи	647,7	0,45
Киргизы	103,4	0,07
Молдаване	156,4	0,11
Таджики	200,3	0,14
Туркмены	36,9	0,03
Узбеки	289,9	0,2
Украинцы	1928,0	1,35

* См.: Информационные материалы об окончательных итогах переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.02.2017).

Диаспоры являются дополнительным, но все же важным фактором интеграционного притяжения, усиливая экономические и неформальные связи, а также обеспечивая этническое лобби. Таким образом, наибольшее интеграционное притяжение с точки зрения состава диаспор Россия имеет с Украиной, Арменией, Казахстаном, Азербайджаном и Республикой Беларусь. Мы видим, что 3 из 5 стран бывшего постсоветского пространства, граждане которых составляют крупнейшие диаспоры в России, включены в интеграционный процесс ЕАЭС. Что касается русскоязычного населения в республиках бывшего СССР, то наибольшие русские диаспоры проживают в Украине (до 17,5 % населения страны), Казахстане (21,1 %), Республике Беларусь (8,1 %), Киргизии (6,1%), а также в Молдавии (8,7 %), Латвии (26,9 %) и Эстонии (24,5 %).

В то же время данные по миграционным процессам за два года после создания ЕАЭС демонстрируют парадоксальную ситуацию, когда миграционный обмен России со всеми странами — членами ЕАЭС сократился в 2015 г., несмотря на декларируемую цель снятия барьеров на пути движения трудовой силы

(табл. 6). При этом миграционный обмен с такими странами, как Молдавия, Грузия, Туркмения, практически не изменился. Возникает резонный вопрос, а способствует ли ЕАЭС решению проблемы депопуляции и дефицита трудовых ресурсов в РФ?

Таблица 6

Итоги миграционного обмена с государствами бывшего СССР в 2014–2015 гг.*

Страна	Миграционный баланс в 2015 г.	Миграционный баланс в 2014 г.
Армения	+20 563	+24 006
Беларусь	+4912	+6757
Казахстан	+34 817	+40 814
Киргизия	+9993	+15 259
Республика Молдова	+17 398	+17 574
Таджикистан	+11 374	+19 362
Туркмения	+2320	+2603
Узбекистан	-20 433	+37 096
Украина	+146 136	+94 370
Грузия	+3311	+4218

* См.: Информационные материалы Росстата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.02.2017).

Экономические аспекты развития ЕАЭС

Согласно типологии Евразийского банка развития (ЕБР) существуют шесть основных типов региональных интеграционных объединений (РИО): «Активное РИО», «Иной путь», «Интеграционная риторика», «Дискуссионный форум», «Зомби», «Кома» [1]. ЕАЭС претендует на статус «Активного РИО», то есть организации, главной целью которой действительно является экономическая интеграция. Но главным фактором, содействующим формированию активных РИО, является достаточный уровень экономического развития стран-членов. Так, согласно исследованию средний ВВП на душу населения «Активного РИО» (17,8 тыс. долл.) более чем в два раза превышает средний уровень ВВП других типов РИО (7,8 тыс. долл.) [Там же].

В настоящее время средний ВВП стран ЕАЭС является недостаточным, чтобы рассматривать ЕАЭС как «Активное РИО» (табл. 7). И это при том, что свыше 80 % в совокупном ВВП ЕАЭС приходится на Россию [8, 215].

Статистика по ВНД также явно демонстрирует значительный «экономический разрыв» между странами — членами ЕАЭС (табл. 8).

Таблица 7

ВВП на душу населения стран – членов ЕАЭС*

Страна	ВВП на душу населения в 2014 г., US\$
Россия	12 735,9
Армения	3873,5
Казахстан	12 601,7
Киргизия	1269,1
Беларусь	8040,0
<i>ВВП на душу населения в среднем по ЕАЭС</i>	<i>7704,0</i>
<i>Средний показатель ВВП на душу населения в «Активных РИО»</i>	<i>17 800</i>

* См.: Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD (дата обращения: 10.02.2017).

Таблица 8

Валовой национальный доход на душу населения с учетом паритета покупательной способности в 2014 г., US\$*

Страна, группа стран	Показатель
<i>В среднем по развитым странам</i>	<i>39 020</i>
Россия	24 710
Казахстан	21 580
Беларусь	17 610
<i>В среднем по развивающимся странам</i>	<i>9870</i>
Армения	8550
Киргизия	3220
<i>В среднем по наименее развитым странам</i>	<i>2270</i>
<i>В среднем по интеграционным объединениям:</i>	
Европейский союз	36 280
Евразийский экономический союз	15 134

* См.: Population Reference Bureau. 2015 World Population Data Sheet [Electronic resource]. URL: www.prb.org (accessed: 10.02.2017).

Эти показатели отражают факт существования двух уровней в структуре экономики ЕАЭС: группы стран, приближающихся к среднему показателю *развитых стран* (Россия, Казахстан, Белоруссия), и стран, еще не достигших среднего показателя по *развивающимся странам* (Армения, Киргизия). При этом разница в ВНД на душу населения между Россией и Казахстаном, с одной стороны, и Киргизией, с другой стороны, составляет 6–8 раз. В результате в экономическом отношении возникает «двухуровневая реальность», которая обусловлена огромным разрывом в уровне доходов населения стран «ядра» и «периферии».

Перспективы расширения ЕАЭС

Согласно прогнозам за первую половину XXI в. численность населения вырастет в большинстве интеграционных объединений и во всех зонах свободной торговли, но не в ЕАЭС (в нынешнем его составе); ЕАЭС будет охватывать в 2050 г. всего 1,7 % мирового населения вместо 2,8 % сейчас. Еще меньше будет его доля в мировом ВВП. Для сохранения геополитического значения ЕАЭС придется задуматься о расширении своего состава, не утрачивая при этом евразийской сущности союза.

Эксперты называют ряд стран в качестве возможной перспективы для расширения союза (табл. 9). Среди таких стран только Азербайджан, Туркменистан и Турция имеют ВВП на душу населения, превышающий средний по ЕАЭС, то есть являются экономически равными партнерами. Иран, Грузия и Украина имеют показатель ВВП на душу населения, равный лишь половине от среднего по ЕАЭС. К сожалению, по ряду причин геополитического и экономического характера ни одна из перечисленных стран пока не может всерьез рассматриваться как член ЕАЭС.

Таблица 9

ВВП стран – потенциальных членов ЕАЭС*

Страна	Валовой внутренний продукт на душу населения в 2014 г., US\$
Украина	3082,5
Узбекистан	2036,7
Туркменистан	9031,5
Молдова	2238,9
Азербайджан	7884,2
Грузия	3670,0
Иран	5442,9
Турция	10 515,0
Пакистан	1316,6
Таджикистан	1114,0
<i>ВВП на душу населения в среднем по ЕАЭС</i>	<i>7704,0</i>

* См.: Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD (дата обращения: 10.02.2017).

Реальными претендентами на вступление в ЕАЭС пока считаются только Узбекистан и Таджикистан, показатели ВВП на душу населения которых в 3 и 6 раз соответственно меньше среднего уровня по ЕАЭС.

***

На наш взгляд, выбранную основу для формирования интеграционного проекта ЕАЭС (Россия, Казахстан, Белоруссия) с точки зрения политической

демографии следует признать рациональной. Хотя эта основа могла быть более устойчивой при участии Украины. Присоединение Армении, которая близка по своим демографическим характеристикам к России и активно с ней взаимодействует в миграционном отношении, учитывая значительную армянскую общину в стране, тоже следует признать разумным. Хотя это решение фактически закрыло дорогу в ЕАЭС более развитому в экономическом отношении Азербайджану. Вхождение Кыргызстана в ЕАЭС следует рассматривать уже как экстенсивное расширение при понижении качественных характеристик объединения.

Численность населения ЕАЭС пока не является достаточной для успешной конкуренции с другими интеграционными проектами и требует включения новых стран. Поэтому, на наш взгляд, пока сложно согласиться с оценкой ЕАЭС как «нового центра силы глобального мира и одного из ведущих авторов сценария его развития» [4, 207].

Нынешний состав ЕАЭС неоднороден в демографическом и экономическом отношении и включает в себя группы стран с абсолютно разными демографическими характеристиками, что предопределяет разнонаправленные векторы политического и экономического развития. Фактически ЕАЭС представляет собой «двухуровневую систему» («ядро» и «периферия») со значительным разрывом в уровне экономического развития и качестве человеческого капитала. Кроме того, как страны — члены ЕАЭС, так и потенциальные кандидаты на вступление в него представляют собой страны с разными моделями экономического развития. Например, эксперты Всемирного банка отмечают, что Казахстан и Узбекистан реализуют различные модели экономики: в первом случае — либеральные рыночные реформы, во втором — жесткий государственный контроль [13]. Подобные различия можно обнаружить и в моделях экономики России и Беларуси. Значение этих различий усиливается на фоне снижения уровня взаимозависимости государств, причем, как правило, вследствие целенаправленной государственной политики [16].

Обращает на себя внимание и такой фактор, как низкий темп прироста ВВП в России в 2000–2015 гг., который был сопоставим со средним показателем по странам СНГ (примерно 183 % к уровню 2000 г.) и оказался ниже такого же показателя по другим странам — членам ЕАЭС [11, 8]. Тем самым создаются трудности для выполнения Россией роли экономического «локомотива» интеграции [Там же].

Вследствие этого можно согласиться с мнением ряда экспертов о том, что Россия не должна пытаться стать единственным «локомотивом» евразийской интеграции, а рамки объединения не должны замыкаться только на цели восстановления бывшего постсоветского пространства [Там же, 219–220].

К сожалению, пока все перспективы расширения ЕАЭС связаны прежде всего с Таджикистаном и Узбекистаном, присоединение которых лишь усилит демографическую и экономическую неоднородность интеграционного объединения (экстенсивное развитие). Наиболее же перспективными с точки зрения политико-демографического анализа участниками ЕАЭС могли бы стать Украина, Турция и Иран.

По мнению автора, без включения в интеграционное объединение стран, сопоставимых в демографическом и экономическом отношении, ЕАЭС скорее

представляет собой попытку России сохранить геополитический контроль над постсоветским пространством и стремление ряда постсоветских государств снизить свои внешнеполитические и внутривнутриполитические риски, нежели реальное объединение, преследующее цель создания качественно нового экономического пространства. Конечно, присутствие в ЕАЭС Турции или Ирана приведет к сокращению роли и влияния России в этом интеграционном объединении, но одновременно повысит демографический, экономический и в конечном счете геополитический потенциал объединения. Причем если ЕАЭС не продемонстрирует в ближайшее время свою эффективность и открытость, то интерес к нему со стороны потенциальных кандидатов может угаснуть. Следует учитывать и то, что на постсоветском пространстве уже существуют альтернативы ЕАЭС, такие как, например, проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭЛШП), предложенный КНР, или ЦАРЭС, созданный в 1997 г. по инициативе Азиатского банка развития.

В этой связи важен вопрос о том, как ЕАЭС способствует преодолению демографических вызовов России? К сожалению, на наш взгляд, создание ЕАЭС пока практически не отвечает ни на один из вызовов, стоящих перед современной Россией: рост численности населения ЕАЭС не прогнозируется; численность «молодого» населения стран ЕАЭС недостаточна, чтобы решить проблему «старения» России; миграционный приток из стран ЕАЭС не позволит восполнить дефицит трудовых ресурсов в будущем; проблема депопуляции в Сибири и на Дальнем Востоке никак не решается в рамках ЕАЭС, зато будет увеличиваться доля мусульман за счет мигрантов из стран с высокой степенью религиозности населения. В результате напрашивается вывод, что реальные цели создания ЕАЭС лежат все-таки не в плоскости экономики или демографии, а в плоскости геополитики.

В чем же заключаются цели создания ЕАЭС с точки зрения интересов России? На наш взгляд, основная цель создания ЕАЭС заключается в стремлении сохранить геополитический контроль над постсоветским пространством и не допустить реализации альтернативных интеграционных проектов. Однако, по убеждению автора, достичь подобную цель можно и иным путем. Разумнее было бы развивать тесную интеграцию с Республикой Беларусь и Казахстаном в экономическом и политическом отношении (возможно, через включение Казахстана в Союзное государство, созданное Россией и Беларусью). С остальными постсоветскими республиками Россия могла бы выстраивать отношения через двусторонние соглашения о торговле, движении рабочей силы и инвестициях, как сейчас это реализуется, например, с Таджикистаном.

Сможет ли ЕАЭС стать альтернативой ЕС на постсоветском пространстве? Многие исследователи называют Евросоюз в качестве основного долгосрочного партнера ЕАЭС, но только при реализации модернизационной модели развития [8, 225–226]; ЕАЭС способен стать важным партнером ЕС на постсоветском пространстве, учитывая структуру внешней торговли России и Казахстана. Однако здесь вопрос упирается в цели интеграционного объединения. Если цели — оградить постсоветское пространство от влияния иных игроков, то, конечно, ЕАЭС

будет позиционироваться как альтернатива ЕС. Украинский кризис 2014 г. продемонстрировал, что по крайней мере в обозримой перспективе повестка ЕАЭС не ставит задачи углубления интеграции с ЕС. Однако сможет ли ЕАЭС стать ему реальной альтернативой?

Одним из препятствий для расширения и углубления евразийской интеграции исследователи называют и различия объединяющихся государств в экономическом, политическом и культурном отношении. В интеграционном процессе участвуют страны с относительно демократическими режимами и частично конкурентными системами и откровенно авторитарные государства. И самое важное: к сожалению, все перспективы расширения ЕАЭС связаны со странами, которые так или иначе характеризуются «дефицитом демократии». Известно, что реализация интеграционных объединений с участием недемократических государств имеет дополнительные сложности из-за специфики их политической системы (негативное отношение даже к ограниченным «уступкам» суверенитета за счет международных соглашений и отсутствие гарантий исполнения принятых ими обязательств) [17, 18].

Нужно понимать, что различия в демографических и экономических характеристиках государств ЕАЭС определяют различия и интеграционных целей государств. На наш взгляд, Е. Ю. Винокуров и А. М. Либман верно указывают, что многополярность взаимодействия в Центральной Азии должна означать реализацию разнообразных соглашений в отдельных сферах с различным спектром участников, но не поиск «единственного покровителя» [3, 158]. Попытки России 1990-х гг. играть роль единственного посредника для стран Центральной Азии потерпели неудачу и привели к снижению российского политического влияния [19]. Не следует повторять эти ошибки и стремиться превратить данный интеграционный проект в «российско-центричный».

Таким образом, в ходе исследования удалось определить, что ЕАЭС представляет собой в политико-демографическом и экономическом отношении «двухуровневую структуру», что формирует различные векторы развития стран-членов. Удельный вес данного объединения в мире невелик, и в нынешнем составе нет перспектив изменения его места в структуре мировой экономики. Дальнейшее развитие союза сдерживается целым рядом факторов, в первую очередь объективными ограничениями для расширения его состава. Расширение союза не должно идти ради самого расширения, оно должно преследовать цели качественного укрепления, а не только количественного увеличения. Пока можно утверждать, что ЕАЭС в большей степени решает геополитические задачи, чем представляет собой реальную экономическую альтернативу ЕС на постсоветском пространстве. Необходимо учитывать, что залогом успеха ЕАЭС является обеспечение экономического роста и увеличение благосостояния населения стран-членов, сокращение разрывов в развитии между отдельными странами, а также реализация активного взаимодействия с другими интеграционными объединениями, прежде всего с ЕС и ЭПШП.

1. База данных региональной интеграции Евразийского банка развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/projects_cii/index.php?id_4=41398&linked_block_id=0 (дата обращения: 25.02.2017).
2. Белокреницкий В. Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. 2008. № 2.
3. Винокуров Е. Ю., Либман А. М. Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2012.
4. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности : моногр. / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2015.
5. Демографическая нагрузка, 1950–2100 : Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40der.php> (дата обращения: 25.02.2017).
6. Зайончковская Ж. Миграция в современной России / Рос. совет по междунар. делам [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1714#top-content (дата обращения: 25.02.2017).
7. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/сroc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.02.2017).
8. Конфликт двух интеграций. М., 2015.
9. Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: www.eaunion.org/#about (дата обращения: 25.02.2017).
10. Саймон Дж. Неужели демография — это судьба? // Россия в глобальной политике. 2010. № 2.
11. Каченко А. А. Влияние различий в демографическом воспроизводстве на возможности экономической интеграции стран Евразийского экономического союза // Власть. 2016. № 11.
12. ФМС посчитала нелегалов // Российская газета. 2012. 15 окт.
13. Alan A., Banerji A. Uzbekistan and Kazakhstan: A Tale of Two Transition Paths // World Bank Policy Research Working Paper. 2000. № 2472.
14. Demeny P., McNicoll G. The Political Demography of the World System, 2000–2050 // Population and Development Review. 2006. № 32.
15. Demographic Yearbook 2008 : офиц. сайт ООН. URL: <http://unstats.un.org/unsd/default.htm> (дата обращения: 25.02.2017).
16. Libman A., Vinokurov E. Is It Really Different? The Patterns of Regionalisation in the Post-Soviet Central Asia // Post-Communist Economies. 2011. Vol. 23, № 4.
17. Mansfield E. D., Milner H. V., Pevehouse J. C. Democracy, Veto Players and the Depth of Regional Integration // World Economy. 2008. Vol. 31, № 1.
18. Mansfield E. D., Milner H. V., Rosendorff P. B. Why Democracies Cooperate More: Electoral Control and International Trade Agreements // International Organization. 2002. Vol. 56.
19. Spechler M. C., Spechler D. R. Is Russia Succeeding in Central Asia // Orbis. 2010. Vol. 54.
20. The Future of the Global Muslim Population [Electronic resource]. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/> (accessed: 25.02.2017).
21. World population prospects / The 2012 revision population database/ United Nations Population Division [Electronic resource]. URL: www.esa.un.org (accessed: 25.02.2017).

Рукопись поступила в редакцию 13 марта 2017 г.

УДК 327(470:5-191.2) + 351.746

В. Д. Камынин

**РОЛЬ ДВУСТОРОННИХ СОГЛАШЕНИЙ
МЕЖДУ РФ И СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В УКРЕПЛЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.**

Статья посвящена анализу международно-правовой основы взаимоотношений РФ с государствами Центрально-Азиатского региона в области обеспечения безопасности. Основное внимание уделяется рассмотрению двусторонних соглашений между РФ и странами Центральной Азии как основного фактора, определяющего максимальное доверие между государствами. Показаны эволюция развития двусторонних отношений, успехи и проблемы на пути двустороннего сотрудничества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: безопасность, Центрально-Азиатский регион, Россия, двусторонние межгосударственные отношения.

Центральная Азия занимает одно из ведущих мест во внешней политике современной России. Сложность ситуации в Центрально-Азиатском регионе вызвана скачкообразным развитием некоторых процессов в отдельных странах региона, истоки которых уходят в политические и экономические проблемы. Все больше набирает оборот усиливающееся влияние угроз и вызовов безопасности, что способно привести к резкой десекуритизации региона и соответственно к его трансформации. На наш взгляд, применительно к региону Центральной Азии необходимо классифицировать угрозы, возникающие в результате экзогенного и эндогенного факторов.

К экзогенным угрозам можно отнести терроризм, наркотрафик и распространение идеологии радикального ислама; нестабильную ситуацию в Афганистане как самый главный источник вызовов и угроз безопасности в Центральной Азии; политику доминирования США и продвижение НАТО; нерешенность межгосударственных проблем (приграничные территориальные претензии, использование гидроэнергоресурсов). К эндогенным угрозам целесообразно отнести рост межэтнических противоречий; политическую нестабильность в большинстве стран, а также борьбу политических элит за лидерство; религиозный мусульманский экстремизм, связанный с идеалистической целью талибов и ваххабитов построить в Центральной Азии и северо-западном Китае мусульманский халифат, где будут действовать законы ислама и шариатский суд; неустойчивость экономического развития и зависимость от иностранного капитала.

В статье делается акцент на военно-политический сегмент системы двусторонних договоров РФ и стран Центральной Азии, который является ключевым, но, безусловно, не единственным.

Проблема укрепления безопасности в этом регионе решается РФ как на многостороннем уровне (СНГ, ОДКБ, ШОС), так и на уровне двусторонних отношений. За время, прошедшее с момента распада СССР, произошла серьезная эволюция

в ее отношениях с центральноазиатскими соседями. В развитии договорных отношений можно выделить два этапа — 1990-е и 2000-е гг.

На первом этапе основной формой двустороннего сотрудничества в области обеспечения безопасности стали договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, которые РФ заключила с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

Образцовым с точки зрения полноты и всесторонности можно считать договор между РФ и Казахстаном. Его основные положения учитывались российскими политиками при заключении международных договоров с другими центральноазиатскими государствами. Развитию отношений с Казахстаном РФ придавалось приоритетное значение. Казахстан на момент распада СССР представлял собой периферийную часть гигантского оборонно-промышленного комплекса страны. На его территории располагались 196 оборонных предприятий, многие из которых были заводами-гигантами. На них производились торпеды, ракеты морского базирования, радиоэлектронное оборудование, системы наведения, вооружение для танков, стрелковое оружие, ракетные системы, компоненты систем противоракетной обороны, противовоздушной обороны; выпускалось 11 % всех артиллерийских систем, 18 % всех боевых машин пехоты Советского Союза [21, 65]. Международно-правовая основа взаимоотношений РФ и Казахстана была представлена многочисленными документами. С 1992 по 2004 г. между военными ведомствами двух стран было заключено 53 договора и соглашения [Там же, 69].

Руководители России исходили из того, что у РФ и Республики Казахстан были единые подходы к необходимости сохранения объединенных вооруженных сил (ВС). Президент России Б. Н. Ельцин заявлял: «Россия и Казахстан будут стоять насмерть за единые ВС», но при этом отметил, что «если большинство республик начнут формировать свои собственные ВС, то мы будем делать то же самое» [16].

25 мая 1992 г. Казахстан и РФ подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В документе впервые на двухсторонней основе было обозначено, что «высокие договаривающиеся стороны всемерно взаимодействуют в обеспечении надежной совместной обороны в рамках общего военно-стратегического пространства на основе согласованных положений своих военных доктрин и принципа оборонной достаточности» [12, 423]. Позиция Казахстана в этом вопросе была озвучена Н. А. Назарбаевым, который подчеркнул, что стороны, подписавшие договор, придерживаются «неукоснительного соблюдения межгосударственных отношений, территориальной целостности и нерушимости границ, отказа от любых форм экономического давления и т. д.» [27, 27].

По договору Российская Федерация брала на себя обязательства по оказанию содействия в становлении и развитии ВС Республики Казахстан, создаваемых на базе воинских частей и соединений СССР, расположенных на территории последней, с учетом принятых РФ международных обязательств. Стороны обещали согласовать «принципы и порядок совместного использования средств контроля воздушного и космического пространства, а также других технических средств контроля в их обоюдных интересах». Было обговорено также «совместное использование военных баз, полигонов и иных объектов оборонного назначения,

которые расположены на их территориях, а также использование ВС одной стороны объектов оборонного назначения, находящихся на территории другой стороны» [12, 423].

В статье 5 договора были обозначены действия двух стран в случае агрессии против одной из сторон, где четко говорилось, что «стороны окажут друг другу необходимую помощь, включая военную».

Одной из особенностей этого документа следует считать то, что каждая из стран обязывалась не «участвовать в каких-либо союзах или блоках, направленных против любой из них»; воздерживаться «от участия или поддержки каких-либо действий или мероприятий, направленных против другой стороны»; не допускать, «чтобы ее территория была использована в целях подготовки или осуществления агрессии или иных насильственных действий против другой стороны»; проводить «консультации о возможности оказания помощи третьим государствам при возникновении вооруженных конфликтов между этими государствами и другой стороной». Страны обязались проводить «скоординированную военно-техническую политику, включая финансирование согласованных военных программ», сотрудничать «в проведении конверсии военной промышленности» [Там же, 424].

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и Казахстаном дополняли многочисленные соглашения, касающиеся согласования конкретных вопросов военного и военно-технического сотрудничества (ВТС). В октябре 1992 г. странами было подписано Соглашение о составе объектов космодрома «Байконур», передаваемых стратегическим силам СНГ, об условиях их использования и обеспечения. В статье 2 договора оговаривалось, что «в случае прекращения деятельности стратегических сил Содружества Независимых Государств статус воинского объединения космодрома “Байконур” определяется соглашением между Министерством обороны Республики Казахстан и Министерством обороны Российской Федерации» [18, 100].

Вопрос об аренде Россией космодрома «Байконур» носил сложный и обоюдоострый характер. Он был урегулирован в основном во время визита Н. А. Назарбаева в Москву 28 марта 1994 г. Министр иностранных дел Казахстана К. К. Токаев так вспоминает об обстоятельствах этого визита: «После неоднократных встреч на правительственном уровне в марте 1994 г. состоялся первый государственный визит президента Казахстана в Российскую Федерацию. К этому времени было достигнуто принципиально новое понимание того, что космический комплекс должен функционировать на условиях аренды. Но по сумме арендной платы и по срокам аренды правительственные чиновники договориться не смогли. Наша сторона предполагала за аренду до 300 миллионов долларов, россияне в кулуарных беседах считали, что 50 миллионов долларов будет достаточно. Этот вопрос был окончательно решен во время личной встречи президентов. Несмотря на настоятельные просьбы своих подчиненных не соглашаться с казахстанскими условиями об арендной плате за использование космодрома, Б. Ельцин сразу же заявил, что намерен решить эту сложную проблему по справедливости. Россия, сказал первый президент России, будет платить за аренду космодрома. Тогда же

была обговорена сумма — 115 миллионов долларов в год. Однако арендную плату за космодром¹ казахстанское правительство стало получать лишь спустя пять лет после заключения соглашения» [43, 162].

28 марта 1994 г. между Россией и Казахстаном был подписан большой пакет документов о сотрудничестве в военной сфере. Главным из них являлся Договор о военном сотрудничестве [8, 167–175], к которому прилагались соглашения о ВТС, стратегических ядерных силах, временно расположенных на территории Казахстана, об оказании услуг военного назначения и о расчетах за ВТС.

В статье 3 Договора о военном сотрудничестве Казахстан, учитывая сложившуюся систему функционирования стратегических ядерных сил, находящихся на ее территории, признал за указанными воинскими формированиями статус стратегических ядерных сил РФ — российских воинских формирований, расположенных на территории Казахстана на временной основе. До полной ликвидации стратегического ядерного оружия, временно размещенного на территории Казахстана, или его вывода на территорию РФ, решение о необходимости его применения принималось президентом РФ по согласованию с президентом Республики Казахстан. При этом РФ гарантировала принятие организационных и технических мер, исключающих несанкционированное применение стратегического ядерного оружия, размещенного на территории Республики Казахстан.

Фактически РФ по этому договору взяла на себя ответственность за ядерное оружие на территории Казахстана. В договоре подчеркивалось, что «все движимое и недвижимое военное имущество является собственностью стороны, на территории которой оно размещалось по состоянию на 31 августа 1991 г.». Отдельной протокольной записью было заявлено, что в части, касающейся ядерных боеприпасов, это распространяется на материал таких боеприпасов, а не на боеприпасы в сборе [8, 173].

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и Договор о военном сотрудничестве между РФ и Республикой Казахстан впоследствии стали фундаментом, законодательной базой ВТС двух стран.

Однако оставалось еще много неразрешенных серьезных вопросов. Так и не был обговорен статус бывших советских полигонов, таких как «Сары-Шаган», являвшегося полигоном противоракетной обороны, а также полигонов «Эмба» и «Семипалатинский». Судьба этих полигонов была определена специальными соглашениями.

Полигон «Семипалатинский» был официально закрыт Н. А. Назарбаевым 29 августа 1991 г. во многом под напором общественного движения «Невада — Семипалатинск» [23, 635]. Российская Федерация и Республика Казахстан подписали соглашение о демонтаже ядерного устройства, заложенного на Семипалатинском ядерном полигоне до его закрытия [26, 232].

Сторонами обсуждалась проблема компенсации за ущерб, нанесенный Казахстану ядерными испытаниями на Семипалатинском ядерном полигоне, которых с 1949 по 1989 г. было проведено 456, что составляло 64 % всех подобных

¹ 50 млн долларов — живыми деньгами, 65 млн долларов — имуществом.

испытаний в Советском Союзе [23, 624]. Из них 340 были проведены под землей и 116 в атмосфере [25, 41]. В качестве компенсации за оружейный уран, содержащийся в боеголовках, Россия передала в Казахстан 21 МИГ-29, 14 СУ-25, 38 СУ-27 [24, 71].

В связи с тем что Казахстан к 1995 г. полностью избавился от атомного оружия, полигон «Сары-Шаган» и находящийся с ним рядом военный городок Приозерск 20 января 1995 г. были взяты в аренду Российской Федерацией. Это было зафиксировано отдельным соглашением между РФ и Республикой Казахстан об условиях использования и аренды испытательного полигона «Сары-Шаган» и обеспечения жизнедеятельности г. Приозерска. В статье 15 данного соглашения было прописано, что «Министерство обороны Республики Казахстан имеет приоритетное право на приобретение новых видов вооружения и военной техники, прошедшей отработку на полигоне, в том числе и в счет арендной платы» [17].

20 января 1995 г. было заключено соглашение об аренде второго, не менее значимого в стратегическом плане полигона «Эмба». Впоследствии были также взяты в аренду объекты и боевые поля «929-го государственного летно-испытательного центра» и «4-го государственного центрального полигона» [39].

Помимо статуса объектов ВС РФ между двумя странами решался вопрос о статусе военнослужащих ВС РФ на данных объектах.

20 января 1995 г. Россия и Казахстан подписали Соглашение о статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан [38]. Было отмечено, что воинские формирования РФ осуществляют свою деятельность в местах дислокации в соответствии с законодательством, общевоинскими уставами и другими нормативными актами РФ, при этом их деятельность не должна была противоречить принципам и нормам международного права. Воинские формирования РФ комплектовались и финансировались РФ, если иное не было предусмотрено сторонами. Перечень воинских формирований РФ, расположенных в местах дислокации, их численность определялись по согласованию сторон и ежегодно уточнялись сторонами. На работу в воинские формирования РФ могли приниматься граждане Республики Казахстан. По просьбе казахстанской стороны воинские формирования РФ должны были оказывать помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф [17].

Стоит отметить, что уже в первые годы независимого существования России и Казахстана проявилась их военная и промышленная разобщенность. Оба государства спешили сделать «европейский выбор» и мало заботились о сохранении «братских связей». Обоюдное отсутствие воли выполнять договоренности превращало ВТС в ритуал, где демонстрация единства была важнее единства.

Независимая Киргизия проводила открытую внешнюю политику с сильным акцентом на разного рода интеграционные структуры и международные многосторонние организации. В этом плане политика Бишкека была похожа на внешнюю политику Астаны и радикально отличалась от внешней политики Ашхабада и Ташкента, приоритетом которой являлись двусторонние соглашения с отдельными государствами. Киргизия всегда выступала в поддержку всех инициированных

Россией международных организаций на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз и т. д.) [1].

10 июня 1992 г. между РФ и Республикой Кыргызстан был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [13]. В этом документе декларировались те же цели двухстороннего сотрудничества, что и в договоре между РФ и Республикой Казахстан.

Российско-кыргызское сотрудничество в военной сфере базировалось на Договоре о сотрудничестве в военной области от 5 июля 1993 г. В нем предусматривались основные направления взаимодействия: размещение военных объектов одной стороны на территории другой; сохранение сложившихся связей по производству, ремонту и снабжению вооружением, военной техникой и другими материальными средствами; совместное использование военных полигонов и учебных центров; подготовка офицеров, прапорщиков, сержантов и младших специалистов; взаимодействие сил и средств ПВО. На основании межправительственного Соглашения о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности, подписанного в 1994 г., в Кыргызстане по заказу России производились отдельные виды продукции военного назначения [33].

Россия сыграла важную роль в строительстве национальных ВС и других силовых структур Кыргызстана. После распада Советского Союза Россия взяла на себя обязательства по оказанию помощи Кыргызстану в охране границы с Китаем, создании и становлении национальных пограничных войск. С этой целью 5 декабря 1992 г. были подписаны соответствующие межгосударственные договоренности о формировании на территории Кыргызстана Группы погранвойск (ГПВ) РФ в составе Ошского, Нарынского и Каракольского погранотрядов общей численностью 5 тыс. человек. Кроме охраны почти 1 тыс. км границы с Китаем российские пограничники осуществляли пограничный контроль в международном аэропорту столицы Кыргызстана «Манас» [31].

Хотя российско-кыргызское военное сотрудничество в целом носило партнерский характер, его практическая наполняемость была низкой. Это зависело не только от России, но и во многом было результатом непоследовательности шагов и частой смены Бишкеком ориентиров в строительстве национальной системы безопасности.

На характер отношений между Таджикистаном и Россией в 1990-е гг. оказывало влияние то, что в республике шла гражданская война [30]. Руководству РФ было довольно трудно сделать выбор между враждующими сторонами. Только 4 сентября 1992 г. Б. Н. Ельцин, А. А. Акаев, И. А. Каримов и Н. А. Назарбаев сделали первое заявление в связи с событиями в Таджикистане. В нем президенты призвали конфликтующие стороны не допускать дальнейшей эскалации конфликта. Они обратили внимание на то, что ситуация в Таджикистане угрожает безопасности всего Центрально-Азиатского региона, поскольку в республику в большом количестве ввозилось оружие из соседнего Афганистана. Главы государств заявили, что примут меры по оказанию содействия Таджикистану в стабилизации обстановки, упрочении суверенитета, обеспечении безопасности его южных границ [7, 16–17].

Руководство РФ выразило озабоченность судьбой оставшейся в Таджикистане после распада СССР 201-й российской мотострелковой дивизии, против присутствия которой выступали исламисты, ориентирующиеся на Афганистан. 10 декабря 1992 г. с рабочим визитом в Таджикистан был направлен и. о. главы правительства РФ Е. Т. Гайдар [20].

25 мая 1993 г. между Таджикистаном и Россией был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [14]. Военно-политическое сотрудничество двух стран получило юридическое основание. В сфере безопасности Москва и Душанбе договорились укреплять взаимную оборону. Стороны объявлялись военными союзниками. Таджикистан предоставил России право использования военных объектов, находящихся на его территории. В договоре были определены условия пребывания на таджикской территории частей российской армии (201-й дивизии численностью около 7 тыс. человек) и пограничной службы (16 тыс. человек). Договор был подписан сроком на 5 лет. Тогда же Таджикистан и Россия подписали ряд соглашений о ВТС [2, № 10, 29–30; № 11, 12–20].

24 сентября 1993 г. РФ и Таджикистан заключили Соглашение о коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению. С сентября 1993 г. российские военные в составе коллективных миротворческих сил СНГ принимали участие в урегулировании событий в Таджикистане. Общая численность миротворцев составила 25 тыс. человек, половину расходов на их содержание взяла на себя Россия [41].

В октябре 1994 г. между РФ и Таджикистаном было подписано соглашение о командировании в Таджикистан российских военных советников и специалистов [37]. 7 сентября 1995 г. обе стороны приняли Декларацию о дальнейшем углублении и расширении всестороннего сотрудничества. Стороны обязывались расширить сотрудничество в военной сфере, усилить координацию своей внешней политики и предпринять дополнительные меры по обеспечению охраны таджикско-афганской границы [5].

Особые отношения установились у РФ с Узбекистаном и Туркменистаном.

В системе военного сотрудничества России с государствами Центральной Азии Узбекистан занимал крайне важное место, поскольку наряду с Казахстаном, в силу своего геополитического, экономического, демографического и военного потенциала, объективно являлся ключевым государством региона. В частности, Узбекистан располагал наиболее боеспособными и хорошо оснащенными в регионе ВС, которые имели непосредственный боевой опыт ведения специальных операций в горных условиях.

Несмотря на неоднозначную политику России 1990-х гг. в Центральной Азии, военное сотрудничество между Россией и Узбекистаном не прекращалось. В мае 1992 г. именно в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ), инициаторами которого стали Москва и Ташкент. Этот договор стал первой попыткой формирования коллективной системы безопасности на постсоветском пространстве.

Двустороннее военное сотрудничество страны закрепили рядом договоров и соглашений. Основным договором между Узбекистаном и РФ относился

к двусторонним договорам иного типа, чем те, которые РФ имела с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

Российско-узбекский Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве от 30 мая 1992 г. [11], в отличие от договора между РФ и Казахстаном, не предусматривал ничего похожего на идею «общего пространства безопасности». Скорее это был договор о нейтралитете и отсутствии у сторон взаимных претензий. Текст договора не содержал также статей об оказании сторонами военной помощи.

В марте 1994 г. между РФ и Узбекистаном была подписана декларация о всестороннем сотрудничестве [6] и Соглашение о принципах взаимного технического и материального обеспечения их ВС [31], в котором были обговорены соответствующие обязательства России по поставкам Узбекистану вооружений и оказанию военно-технической помощи. С началом гражданской войны в Таджикистане Москва и Ташкент тесно координировали свои действия по оказанию военной помощи таджикским правительственным формированиям. Совместно с российской 201-й дивизией подразделения узбекских ВС вошли в состав коалиционных миротворческих сил для поддержания мира в Таджикистане.

31 июля 1992 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Туркменистаном. Оба государства признавали целесообразность согласованных действий на международной арене и тесного сотрудничества в военно-политической области. Они договорились проводить согласованную внешнюю политику, способствовать продолжению процесса разоружения, созданию и укреплению систем коллективной безопасности, а также усилению миротворческой роли ООН и повышению эффективности региональных механизмов, прилагать усилия для содействия урегулированию региональных конфликтов и иных ситуаций, затрагивающих интересы сторон, координировать свою позицию в этих областях с целью осуществления в необходимых случаях совместных или согласованных действий [15]. В первые годы независимости ВС Туркмении по сути были частью российской армии: до начала 1994 г. они находились под объединенным российско-туркменским командованием, а границы страны с Ираном и Афганистаном охраняли российские пограничники. Относительно статуса российских пограничников Россия и Туркменистан 27 августа 1992 г. подписали особый договор [10].

Тем не менее Туркмения в 1992 г. уклонилась от подписания Ташкентского договора, давая понять, что не стремится сохранять участие в создаваемой Россией системе коллективной безопасности в СНГ. Туркменистан начал проводить политику нейтралитета (в 1995 г. Генассамблея ООН признала этот статус Туркменистана) [32]. С туркменской территории были удалены российские войска, включая части пограничной охраны. По оценке экспертов, после распада СССР С. Ниязов быстро понял, что интересам его державы, играющей значительную роль в мировой энергетике, «отвечает не сохранение особых отношений с Россией, а лавирование между наиболее влиятельными странами в непосредственном региональном окружении и мире в целом» [26, 232].

На рубеже 1990–2000-х гг. в подписанные ранее двухсторонние договоры были внесены существенные коррективы.

Хорошие возможности для роста ВТС РФ с Казахстаном возникли в 2000 г., когда стороны договорились об объеме и содержании арендной платы за космодром «Байконур». Российская Федерация и Казахстан решили увеличить масштабы ВТС. Министерства и ведомства Казахстана составили длинный список необходимых российских товаров на многие годы вперед. Согласовывать номенклатуру и стоимость поставок было поручено компании «Росвооружение» с российской стороны и государственному предприятию «Казспецэкспорт» с казахстанской. Однако цены на российскую продукцию оказались столь высокими, что казахстанские партнеры охладели к сотрудничеству с государственным монополистом России, к тому же было решено вернуться к валютной форме расчетов [21, 69].

В конце 1990-х гг. на положении в Центральной Азии стал серьезно сказываться конфликт в Афганистане, ибо он начал постепенно переливаться на сопредельную территорию Таджикистана, а далее — через земли Ферганы — в Узбекистан и Киргизию. После прорыва вооруженной группы боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в Баткенский район Кыргызстана летом 1999 г., а также с приходом к власти в РФ В. В. Путина взаимодействие Москвы и Бишкека в военной сфере вышло на качественно новый уровень. Контакты между силовыми структурами России и Кыргызстана стали более регулярными, началось тесное практическое сотрудничество, особенно в плане координации борьбы с международным терроризмом. По инициативе российской стороны в Бишкеке в августе 2001 г. были открыты региональное отделение Антитеррористического центра СНГ и орган управления (штаб) Коллективными силами быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона.

Во время гражданской войны в Таджикистане и активной деятельности наркокурьеров подразделения российской пограничной группы (РПГ) контролировали также ряд направлений на кыргызско-таджикской границе. В конце 1997 г. этот участок перешел под охрану кыргызских пограничников. Государственную границу Кыргызстана с Китаем российские пограничники охраняли до 1999 г., после чего по просьбе Бишкека передали охрану границы кыргызским пограничным частям. Практически вся материально-техническая база РПГ была безвозмездно передана Кыргызстану. После вывода РПГ в Кыргызстане осталась только Оперативная группа пограничной службы ФСБ РФ. В соответствии с договоренностями в задачи группы входило оказание кыргызским пограничным структурам консультативной помощи в решении организационных вопросов, связанных с техническим обеспечением, охраной границы и подготовкой специалистов пограничной службы.

Серьезно ухудшились российско-узбекские отношения в области совместного обеспечения безопасности. Из-за особенностей политики администрации Б. Н. Ельцина в Центрально-Азиатском регионе в конце 1990-х гг. Узбекистан стал активно выстраивать стратегию, нацеленную в первую очередь на тесное сближение с США и НАТО. Соответственно интенсивность двухстороннего российско-узбекского военного сотрудничества в указанный период заметно снизилась, а само взаимодействие стало все чаще иметь протокольный характер, ограничиваясь ничем не значащими встречами и заседаниями. Одновременно

Узбекистан подписал ряд параллельных договоров и соглашений в области военного взаимодействия как с государствами СНГ, так и с рядом стран дальнего зарубежья. Хотя 11 декабря 1999 г. РФ и Республика Узбекистан подписали Договор о дальнейшем углублении всестороннего сотрудничества в военной и военно-технической областях, однако одновременно Узбекистан принял решение не участвовать в системе коллективной безопасности в рамках ДКБ. С приходом к власти в РФ В. В. Путина произошли определенные позитивные сдвиги в российско-узбекских отношениях, в том числе и в военной сфере. В то же время события 11 сентября 2001 г. еще больше усилили узбекско-американское взаимное тяготение [31].

Итогом миротворческой деятельности ООН и России по урегулированию межтаджикского конфликта стало подписание 27 июня 1997 г. в Москве Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане [28]. С этого времени Россия выступает гарантом гражданского мира в республике. После урегулирования межтаджикского конфликта 16 апреля 1999 г. Россия и Таджикистан подписали соглашение о сохранении присутствия российского пограничного отряда на территории республики и преобразовании 201-й российской дивизии, дислоцированной в Таджикистане, в военную базу [9].

На втором этапе, который пришелся на первые полтора десятилетия XXI столетия, при выстраивании двухсторонних отношений со странами Центральной Азии руководство РФ вынуждено учитывать их экономическую и военно-политическую значимость, стратегическую ориентацию, готовность считаться с законными интересами России, не нарушать права проживающих там российских соотечественников, наличие в регионе других геополитических акторов.

Непростой, многоплановый и динамичный характер носят отношения «стратегического партнерства» РФ в военной сфере с Казахстаном, который является единственным государством Центральной Азии, граничащим с Россией.

Российско-казахстанские отношения осложняются тем, что Казахстан все-таки занялся в середине 2000-х гг. воссозданием собственного оборонно-промышленного комплекса и привлек к нему различные иностранные государства [21, 67–69]. В принятой в 2007 г. новой военной доктрине Казахстана делалась серьезная ставка на укрепление отношений с Западом, в частности на военное сотрудничество с США и НАТО в обеспечении безопасности [3].

В то же время Казахстан за постсоветский период доказал стремление и готовность встать на путь ВТС с РФ. Министерство обороны Казахстана в первую очередь интересуют три направления ВТС с Россией: совершенствование системы ПВО, внедрение автоматизированных систем управления войсками и оружием, создание современных военно-морских сил на Каспии. В январе 2014 г. было подписано соглашение России и Казахстана о единой системе ПВО. Россия сегодня укрепляет казахстанскую и союзническую ПВО, имеет с Казахстаном совместные проекты по строительству боевых кораблей (СП «Зенит» в Уральске), мощности по обслуживанию вертолетов во всем Центрально-Азиатском регионе (соглашение о сотрудничестве ОАО «Вертолеты России» и АО «Авиаремонтный завод № 405»), по сборке грузовиков.

Эксперты отмечают, что до последних лет рынок вооружений Казахстана не входил в приоритетный список для РФ, а в плане военного производства был и вовсе маргинален. Российский ОПК, напротив, играет критически ключевую роль в модернизации и развитии вооружений и военной техники вооруженных сил Казахстана. С учетом многовекторной ориентации политики Казахстана вопрос о целесообразности оборонно-промышленного сотрудничества для РФ еще не снят с повестки: российские предприятия без труда заменят ОПК Казахстана внутренней кооперацией, а политические риски, в том числе риски утечки военных технологий, будут сохраняться. Казахстану еще предстоит убедить российских партнеров, что обе стороны одинаково понимают смысл «стратегического партнерства» [21, 75].

Отношения РФ с Кыргызской Республикой отличаются взаимопониманием и близостью подходов к актуальным вопросам международной политики, тесным двухсторонним взаимодействием. Развивая двухсторонние отношения с Кыргызстаном, РФ учитывала присутствие на ее территории войск стран — участниц международной антитеррористической коалиции.

В 2002 г. Россия и Кыргызстан подписали Соглашение о сотрудничестве в области безопасности. Знаковым событием в российско-кыргызском военном сотрудничестве стало открытие на территории Кыргызстана авиабазы в г. Кант. В сентябре 2003 г. министры обороны России и Кыргызстана подписали Договор о статусе и условиях пребывания авиабазы в Кыргызской Республике [31].

В октябре 2003 г. президент России В. В. Путин лично провел церемонию открытия новой российской авиационной базы в Киргизии, расположенной всего лишь в нескольких километрах от базы ВВС США в Манасе. Иностранные эксперты утверждают, что факт открытия первой с момента распада СССР российской военной базы на иностранной территории именно в этом месте может говорить об усилении геополитического соревнования в регионе, а также может быть расценен как попытка уравновесить растущее влияние США в Центральной Азии [44]. При этом президент В. В. Путин разъяснил, что не видит причин для соперничества и противоречий, так как эти две авиабазы имеют совершенно различное назначение. В то же время В. В. Путин заявил агентству Интерфакс, что «база в “Манасе” является временной, в то время как новая российская база заработала на постоянной основе» [45].

За 2000-е гг. между Киргизией и Россией было подписано более 40 соглашений на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях по различным направлениям военного сотрудничества. Учитывая заинтересованность российского военного ведомства в сохранении некоторых военных объектов, расположенных на территории Кыргызской Республики, был заключен ряд международно-правовых актов, в соответствии с которыми в настоящее время на территории Киргизии функционируют четыре российских военных объекта: испытательная база противолодочного вооружения; узел связи ВМФ РФ; автономный сейсмический пункт службы специального контроля МО Российской Федерации; российская авиационная база в г. Кант. Предоставление Кыргызской Республикой своей территории для дислокации данных объектов ВС РФ является

в настоящее время основой российско-кыргызского взаимодействия в военной сфере. Арендная плата за размещение двух из них осуществляется поставками военно-технического имущества, а также предоставлением квот на обучение в российских военных вузах [33].

Военно-техническое сотрудничество между Россией и Кыргызстаном, как и в целом взаимодействие двух стран в сфере безопасности, характеризуется цикличностью. Если на середину 1990-х гг. пришелся его спад, то на начало нынешнего века — подъем. Одним из основных направлений развития российско-кыргызского ВТС при новом руководстве Кыргызстана на ближайшую перспективу является проведение модернизации находящихся на вооружении ВС Кыргызстана средств ПВО и замены устаревшей техники на более современные зенитно-ракетные комплексы С-300 ПМУ 2 «Фаворит» [31].

Новое руководство Кыргызстана в июле 2014 г. закрыло авиабазу «Манас», территория и инфраструктура были переданы Национальной гвардии Кыргызстана [4].

Динамичный и непростой характер носят российско-таджикские отношения. Превращение Таджикистана в богатую, политически стабильную и процветающую страну и самодостаточное государство с наступлением 2000-х гг. было объявлено общенациональной задачей. Этой цели, поставленной Э. Рахмоном, всецело подчинен его модернизированный на рубеже 2002–2003 гг. самостоятельный и конструктивный политический курс во внешних делах [36, 26].

В июле 2005 г. российские пограничники, за исключением группы советников пограничной службы ФСБ из 300 человек, были выведены из Таджикистана, а граница страны перешла под национальный контроль [42, 27].

Дальнейшее расширение получило ВТС между РФ и Таджикистаном. На территории Республики Таджикистан сохраняется российское присутствие в виде крупной военной базы и объектов военной инфраструктуры. В июне 2004 г. Россия и Таджикистан согласились образовать постоянную базу. В августе 2004 г. президенты двух стран подписали соответствующее соглашение, взамен 201-й дивизии была образована 201-я военная база. Объекты базы расположены в трех крупных населенных пунктах — Душанбе, Курган-Тюбе и Кулябе. Численность дивизии (теперь базы) — около 6,5 тыс. человек, из которых 15 % составляют уроженцы Таджикистана. Однако численность военнослужащих не соответствует статусу базы. В дальнейшем планировалось возвратить состав к 8,5 тыс. человек (какова была численность дивизии). В составе базы у России имелось три мотострелковых полка, артиллерийский полк, танковый батальон и подразделения боевого обеспечения, в том числе отдельная вертолетная эскадрилья и авиационная группа. В практическом плане подразделения дивизии задействованы в прикрытии 11 оперативных направлений таджикско-афганской границы, в охране ряда важных объектов страны и российских учреждений. Дивизия имеет силы и средства ПВО. Однако совместное дежурство с ПВО Таджикистана не налажено, есть лишь разделение по зонам ответственности и взаимодействие [Там же, 25].

Также Россия получила в собственность станцию «Нурек», списав за это государственный долг Таджикистана перед Россией. Земля, на которой расположена

станция, была арендована на 49 лет с символической платой 30 американских центов в год [19].

За присутствие военной базы России пришлось взять на себя не только финансовые обязательства, но и модернизацию ВС Таджикистана. Военные ведомства России и Таджикистана рассматривают возможность создания в республике регионального центра по ремонту и модернизации артиллерийских систем и бронетанковой техники. Разумеется, речь идет о российском финансировании данного проекта [29].

После революционной смены власти в Кыргызстане, андижанских событий в Узбекистане официальный Душанбе, желая сохранить власть, осознал необходимость поддержания боеготовности ВС. Учитывая это и то, что все вооружения Таджикистана российские, очевидным решением стало перевооружение армии за счет российской стороны. Тем более что Душанбе связан с Москвой и Соглашением о сотрудничестве в области организации производства, ремонта и утилизации вооружений и военной техники. Для Душанбе это принципиально важно, учитывая, что в республике нет собственных заводов по производству вооружений, как нет и финансовых средств для их закупки за рубежом. Россия дала понять, что перевооружение таджикских войск произойдет путем передачи им боевой техники и вооружения российской базы. Сама же 201-я база будет полностью перевооружена и оснащена новейшими образцами вооружения и техники. Стоимость имеющихся вооружений российской военной базы оценивалась приблизительно в 1 млрд долл., что равно почти трети ВВП республики [22, 22].

Особое значение имеет тесное взаимодействие России и Таджикистана в коллективных антитеррористических программах. Российско-таджикские отношения строятся на основе союзнического взаимодействия и стратегического партнерства. Таджикистан связывают с Россией военно-политическое союзничество в рамках ОДКБ. Это вполне вписывается в концепцию формирования новой, полицентричной международной системы.

Сохраняющееся военное и пограничное сотрудничество двух стран нацелено на борьбу с международным терроризмом, экстремизмом и наркоагрессией, на обеспечение безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Душанбе участвует во всех военных программах России и считает себя одним из самых верных союзников России, который никогда не размещал на своей территории американских военных баз и не форсировал военное сотрудничество с НАТО. России важно сохранение за собой Таджикистана, а значит, стремление Душанбе связывать решение экономических проблем с расширением военного сотрудничества и его намеки на возможность присутствия на территории страны американской базы будут и дальше заставлять Москву идти на многие условия Душанбе [42, 34].

На фоне постепенного разочарования в эффективности политики США как в Афганистане, так и в Центрально-Азиатском регионе в целом Узбекистан начал предпринимать системные шаги по восстановлению отношений с Москвой. Российско-узбекские отношения подтвердили курс на наращивание взаимодействия, расширение взаимовыгодного сотрудничества в различных областях, включая и ВТС [34]. 16 июня 2004 г. Узбекистан и РФ подписали Договор о стратегическом

партнерстве, а 14 ноября 2005 г. — Договор о союзнических отношениях. Согласно данному договору Россия и Узбекистан гарантируют оказание взаимной поддержки в случае совершения акта агрессии против одной из сторон; другая сторона в порядке осуществления права на коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН предоставляет ей необходимую помощь, включая военную, а также оказывает поддержку иными находящимися в ее распоряжении средствами. Москва и Ташкент договорились также активно взаимодействовать в плане модернизации и реформирования вооруженных сил Узбекистана, их оснащения современным вооружением, подготовки в РФ офицерских кадров для узбекской армии и проведения совместных мероприятий по боевой подготовке.

В 2005 г. на узбекском горном полигоне «Фариш» (Джизакская область) было проведено первое совместное тактическое учение спецподразделений ВС России и Узбекистана, в котором приняли участие 200 российских военнослужащих из состава спецподразделений ГРУ ГШ ВС РФ, а с узбекской стороны — ряд подразделений и артиллерийские расчеты. Кроме спецназа на узбекском полигоне действовали также российские вертолетчики на Ми-8 и Ми-24. Учения аналогичного профиля «Боевое братство-2006» в 2006 г. прошли на полигоне Северокавказского военного округа России (Краснодарский край). Как было отмечено руководством военных ведомств двух стран, подобные учения актуальны как для России, так и для Узбекистана. Опыт подразделений узбекского горного спецназа, который он получил при отражении нападений боевиков ИДУ в 1999–2000 гг., является во многом уникальным. А для узбекской армии действия российских тактических воздушных десантов с вертолетов, опробованные в боевых операциях на территории Чечни, тоже представляют серьезный интерес. Кроме того, в конце 2007 г. военные ведомства двух стран достигли соглашения о ежегодных, начиная с 2008 г., совместных тренировках специалистов ПВО и ВВС на российском полигоне «Ашудук» (Астраханская область) [31].

29 июня 2015 г. в Санкт-Петербурге в рамках Совещания министров обороны государств — членов ШОС состоялась встреча заместителя министра обороны РФ А. Антонова с заместителем министра обороны Республики Узбекистан Нурмухаммадом Муллабаевым. Была подчеркнута важность поиска новых форм и направлений военных контактов, которые отвечают интересам обеспечения национальной безопасности государств, а также достигнуты договоренности о продолжении диалога по всему спектру российско-узбекских отношений в военной области [35].

В целом российско-узбекское сотрудничество в военной сфере достаточно полно отражает современный характер взаимодействия между двумя странами по всему комплексу вопросов двусторонних отношений. Москва проявляет заинтересованность в данном направлении, поскольку Узбекистан является одним из ключевых звеньев в системе региональной безопасности. Узбекистан, в свою очередь, заявляя о приверженности стратегическому партнерству с Россией и поддерживая достаточно тесные военные отношения с Москвой, одновременно старается развивать сотрудничество в военной сфере и с другими странами, исходя из своих национальных интересов.

Двусторонние международные договоры для Российской Федерации стали актуальными в 1992 г., когда Россия, выступив в качестве правопреемника СССР, начала заключать, как самостоятельное государство, соглашения об укреплении безопасности со своими соседями. В Центрально-Азиатском регионе двусторонние договоры не заменяют многосторонние соглашения, такие как Ташкентский договор от 15 мая 1992 г. и договор об ОДКБ 2001 г., а дополняют их, наполняя двусторонние отношения конкретным содержанием. В настоящее время Россия и Казахстан оказались в числе лидеров в СНГ по степени развития двусторонних отношений в военной сфере. Опыт сотрудничества России и Казахстана, накопленный в 1990-е гг., наглядно продемонстрировал, как многие важнейшие и сложнейшие проблемы, возникавшие между Россией и Казахстаном, решались не только из-за объективной необходимости в сотрудничестве, но и благодаря доброй воле, проявляемой лидерами обоих государств, умевших идти на компромиссы. Оставшиеся с советского времени связующие элементы, такие как общая инфраструктура, приграничные, военные и культурные связи, заложили основу для качественного и взаимовыгодного сотрудничества, подкрепленного договорно-правовой базой, для дальнейшего развития в XXI в.

1. *Казанцев А.* Отношения независимой Киргизии и России: настоящее и будущее [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=70#top-content (дата обращения: 15.09.2016).
2. Бюллетень международных договоров. 1994. № 10, 11.
3. Военная доктрина Республики Казахстан от 21.03.2007 № 299 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=03546&all=all> (дата обращения: 18.10.2016).
4. Военных США сменяют киргизские гвардейцы [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/06/04/manas.html> (дата обращения: 16.09.2016).
5. Декларация о дальнейшем укреплении и расширении всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан (принята в г. Москве 07.09.1995) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/11164> (дата обращения: 16.09.2016).
6. Декларация о развитии и углублении всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/12210> (дата обращения: 16.09.2016).
7. Дипломатический вестник. 1992. № 17–18.
8. Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве // Казахстанско-российские отношения, 1991–1995 годы : сб. док. и материалов. Алматы ; М., 1996.
9. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан // Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М., 2011.
10. Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о сотрудничестве в сфере охраны государственной границы и о статусе военнослужащих Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Туркменистана, на переходный период (Ашгабат, 27 августа 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://dokipedia.ru/document/5191617> (дата обращения: 16.09.2016).
11. Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/13568> (дата обращения: 16.09.2016).

12. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан // Международные отношения в Центральной Азии: События и документы.

13. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901728231> (дата обращения: 16.10.2016).

14. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/12813> (дата обращения: 16.09.2016).

15. Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Туркменистаном [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=18318 (дата обращения: 16.09.2016).

16. Единство вооруженных сил и разногласия президентов СНГ // Независимая газета. 1992. 21 янв.

17. Известия. 1995. 21 янв.

18. Казахстанско-российские отношения, 1991–2000 гг.: сб. док. и материалов. Астана, 2001.

19. *Каршибоев Н., Панфилова В., Плугатарев И.* В Таджикистане появилась военная база РФ // Независимая газета. 2004. 18 окт.

20. *Кисельман В.* Егор Гайдар: нет никаких препятствий для всестороннего развития отношений с Таджикистаном // Коммерсант-deily. 1992. 13 окт.

21. *Козюлин В.* Военно-техническое сотрудничество России и Казахстана: вместе, но порознь // Казахстан в глобальных процессах. 2014. № 1.

22. *Козюлин В.* Государства Центральной Азии: развитие вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества с Россией // Индекс безопасности. 2007. № 3(83).

23. *Кузнецов В., Назаров А.* Радиационное наследие холодной войны: опыт историко-научного наследия. М., 2006.

24. *Кутнаева Н.* Проблемы и перспективы развития центральноазиатской зоны, свободной от ядерного оружия. Бишкек, 2014.

25. *Логачев В. А.* Мирные ядерные взрывы: Обеспечение общей и радиационной безопасности. М., 2001.

26. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы.

27. *Назарбаев Н. А.* Евразийский союз: идеи, практика, перспективы, 1994–1997. М., 1997.

28. Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, Москва, 27 июня 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/unmotagr.htm> (дата обращения: 17.09.2016).

29. *Орлов А.* Российско-таджикское сотрудничество // Военно-промышленный курьер. 2004. № 5(22). 11–17 февр.

30. *Панфилов О.* Памирская революция началась в декабре // Независимая газета. 1991. 7 дек.

31. *Парамонов В., Столтовский О.* Двустороннее сотрудничество России и Кыргызстана в военной сфере [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ceasia.ru/bezopasnost/dvustoronnee-sotrudnichestvo-rossii-i-kirgizstana-v-voennoy-sfere.html> (дата обращения: 16.09.2016).

32. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/50/80 «Постоянный нейтралитет Туркменистана» // Международные отношения в Центральной Азии: События и документы.

33. Российско-киргизское военное и военно-техническое сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <http://rusinkg.ru/rf-i-kr/article/36-otnosheniya-rf-i-kr/145-rossijsko-kirgizskoe-voennoe-i-voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 16.09.2016).

34. Россия в Средней Азии и на Кавказе: «центр силы» постсоветского пространства (доклад) [Электронный ресурс]. URL: www.transcaspian.ru/cgi-bin/web.exe/19762.html (дата обращения: 17.09.2016).

35. Россия и Узбекистан в сфере военного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/46207> (дата обращения: 17.09.2016).

36. *Саидов З. III.* Таджикистан: межгосударственные отношения в период становления внешней политики. 6-е изд. Душанбе, 2013.

37. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о командировании российских военных советников и специалистов в Республику Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29059 (дата обращения: 16.09.2016).

38. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан (Москва, 20 января 1995 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1119652/> (дата обращения: 16.09.2016).

39. Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией об условиях использования и аренды полигона «Эмба» // Красная звезда. 1998. 31 марта.

40. Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией об условиях использования и аренды испытательного полигона «Сары-Шаган» и обеспечения жизнедеятельности Приозерска // Красная звезда. 1998. 31 марта.

41. Соглашение о коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению от 24 сентября 1993 года [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7355 (дата обращения: 16.09.2016).

42. *Старчак М. В.* США vs Россия в сотрудничестве с Таджикистаном в военно-политической сфере // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 3(63).

43. *Токаев К. К.* Преодоление: Дипломатические очерки. Алма-Ата, 2003.

44. *Винсен де Кутсноттер.* Большая игра в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36122> (дата обращения: 18.10.2016).

45. *Utyaganova M.* Opening of Russian Airbase in Kyrgyzstan // Analyst. Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University. 2003. Nov. 5.

Рукопись поступила в редакцию 14 февраля 2017 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008 + 316.722

Ю. В. Гудова

КУЛЬТУРА ИМПЕРИИ, ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА, КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ: ОСМЫСЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

В статье рассматривается многообразие научных подходов, изучающих культуру империй, имперскую культуру и культурный империализм. Обсуждаются достоинства и недостатки исторического и политологического подходов к изучению социокультурных и ментально-антропологических аспектов бытия современных форм империй и империализма. Делается вывод, что системно-структурный подход является наиболее продуктивным для исследования системы культуры и империи. На основе этого подхода предложена культурфилософская модель анализа имперской культуры, культуры империи и культурного империализма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: империя, культура империи, имперская культура, культурный империализм.

Актуальность проблемы. В XXI в. ученые-обществоведы отмечают, что соревнование между странами за доминирующее положение на международной арене идет не только в военной, политической и экономической сферах, но и в сфере культуры. Так, один из авторитетных экспертов в сфере новых имперских отношений, Герфрид Мюнклер, пишет, что «неизбежное тяготение к первенству сегодня проявляется... в сфере науки... и развлекательной индустрии. Нобелевские премии, рейтинги университетов, олимпийский медальный зачет и присуждение “Оскаров” раз за разом становятся тестом, оценивающим имперскую soft power» [9, 68]. Многие другие мыслители, говоря о культурном империализме, подразумевают прежде всего культурное доминирование США над остальным миром (Г. Филимонов, Н. Цветкова, Д. Шиллер) и называют США новой империей или империей нового типа. Именно распространение культуры США по всему миру во многом позволяет говорить об актуальности изучения империи и империализма с точки зрения философии культуры. Как мы можем видеть, массовая художественная культура, а также технические достижения (компьютеры Apple

и программное обеспечение Майкрософт), бренды одежды, медиаресурсы США распространены по всему миру. Национальные команды США занимают первые места на различных спортивных соревнованиях, большинство важных научных открытий происходит на территории Америки. Все это делает США одной из важнейших стран на международной арене, о чем пишут многие эксперты, называя Америку гегемоном или империей.

Эти наблюдения заставляют обратить внимание на два обстоятельства, и оба они напрямую связаны с фактором культуры. Во-первых, в условиях распада империй как особых государственных образований концепт «империя» не только не прекратил свое существование, но, существенно изменившись, приобрел новую актуальность и обладает способностью прояснять многие социокультурные процессы современности. Во-вторых, сдвиг исследовательского внимания к культурным аспектам процессов доминирования, распределения ресурсов, борьбы за влияние также оказывается связанным с семантикой концептов «империя» или «имперское». В современном обществе «империя» и «имперское» трансформируются в такое важное для понимания культурного доминирования явление, которое сначала Эдвард Саид, а затем и Герфрид Мюнклер назвали *культурным империализмом*.

Актуальность темы нашего исследования очень точно схвачена в названии книги Э. Саида «Культура и империализм», где оба понятия выступают во взаимной, равнозначной обусловленности. Согласно изложенной в этом труде концепции культурный империализм существует и проявляется в XX–XXI вв. в ситуации постколониализма, когда империй и колоний в классическом историко-политологическом понимании практически не существует, но одни страны продолжают оказывать сильное воздействие на другие, действуя мирным путем и посредством культурного доминирования.

Э. Саид, как глубокий, философски мыслящий литературовед, главное внимание при анализе культурного империализма уделял такому важному символическому компоненту «мягкой власти» империи, как литература, и пристально изучал становление имперского сознания и способы его распространения в английском колониальном романе викторианской эпохи, на чем и построено его знаменитое исследование. С точки зрения Г. Мюнклера, имперское доминирование в принципе включает в себя превосходство в четырех важнейших сферах межгосударственного взаимодействия — в политической, экономической, военной и культурной. Соответственно этой структуре Г. Мюнклер выделяет разновидности современного империализма: это «инвестиционный» (экономический) империализм, «сетевой» (политический) империализм и «культурный» империализм.

Как одна из разновидностей современного империализма, культурный империализм интересует Г. Мюнклера менее других и не является объектом специального анализа, поскольку он не ведет к непосредственному военному противостоянию и/или доминированию. Таким образом, военный, политический, экономический и культурный империализмы являются составными частями явления империализма в целом, но ни один из этих ученых не обосновал понятие культурного империализма исходя из системного понимания культуры как сложно организованной и развивающейся целостности, определяющей все взаимосвязанные элементы

устройства общества и государства. Тем не менее, введя понятие культурного империализма как центральное в понимании современности, названные выше ученые тем самым подчеркнули значение культурных компонентов в системе империи и империализма в целом, в том числе и в отношении исследования империй прошлого, задав тем самым новый *культурфилософский подход к их изучению*.

Степень изученности проблемы. Основные подходы. Империю и империализм изучали ученые на протяжении большого периода времени с точки зрения разных научно-методологических подходов. Один из наиболее часто встречающихся в исследованиях империи и империализма подходов — *исторический*. Мы особо выделяем работу историка В. Е. Матвеева, потому что предметом его анализа стали не объективные факты, события или процессы, а концепты, что делает результаты исследования методологически привлекательными и полезными. В. Е. Матвеев в своей кандидатской диссертации исследовал более 1000 научных публикаций за период 1989–2006 гг., посвященных изучению концепта «империя», и выделил определения империи и ее ключевые характеристики. В 1990-х гг. империя в отечественной историографии понималась как форма государства [8, 15]. В конце 1990-х исследователи отмечали, что в своей основе империя имеет принципы уникальности и единичности [Там же, 16] и одной из важных характеристик империи является «воспроизводящийся процесс “вчинения” единого нивелирующего режима от центра к периферии» [Там же, 17]. В начале XXI в. империю начинают изучать «с точки зрения (мета) концептов: фронтир, миф, диаспора, память, война, язык, родина, слово, гендер, компаратив, эмоции, архив, государство-сад» [Там же, 19].

В. Е. Матвеев также отмечает характерную для современной науки ситуацию, когда «само определение империи и производные от него используют все, но о содержании, смысле его договориться, по большому счету, не удается» [Там же, 6]. По его мнению, не существует универсального содержания концепта «империя», которое можно было бы применить к любой эпохе, так как государства возникают в разных исторических условиях. Накоплен огромный эмпирический материал, соответствующий *многообразию вариантов выделения структурных элементов империи*. Систематизация материала чаще всего обходится бинарными оппозициями: метрополия/колония (Э. Саид) [10], центр/периферия (Г. Мюнклер) [9], развитые страны/слабые социальные группы (Д. Вольтер) [19] и т. п. В качестве примера исследований, анализирующих отличительные черты империй, можно назвать работы «Австро-Венгрия: судьба империи» (А. Шарый, Я. Шимов) [11] или «История упадка и крушения Римской империи» (Э. Гиббон) [2].

Исторический подход позволяет собрать и систематизировать огромное количество эмпирического материала, но изнутри него сложно вычленить значимость и автономность культурно-символических компонентов, а также объяснить способы культурного доминирования.

Второй широко распространенный подход к изучению империи — *политологический*. Российский политолог С. И. Каспэ в своей работе «Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика» обобщает определения

и характеристики империи, которые выделяют некоторые ученые. Так, он приводит определение империи Ш. Н. Айзенштада: «Термин “империя” обычно используется для обозначения политической системы, охватывающей большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывал автономную единицу» [7]. Самой империи, по А. Шопар-Ле Бра, присущи следующие характеристики [Там же]:

- 1) территория империи должна быть существенно больше, чем средняя для этой эпохи и региона;
- 2) империя этнически неоднородна;
- 3) империя имеет относительно большую временную протяженность;
- 4) власть в империи монолитна и находится в руках одного лица или одной партии;
- 5) империи свойственно стремление к неограниченной гегемонии.

Обратим внимание на то, что по крайней мере четыре пункта из пяти имеют относительный, а не универсальный характер, их выделение ограничено рамками определенного, хотя и весьма протяженного, исторического периода.

Ценность политологического подхода заключается, на наш взгляд, в том, что здесь в центр внимания попадают символические ресурсы, так как политический аспект непосредственно включает в себя изучение структуры и механизмов осуществления власти. С. И. Каспэ упоминает теорию Л. С. Гатаговой. В этой теории она, характеризуя империю, говорит о важности культурных составляющих, таких как сакральная власть и идеология, роль которой, по ее мнению, может выполнять религия [Там же].

В рамках исторического и политологического подходов исследователи рассматривают империю как форму государственности или политическую систему. Особое значение придается определению специфики *понятия доминирования*. При этом многие исследователи выделяют важные культурно-символические аспекты существования империи, например, мифологичность имперского сознания, имперские символы, имперский язык, искусство и многое другое.

Имперская культура, культура империи. В историческом и политологическом подходах сложилось различие таких концептов, как «*имперская культура*» (imperial) и «*культура империи*» (Empire). Можно утверждать, что культура империи — традиционный предмет изучения исторической науки, а имперская культура скорее тяготеет к предмету интереса политологов. Философ Ю. М. Аксютин утверждает, что с точки зрения этих подходов «империя является «трансгосударственной, транскультурной и транснациональной конструкцией» [1, 4]. С точки зрения политологического подхода империя — это «сложносоставное политическое сообщество, инкорпорировавшее в себя малые политические единицы» [Там же]. С точки зрения историко-политологического подхода империя — это «этап в процессе становления транснациональных систем государственности» [Там же]. Префикс «*транс-*», применяемый Ю. М. Аксютиним, интересен тем, что сдвигает основное определение империи с оси доминирование/подчинение

на другое измерение, в котором отношения господства и подчинения оказываются не главными, а на первый план выходят объединяющее начало, системы связей и коммуникаций, пересечения границ.

Не случайно этот сдвиг в сторону изучения структур в оптике «транс» ставляет Аксютину обратить внимание на концепт «имперская культура» как концентрирующий в себе именно транснациональные связи. Изучив большой ряд источников, касающихся этой проблемы, Аксютин выделяет три подхода к определению термина «имперская культура»:

1) в рамках первого подхода «отождествляются имперская культура и формы общественного сознания империи» [1, 5];

2) второй подход является психолого-антропологическим. В этом контексте имперская культура — это «проявление психоментальных установок культуры конкретного этноса, доминирующая роль которого в определенных условиях становится магнетически притягательной для иных этнических и национальных культур» [Там же];

3) третий подход определяют имперскую культуру как «инструмент воздействия элит на массы» [Там же].

Ю. М. Аксютин отмечает, что концепт «имперская культура» начал активно изучаться в 1990-е гг., но и в начале 2000-х теория имперской культуры все равно носит фрагментарный характер. Подтверждение этого тезиса мы находим в работе Г. Мюнклера (2005), где он не уделяет большого внимания описанию имперской культуры как системного явления, а предлагает очертить лишь его внешние контуры. Он утверждает, что необходимо отличать имперскую культуру от культуры империи, и предлагает это делать на основании *аксиологических акцентов*. Так, если культура государства, имеющего имперскую форму правления, описывается как система артефактов, *равная другим* сосуществующим культурам, то это культура империи. Если в культуре государства акцент делается на доминировании и обосновании превосходства этого государства над другими, то это уже позволяет говорить об имперских амбициях и имперской миссии, составляющих суть имперской культуры. И культура империи, и имперская культура характеризуют империю как транснациональное политико-социокультурное образование. Устойчивое функционирование таких сложных систем без культурных компонентов власти, по мнению Г. Мюнклера, невозможно.

Культурный империализм. Культурный империализм, о необходимости пристального изучения разнообразных вариантов которого говорил в XX в. Э. Саид, в наши дни исследуют Ч. Шиллер [17, 18], П. Голдинг [13], С. П. Майнс [14], П. Харрис [13], Дал Йонг Джин [12], Ф. Помпер [16] и др. Все авторы рассматривают культурный империализм, исходя из разных оснований, концепций и установок. Например, К. Оффен основывается на результатах художественной деятельности, Д. Блэйкмар за основу берет концепт визуальной эпистемологии, Э. Саид — теорию власти и доминирования, С. П. Майнс — культурно-топологические характеристики. Мы предлагаем объединить эти концепции в рамках системно-структурного подхода и выделить одно общее основание — особое

качество функционирования системы культуры и империи, которое мы обозначили как *варианты репрезентации*.

Существует ряд теорий, которые занимаются изучением культурного империализма с точки зрения человека — субъекта культуры и результатов *художественной деятельности*, например, исследования, в которых в качестве репрезентативного воплощения империй рассматривается визуальное искусство. Так, Карл Оффен делает обзор многочисленных научных работ, где специально исследуются репрезентации империй в визуальных формах искусства на примере Испанской и Британской империй [15]. Он отмечает, что эти работы могут быть прочитаны как реакция на призыв Эдварда Саида в «Культуре и империализме» изучать историю западной культуры как глубоко запутанный процесс борьбы различных империй и постоянных имперских экспансий. Именно поэтому учеными рассматриваются архитектурные и скульптурные сооружения, картины, печатная продукция в качестве способов визуальной репрезентации имперского характера культуры.

Сторонница данного аспекта исследований Даниела Блэйкмар вводит понятие «визуальной эпистемологии» империи. Согласно этой концепции визуальный образ — это графическая форма коммуникации, посредством которой империи осуществляют администрирование [Там же]. Автор выводит взаимосвязь между естественной историей, визуальной культурой и администрированием империи в испанском мире. Блэйкмар исследовала несколько тысяч нарисованных изображений, накопленных испанской Короной между 1770-ми и ранними 1800-ми гг. Она изучала картины, представляющие визуальную культуру естественной истории, и пришла к выводу, что эта культура имела *общедоступный визуальный язык*, что делало ее идеологию глобальной в пределах испанского мира (Испания, Португалия, Латинская Америка, островные государства Атлантического и Тихого океанов).

Также существуют теории, которые изучают культурный империализм с точки зрения *взаимодействия культуры и общества*. Э. Саид определяет феномен «культурного империализма» как многостороннее культурное подавление, в результате которого доминирующая культура вытесняет и подавляет все проявления подчиняемой культуры — от высоких до низовых, от личного до общественного, от системы ценностей до потребительских интересов, от символов и ритуалов до их имитаций в массовом искусстве. Именно культура как целостность формирует имперские чувства, мысли и воображение.

Для Э. Саида важное значение в становлении культурного империализма Великой Британской империи играли английские *романы* как пример репрезентации империализма. В ходе своего исследования он показал, что британское доминирование было отрефлексировано и выработано в английском романе, то есть подготовка к утверждению империи произошла именно в сфере культуры. Э. Саид считал, что прежде чем возникнет империя как политико-экономическое явление, она должна возникнуть в сознании колонизаторов. При этом ученый отмечал, что империалистическая идеология — это гибкая система, которая реагирует на все политические импульсы, в том числе и, например, заложенные в английском романе.

Для С. П. Майнса [14] культурный империализм — важный фактор для производства *воображаемых географий*, которые развивают понимание места и идентичности, поскольку в его концепции культурный империализм понимается как «процесс диспропорционального влияния на социальные практики и идеологии одной социополитической группы на практики и идеологии политически более слабых и часто менее здоровых групп» [14]. Опять же, возвращаясь к Мюнклеру, именно такое понимание идентичности позволяет центру удержать периферию.

Все названные концепции имеют разные основания, но мы их предлагаем объединить понятием *репрезентации символической власти*. Концепции Э. Саида и С. П. Майнса, Д. Блэйкмар, К. Оффен схожи в том, что для них источником и основанием культурного империализма является *сфера символического, а именно языковые, литературные, визуальные, пластические репрезентации*, которые являются ключевыми компонентами в создании и культурной репродукции империалистских идентичностей и практик.

Каждый из перечисленных подходов рассматривает только одну сторону культурной жизни империи: ментальную, функциональную, стратифицирующую или аксиологическую. На наш взгляд, все эти подходы должны дополнять друг друга, основываясь на мощном едином основании. Для философии культуры таким подходом-основанием является *системный подход* к исследованию культуры, обоснованный М. С. Каганом в его работе «Философия культуры» [6]. М. С. Каган разработал свою концепцию культуры, которая заключается в том, что культура понимается как система. Один из важных для нас аспектов этой концепции заключается в изучении субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий в культуре. На основе этой концепции мы можем рассмотреть имперскую культуру, культуру империй и культурный империализм с точки зрения субъектного, функционального и предметного анализа.

Л. А. Закс развивает эту концепцию в своих статьях [3–5]. В концепции культуры Л. А. Закса [3] мы выделяем важную для нашего исследования категорию социальной формы организации культуры. Л. А. Закс дает определение таким формам: это «незримые органичные силы, которые характеризуются устойчивым, повторяющимся, воспроизводимым, массовым характером» [Там же]. Социальные формы организации культуры объективны, антропологичны и универсальны. Выделяются *три основные социальные формы*: социальные институты, социокультурные формы общения и формы индивидуального поведения. Они включают в себя идеологию, нормы, обычаи, традиции, социальные статусы, социальные роли, социальные идентичности. В этой концепции методологически значимой для нас является идея социальной универсальности и всеохватности культуры, представленной повсеместно и обеспечивающей все основные типы потребностей общества и человека и все основные сферы их жизни.

Таким образом, следуя концепциям культуры М. С. Кагана и Л. А. Закса, мы можем в рамках системно-структурного подхода предложить культурфилософскую модель анализа культуры империи, имперской культуры и культурного империализма как особых антропологических (человек — объект и человек — субъект культуры) социальных форм.

Культурфилософская модель анализа имперской культуры, культуры империи и культурного империализма. Взгляд с точки зрения системно-структурного подхода на существующие в России и за рубежом частно-научные концепции и идеи позволил построить модель культурфилософского анализа взаимоотношений систем империи и культуры, при котором культура понимается как источник символической власти империи в соответствии с вышеупомянутыми концепциями М. С. Кагана и Л. А. Закса.

Такая модель состоит из следующих содержательных моментов: субъектов культуры, деятельности этих субъектов в рамках социально-организующей и социально-коммуникативной подсистем культуры и предметов, возникающих в ходе деятельности.

Во-первых, культура империи характеризуется особой имперской субъектностью. Субъектность имперской культуры — это множественное образование, состоящее из трех уровней: 1) культуры имперского этноса, которая направлена на снятие этнокультурных противоречий ведомых этносов в рамках единой социокультурной системы; 2) культуры различных сфер общественной жизни, формируемой имперски настроенной элитой (коллективный агент империи) в целях внедрения имперской культуры в сознание масс (коллективных адептов империи); 3) культуры, создаваемой и поддерживаемой индивидами-пассионариями (индивидуальные агенты империи) в целях исполнения личного долга служения империи («строители империи» в Соединенном Королевстве, «служивые люди» в Российской империи, «люди с длинными волосами» в Монголии, самураи в Японии [1]).

Имперская субъектность как целостность включает ментально-психологические элементы имперскости, присущие индивидуальным и коллективным агентам и адептам империи, — это имперское сознание, имперская идеология (имперская идея, миссия, ценности, стратегия) и пропаганда (имперский миф), то, что создается, легитимируется и внедряется сознанием агентов и адептов империи.

Второй аспект бытия культуры империи — деятельностный. Функционирование культурного империализма включает социально-организующую и социально-коммуницирующую деятельность: 1) агенты символической имперской власти присваивают эту власть, распоряжаются и манипулируют ею, утверждают в статусе имперских элит; адепты символической имперской власти (ведомые этносы, массовое население империи, обыватели) осуществляют практики имперской повседневности, подчиняясь логике существования имперской культуры; 2) агенты и адепты символической имперской власти коммуницируют между собой таким образом, что социально-коммуникативная подсистема имперской культуры порождает коммуникационный империализм, при котором империи принадлежат приоритетные права в финансировании и производстве доминирующих коммуникационных сетей, средств и контента.

Третий аспект существования культуры империи — это особая имперская предметность. Она включает в себя предметно-вещный ряд, манифестирующий, репрезентирующий и символизирующий власть империи в сфере культуры,

и представлена в единстве визуального, вербального и медийного нарративов. Имперская элита визуализирует имперские идеи и ценности в форме архитектурных ансамблей и скульптурно-мемориальных комплексов, картин, гравюр, книжной графики, графических элементов в декоративно-прикладном искусстве (включая денежные знаки, гербы и геральдику, флаги и т. д.), в открытках и марках, прочей почтовой и писчей продукции, картографических изображениях. Вербальные нарративы также опредмечивают цели и ценности, идеи и нормы, образы и образцы имперской жизни во всех жанрах поэзии и прозы, драмы, фольклора и постфольклора и т. д.

В ходе исследования мы вывели многомерную и многоуровневую культурфилософскую модель анализа имперской культуры, культуры империи и культурного империализма. Эта модель обладает большим эвристическим потенциалом. Она позволяет изучать феномены культуры и империи в любой из выделенных социальных форм бытия и объяснять каждый из отдельно взятых элементов культуры с точки зрения функционирования всей системы как целостности. На наш взгляд, в рамках данной модели возможно наиболее полно и многомерно изучить особенности взаимоотношений двух ключевых для понимания бытия человека и общества систем, какими являются империя и культура.

-
1. *Акютин Ю. М.* Имперская культура: система ценностей, символы, ритуал : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009.
  2. *Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи. М., 2002.
  3. *Закс Л. А.* Социально-организующая культура и ее роль в историко-культурных исследованиях // Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ. СПб., 2012. № 3.
  4. *Закс Л. А.* Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология. СПб., 2013.
  5. *Закс Л. А.* Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы : сб. науч. ст. / ред.-сост. Г. Е. Зборовский. Екатеринбург, 2013.
  6. *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996.
  7. *Каснэ С. И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5945 (дата обращения: 14.01.2017).
  8. *Матвеев В. Е.* Концепт «империя» в современной научной литературе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008.
  9. *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015.
  10. *Сауд Э.* Культура и империализм. СПб., 2012.
  11. *Шарый А., Шимов Я.* Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2015.
  12. *Dal Yong, Jin.* Reinterpretation of cultural Imperialism: emerging domestic market vs continuing US dominance // Mass Culture and Society. 2007. Vol. 29, № 5.
  13. *Golding P., Harris P.* (ed.) Beyond Cultural Imperialism. L., 1997.
  14. *Mains S. P.* Cultural Imperialism [Electronic resource] // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. Vol. 1. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080449104000821> (accessed: 27.02.2015).
  15. *Offen K.* The visual culture of empire // Journal of Historical Geography. 2014. Vol. 45 [Electronic resource]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305748814000899> (accessed: 02.03.2015).

16. *Pomper P.* The history and theory of empires // *History and Theory*. 2005. Vol. 44, № 4 [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/3590855> (accessed: 28.02.2015).
17. *Schiller D.* *Communication and Cultural Dominance*. N. Y., 1976.
18. *Schiller D.* *Mass communication and American Empire*. Oxford, 1992.
19. *Walter D.* Colonialism and Imperialism // *Encyclopedia of Violence, Peace, and Conflict* (Second Edition). 2008. Vol. 2 [Electronic resource]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780123739858000301> (accessed: 02.03.2015).

Рукопись поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.

ПЕРЕВОДЫ

УДК 1(092) + 128 + 115

АМВРОСИЙ ФЕОДОСИЙ МАКРОБИЙ КОММЕНТАРИЙ НА «СНОВИДЕНИЕ СЦИПИОНА» (2. 14, 1–16, 26)¹

Из философских сочинений конца Западной Римской империи самыми значительными были произведения латинских авторов, последователей философии Платона и неоплатоников. Феномен западного платонизма и неоплатонизма характеризуется тем, что его сторонники опирались на пифагорейско-платонические идеи, представленные в сюжете сновидения Сципиона из трактата Цицерона «О государстве». Главной фигурой здесь является Макробий Феодосий, который «ввел в научный оборот» этот цicerоновский сюжет и сделал его весьма популярным в последующее время, написав «Комментарий на «Сновидение Сципиона»».

О жизни Макробия (V в. н. э.) известно не так уж много. В исследовании М. С. Петровой суммированы все данные о нем и его сочинениях в виде краткой биографии². Комментарий Макробия рассматривается во многих работах — как в российских, так и в зарубежных, и во всех них, как правило, признается неоплатоническая направленность его воззрений. Во всяком случае, В. Х. Шталь замечает, что комментарий на сновидение Сципиона, принадлежащий Макробию, был наиболее важным источником платонизма на латинском Западе в Средние века³.

Переведенные главы трактата Макробия содержат защиту учения Платона о самодвижении души и опровержение доводов Аристотеля о неподвижности души.

К л ю ч е в ы е с л о в а: душа, движение, Платон, Аристотель.

14, 1. Но последнее заключение всех этих рассуждений о бессмертии души может остаться у того, кто не отбрасывает первую предпосылку, то есть [положение],

---

¹ Перевод с лат. сделан по изданию: *Macrobian Commentarii in Somnium Scipionis // Macrobius. Vol. 2. Leipzig, 1970.* Использовался также англ. перевод: *Macrobius. Commentary on the Dream of Scipio / Translated by W. H. Stahl. N. Y., 1952.*

² См.: *Петрова М. С. Макробий Феодосий и представления о душе и мироздании в Поздней Античности. М., 2007. С. 41.*

³ См.: *Macrobius. Commentary on the Dream of Scipio / Translated by W. H. Stahl. P. 10.*

что душа [сама] по себе движется. Ведь если эта [предпосылка] не принята на веру, то делается бессильным все, что [из нее] следует.

2. Притом (sed) к этому [же положению] приходит согласное [с ним] мнение (adsensio) именно стоиков, однако Аристотель до того не успокаивается [на этом], что пытается утверждать, будто душа не только сама собой не движется, но всецело не движется. Ибо он так доказывает искусными доводами, будто ничто само по себе не движется, что утверждает, что душа, в случае если бы он и допустил, будто что-нибудь это делает, все же этим [самодвижущимся] не является.

3. «Ведь если душа, — говорит он, — есть начало движения, то я учу, что начало движения не может двигаться». И он так приступает к разделению своего учения, что, во-первых, учит, будто в природе вещей есть нечто неподвижное; затем пытается доказать, что это [неподвижное] есть душа.

4. «Необходимо, — говорит он, — чтобы все, что существует, было либо неподвижным, либо все двигалось; или что-нибудь [одно] из этого двигалось, что-нибудь [другое] не двигалось». «Также, если мы допускаем, — рассуждает он, — и движение, и покой, необходимо, чтобы либо одно всегда двигалось, а другое никогда не двигалось, либо все разом то покоилось, то двигалось». «Давайте искать, — говорит он, — что из этого было бы более истинным».

5. Что не является все неподвижным, тому свидетельством является само зрение, потому что существует то, движение чего мы видим. С другой стороны, зрение, которым мы видим неподвижное, учит, что не все движется. Впрочем, мы и не можем сказать, будто все то пребывает в движении, то пребывает неподвижным, потому что существует то, чье вечное движение мы видим, как, например, нет никакого сомнения относительно небесных [тел, что они вечно движутся]. «Отсюда следует, — говорит он, — что, как они каким-то образом всегда движутся, так есть что-нибудь всегда неподвижное».

6. По поводу (ex) того, что сделано заключение, что есть нечто неподвижное, ни один [человек] не противится и не возражает. Ибо [это] разделение [на движущееся и неподвижное] и истинным является, и не противоречит платоновской школе, и действительно если что-нибудь является неподвижным, то [отсюда] не следует, что это есть душа, и [тот], кто говорит, что душа сама по себе движется, еще не утверждает, что все всецело движется, но прибавляет [тот] способ, каким душа движется. Если же есть что-нибудь другое неподвижное, то оно несколько не будет касаться того, что прибавляется о [движении] души.

7. Видя это (quod), Аристотель и сам, после того как преподавал, что существует нечто неподвижное, хочет преподавать, что это [неподвижное] есть душа, и принимает утверждать, будто нет ничего, что само собою могло бы двигаться, но все, что движется, движется от другого. Если бы он это (quod) поистине доказал, то ничего бы не оставалось для защиты платоновской школы. Ибо каким образом можно было бы быть уверенным, что душа сама по себе движется, если бы было установлено, что нет ничего, что могло бы само по себе двигаться? В этом же аристотелевском доказательстве, [будто все движется от другого], складывается порядок такого рода разделения [доводов].

8. «Из всего, что движется, — говорит он, — одно движется само по себе, другое — из-за привходящего (*accidenti*) [движения]». «И из-за привходящего [движения], — продолжает он, — движется то, что, хотя оно само не движется, находится в том, что движется, как, например, покоящийся тюк или путешественник на корабле; или же когда часть движется при покоящемся целом, как, например, если бы кто-нибудь стоящий двигал ногой, рукой или головой.

9. Само же по себе движется то, что [не движется] ни из-за привходящего [движения], ни из-за [движения его] части, но движется разом и все целиком, как, например, когда ввысь поднимается огонь. И относительно того именно, что движется из-за привходящего [движения], нет никакого сомнения, что оно движется другим». «Но я одобряю, — говорит он, — также [положение], что то, которое движется само по себе, движется от другого».

10. «Ведь из всего того, — утверждает он, — что движется само по себе, одно имеет причину движения внутри себя, как, например, животные, как деревья, которые, без сомнения, считают, движутся другим, причиной, которая, разумеется, скрыта в них самих, ибо разум отделяет причину движения от того, что движется; другое же явно движется от иного, то есть [приводится в движение] либо силой, либо природой.

11. И силой, мы говорим, движется всякое метательное оружие, которое, когда оно отделилось от руки бросающего, несется, кажется, своим вот собственным движением, однако первоисточник движения относится к силе. Так, мы видим, что и земля несется вверх, и огонь — вниз, что, без сомнения, вызывает чужеродный толчок.

12. Природой же движется или тяжелое, когда оно само по себе [несется] вниз, или легкое, когда оно несется вверх, но и они, нужно сказать, движутся от другого, пусть [даже при этом] имеется неясность, от чего [именно они движутся]».

13. «Ибо разум, — говорит он, — понимает, что существует нечто, которое их движет. Ведь если бы они двигались самопроизвольно, то самопроизвольно бы также и останавливались, да и не всегда бы они продвигались по одному пути, а двигались бы по разным направлениям (*per diversa*), если бы неслись по произвольному побуждению. Но так как они не могут этого делать, а легкому всегда предназначено восхождение и тяжелому — нисхождение, ясно, что их движение относится к определенной и установленной необходимости природы».

14. Это и тому подобное суть то, посредством чего, Аристотель верил, он доказал, будто все, что движется, движется от другого. Но платоники, как будет показано немного позже, поучали, что эти доводы являются скорее хитроумными, чем истинными.

15. Теперь нужно присовокупить его же следующий раздел [доказательств], в котором он старается показать, что не может душа сама по себе двигаться, даже если какая-нибудь другая вещь могла бы это делать. И первую предпосылку этого он заимствует из того, что, он считает, [уже] установил для себя.

16. Ведь так он говорит: «Следовательно, так как установлено, что все, что движется, движется от другого, без сомнения, необходимо, говорит он, чтобы о том, которое движет, будучи первым, потому что не от другого движется, сказали, что

оно либо стоит, либо само себя движет. Ибо оно и не считалось бы уже первым, если бы двигалось от другого.

17. Если же бы сказали, что оно движется от другого, то [тогда] скажут, что также и то, которое его движет, движется от другого, и оно, [в свою очередь], опять [движется] от другого, и это разыскание намеревается впасть в [дурную] бесконечность, никогда не открывая первых начал [движения], если тому, которое ты считал бы первым, всегда предшествует другое».

18. «Итак, остается, — говорит он, — [заклЮчить], чтобы не говорили, будто стоит то, если оно (quod) движет, будучи первым, [но] говорили бы, что оно само себя движет». «И, таким образом, в одном и том же самом будет [находиться] одно, которое движет, другое, которое движется, если бы притом, — говорит он, — во всяком движении необходимо были эти [вот] три [вещи], то есть то, которое движет, и то, чем оно движет, и то, что движется.

19. Из этих [трех вещей] то, что движется, только движется, [но] вовсе (etiam) не движет, в то время как то, чем производится движение, и движется и движет, а то, что движет, вовсе не движется, так что из [этих] трех [вещей] общим [для них] является то, которое среднее; две (duo) же [других] пусть считаются противоположными между собой (sibi)».

20. «Ибо как есть то, которое движется и не движет, так, — говорит он, — есть то, которое движет и не движется, о чем мы поблизости [уже] сказали, потому что, так как все, которое движется, движется от другого, в случае если то, которое движет и само движется, мы вечно будем искать и никогда не найдем начало этого движения».

21. «Затем, если бы о чем-либо сказали, что оно себя движет, то необходимо, — рассуждает он, — чтобы мы считали, что или целое движется от целого, или часть — от части, или часть — от целого, или целое — от части. И притом (tamen) это движение, пусть оно происходит либо от целого, либо от части, потребует для себя (sui) другого творца».

22. Из всех этих [положений] все целиком аристотелевское рассуждение связывается в одно [умозаключение] таким образом: «Всякое, которое движется, движется от другого; тогда то, которое движет, будучи первым, или стоит, или, [при движении] от другого, и само движется; но если [оно движется] от другого, то оно уже не может называться первым; но (et) мы всегда будем отыскивать то, которое двигало бы, будучи первым; [значит], остается [то], чтобы говорили, что оно стоит; итак, стоит то, которое движет, будучи первым».

23. Таким образом, против Платона, который говорит, что душа есть первоначало движения, складывается силлогизм в этом [вот] роде: «Душа есть первоначало движения; но первоначало движения не движется; следовательно, душа не движется». И это есть то [умозаключение], которое он решительно (violenter) поставил на первое место, но, не (nec) удовлетворенный этим вполне (usque), чтобы убедить [в том], что душа не движется, он давит также и другими доводами, не менее решительными.

24. «Никакое начало, — утверждает он, — не может быть тождественным (idem) тому, [для] чего оно есть начало. Ведь говорят, что у геометров первоначалом

линии является точка, [а] не линия; [и] у арифметиков первоначалом числа число не является. Равным образом причина рождения сама не рождается, и, следовательно, сама причина движения, или начало [его], не движется; таким образом, душа, которая есть начало движения, не движется».

25. [К сказанному] добавляется также это. «Никогда, — говорит он, — не может совершиться [то], чтобы в (sic) одной и той же самой вещи и в одно и то же время сходились противоположности, относящиеся к одному и тому же [ее состоянию]. Но мы знаем, что (quia) двигать — значит действовать, а двигаться — значит страдать, следовательно, тому, которое себя движет, достанутся разом два себе противоположных [состояния]: и действовать, и страдать, — что является невозможным; итак, душа не может [сама] себя двигать».

26. Также он говорит: «Если бы сущностью души было движение, то она никогда не отдыхала бы от движения, ибо нет ничего, что принимало бы противоположное (contrarietatem) своей сущности. Ведь огонь никогда не будет холодным и никогда снег самопроизвольно не потеплеет, но душа иногда отдыхает от движения, так как мы видим, что тело не всегда возбуждается; следовательно, движение не является сущностью души, противоположность которого она принимает».

27. Еще он говорит: «Если душа является причиной движения другого, то она не сможет сама для себя быть причиной движения». «Ибо нет ничего [такого], — говорит он, — чтобы причина для себя была у той же самой вещи, у которой [она] есть для другого, как, [например], врач, как, [например], обучающий телесным упражнениям (exercitor corporum) никоим образом (non utique) не добавляют (praestant) себе от этого также здоровья или силы, которую тот прибавляет больным, этот — борцам».

28. Также он говорит: «Всякое движение нуждается в орудии для своего осуществления, как учит опыт отдельных искусств, поэтому должно рассмотреть, не было бы нужно и душе орудие, чтобы двигать себя; если это (quod) считается невозможным, то и будет невозможным то, чтобы душа сама себя двигала».

29. Также он говорит: «Если душа движется, то, без сомнения, она движется вместе с прочими движениями и с места на место. Если такое (quod) бывает, то она либо вступает в тело, либо, наоборот, выходит [из него]; и это она часто повторяет; но это, мы знаем, совершиться не может, значит, она не движется».

30. К этому еще он добавляет: «Если душа себя движет, то необходимо, чтобы она двигала себя каким-нибудь видом движения. Следовательно, она движет себя или в отношении места, или она движет себя путем порождения себя самой, или путем уничтожения себя самой, или путем увеличения себя, или путем уменьшения себя». «Ведь [все] это, — говорит он, — суть виды движения».

31. «[Теперь], — говорит он, — давайте исследуем, каким образом могли бы совершаться каждое в отдельности из них. Если она движет себя в отношении места, то она движет себя или по прямой линии, или вращается сферическим движением по кругу.

32. Но нет никакой бесконечной прямой линии, ибо какая бы ни воспринималась линия в природе, каким-нибудь (quosumque) [да] пределом она, без сомнения, ограничивается; таким образом, если душа движет себя по ограниченной линии,

то она не всегда движется, ибо, когда она находится у конца [линии] и оттуда возвращается обратно к [ее] началу, необходимо, чтобы происходила остановка (*interstitium*) движения при [его] изменении [в направлении] возврата (*redeundi*).

33. Но и по кругу она вращаться не может, потому что всякая сфера движется вокруг чего-то неподвижного, которое мы называем центром. Следовательно, если и душа так движется, то она или внутри себя имеет то, что является неподвижным [центром], и, таким образом, получается, что она не вся целиком движется; или если не внутри себя [она имеет неподвижное], то последует [нечто] иное, не менее нелепое, [а именно то], что центр находится снаружи [сферы], чего быть не может». «Итак, — говорит он, — из этого установлено, что она не двигала бы себя в отношении места.

34. А если она сама себя порождает, то следует, что мы утверждаем, будто она, одна и та же самая, и есть, и не есть; если же она сама себя уничтожает, то не будет бессмертной; что же до того (*quod*), если она себя или увеличивает, или уменьшает, то она, одна и та же самая, будет оказываться одновременно и больше себя, и меньше [себя]».

35. И из [всего] этого он сплетает такой [вот] силлогизм: «Если душа себя движет, то она движет себя каким-нибудь родом движения; однако ни один род движения, каким бы она себя двигала, не находится; следовательно, она себя не движет».

15, 1. Против этих столь тонких, и остроумных, и правдоподобных доводов нужно вооружиться вслед за приверженцами Платона, которые разрушили [этот] замысел, посредством которого Аристотель попробовал повредить столь верное и столь убедительное определение [своего] наставника.

2. И, право, не столь [уж] я невнимателен (*immemor*) в отношении себя и [не] так [уж] безоглядно (*male*) воодушевлен (*animatus*), чтобы я, исходя из (*ex*) своих природных данных, или Аристотелю сопротивлялся, или Платону содействовал, но поскольку те или иные [из] великих мужей, которые гордились, что они зовутся платониками, опустили или по одному, или по два опровергавших (*defensa*) [Платона довода Аристотеля] ради прославления своих собственных трудов, я сложил [все] это, собранное в одно тело непрерывной защитительной речи (*defensionis*), прибавив [кое-что], если только что-нибудь [еще] или было дано узнать после них, или было возможно осмыслить.

3. И так как суть два [довода], которые он попытался утвердить, — один, в котором он говорит, что нет ничего, которое двигалось бы [само] по себе; другой, в котором он утверждает, что душа этим [самодвижущимся] быть не может, — тому и другому [доводу] должно сопротивляться, чтобы и установить, что может что-нибудь [само] по себе двигаться, и прояснить, что душа является этим [самодвижущимся].

4. Итак, в [числе] первого нам нужно остерегаться обманчивости того разделения, в котором, перебирая [сначала] некоторым образом то, которое [само] по себе движется, и показывая [затем], что оно также [и] от другого движется, то есть [движется] от причины, скрытой внутри [него], ему кажется, что он доказал, будто все, которое движется, даже если бы говорилось, что оно [само] по себе движется, все же движется от другого.

5. [Одна] часть этого положения является истинной, но заключение является ложным. Ведь мы и не отрицаем [того], что некоторым образом существует то, [в отношении] которого установлено, что, хотя кажется, что оно движется [само] по себе, оно все же движется от другого. Однако не все, что движется [само] по себе, подтверждает (sustinent) то, что необходимо, чтобы оно двигалось [также и] от другого.

6. Ибо Платон, когда говорит, что душа [сама] по себе движется, то есть когда называет [ее] αὐτοκίνητον⁴, желает, чтобы она числилась не среди того, которое само по себе именно, кажется, движется, но [среди того, что] движется от причины, которая скрывается внутри него (intra se), как, [например], животные (animalia) движутся другим именно деятелем (auctore), но потаенным, ибо они движутся душой, или как, [например], движутся деревья, двигатель (agitator) которых даже если не виден, однако известно, что они движутся природой, скрывающейся внутри [них]. Но Платон так говорит [о том], что душа [сама] по себе движется, что не называет творцом этого движения другую причину, или приходящую извне, или скрывающуюся внутри. [Теперь] мы будем наставлять [в том], каким образом это следует понимать.

7. Огонь мы зовем горячим, но и о железе горячем мы говорим; и снег мы называем холодным и скалу — холодной; мед — сладким, но и медовое вино прозываем сладким. Однако каждое из этого [свойства] в отдельности в отношении [этих] различных [вещей] обозначает разное.

8. Ведь имя горячего относительно огня мы понимаем одним образом, относительно железа — другим, потому что огонь является горячим [сам] по себе, [а] не от другого делается горячим; железо, напротив, нагревается только лишь от другого. [Также], чтобы снег [был] холодным, чтобы мед был сладким, [это] не откуда-то извне случается, но к скале холод или к медовому вину сладость приходят от снега или меда.

9. Вследствие этого и стоять и двигаться — так говорится о том, что от себя [самого] или стоит, или движется, как [и] о том, что или удерживается, или приводится в движение от другого. Но чему случается от другого двигаться или стоять, то и стоять перестает и двигаться; у чего же и быть и двигаться является одним и тем же, [то] никогда от движения не отдыхает, потому что без сущности своей быть не может, как, [например], железо теряет тепло, огонь же без тепла не остается.

10. Итак, душа движется от себя [самой]; хотя кажется, что и животные, или деревья движутся [сами] по себе, но движением в них управляет, хотя [и] скрывающаяся внутри, однако, другая причина, то есть душа или природа. Потому они и отпускают [от себя] то, что они приняли откуда-то извне. Душа же так [сама] по себе движется, как огонь [сам] по себе является горячим, потому что никакая приходящая [к ним] причина ни (vel) его не делает горячим, ни ее не движет.

11. Ведь когда мы называем огонь горячим, мы принимаем не две разные [сущности], одну, которая делает горячей, другую, которая делается горячей, но

⁴ Самодвижущейся (греч.).

называем горячим [нечто] целое согласно его (suam) природе; когда [мы называем] снег холодным, когда называем мед сладким, мы не принимаем одно, которое это качество предоставляет, другое, чему [оно] предоставляется.

12. Так, и когда мы говорим, что душа [сама] по себе движется, не следует подобное [же] рассмотрение [чего-то] движущего и [чего-то] движимого (moti), но в самом движении мы признаем ее сущность, потому что необходимо, чтобы то, что в отношении огня является именем горячего, в отношении снега — названием холодного, в отношении меда — наименованием сладкого, в отношении души считалось (intellegi) именем αὐτοκίνητον⁵, которое латинский перевод обозначает [словами] «посредством [самого] себя двигаться».

13. И пусть не смущает тебя [то], что «двигаться» [в переводе] является глаголом страдательного залога (passivum); и не полагай (putes) в этом случае «двигаться» обозначением двух вещей, той, которая движет, и той, которая движется, таким [же] образом, каким (sicut) когда говорят «рассекаться», равно рассматриваются два: то, что рассекает, и то, что рассекается; и также, когда говорят «удерживаться», мыслятся два: то, что удерживает, и то, что удерживается.

14. Ибо «рассекаться» именно и «удерживаться» является страдательным залогом (passio), поэтому охватывает рассмотрение действующего и претерпевающего [действие], да и (autem) когда говорят «двигаться» о том, что движется от другого, [это «двигаться»] представляет [собой] рассмотрение сходным [же] образом и той и другой (utramque) [стороны движения]. Но когда говорят о том, которое так посредством [самого] себя движется, что является αὐτοκίνητον, потому что [само] по себе, [а] не из-за другого движется, никакое не может [даже] держаться в мыслях (intellegi) предположение [о наличии здесь] страдательного залога.

15. Зато, хотя и кажется, что «стоять» не является глаголом страдательного залога, однако, когда говорят о том, что стоит, потому что [его] ставит [нечто] другое, как, [например, в строчке]

Стоят вот копьа, воткнутые в землю⁶

[«стоять»] намекает на страдательный залог, так и «двигаться», хотя звучит в страдательном залоге (passivum), однако, когда нет ничего действующего [со стороны, тогда] не сможет быть [и] претерпевающего [действие].

16. И пусть становится совершенно ясным, что страдательное состояние (passionem) выражается через уразумение не слов, но [самих] вещей: вот [и] огонь, когда он несется кверху, ничуть не претерпевает [воздействия]; когда [же] он несется вниз, без сомнения, испытывает [воздействие], потому что это⁷ не переносит [воздействия], кроме [того случая], когда [его] толкает [нечто] другое, и хотя произносится один и тот же самый глагол [«несется»], мы все же скажем, что страдательное состояние [у огня] то присутствует, то отсутствует.

⁵ Самодвижущегося (греч.).

⁶ Вергилий. Энеида. 6, 652. М., 2006 (пер. С. Ошерова с изменением по оригиналу).

⁷ Речь об огне.

17. Таким образом, и «двигаться» есть то же самое по значению [залога], что [и] «пламенеть»; и когда мы говорим, что железо пламенеет или палочка движется, давайте признаем, что имеет место страдательное состояние, потому что к тому и другому это приходит откуда-то извне. Когда же будут говорить, что огонь пламенеет или душа движется, потому что сущность того пребывает в пламени (calore), а этой — в движении, здесь не остается никакого места для страдательного состояния, однако будут говорить, что тот так пламенеет, как эта движется.

18. В этом случае Аристотель, сглаживающий [свой] хитрый навет в отношении слов [Платона], настаивает, будто Платон также сам обозначил две [стороны], то есть то, что движет, и то, что движется, говоря: «[То] одно-единственное, что само себя движет, потому что никогда не отказывается от себя, никогда не перестает также (quidem) двигаться»⁸. И он открыто провозглашает, что тот выразил [эти] две [стороны] этими [вот] словами: «то, которое движет и движется». Но мне кажется, что такой муж⁹ никак не мог быть в неведении, однако в [своем] упражнении такими хитросплетениями, снисходительный (coniventem) к себе, он произвольно (sponte) играл [с его] произведением.

19. Впрочем, кто не укорил бы [его], что не должно подразумевать две [стороны], когда говорят [о том], что само себя движет? Как и [в том случае], когда говорят [о] heauton timorumenos¹⁰, то есть [о] себя наказывающем, отсутствует (non... est) один, который наказывает, [и] другой, который наказывается. И когда говорят [о том], кто себя губит, себя скрывает, себя освобождает, нет необходимости, чтобы один был действующим, другой — испытывающим действие. Но одно только то выражается смыслом этого высказывания, что говорят [о том], что тот, кто себя наказывает, или тот, кто себя освобождает, получил это не от другого, но сам себе или принес, или предоставил, так, и когда говорят об αὐτοκίνητου «само себя движет», сверх этого говорят, что [оно] исключает признание другого движущего.

20. Платон, желая изъять его (quam) из размышлений читателя, выразил в том, что он [уже] предпослал [выше]¹¹. «Ибо то, что всегда движется, — говорит он, — вечно; но то, что сообщает движение другому, а само получает толчок откуда-нибудь, неминуемо перестанет жить, когда перестанет двигаться»¹².

21. Что [же еще] найдется более выразительное, чем эти слова, свидетельствующие благодаря [их] ясному значению, что не откуда-то извне движется то, которое само себя движет, так как он из-за того называет душу вечной, что (quia) она сама себя движет, и не движется откуда-то извне? Итак, двигать себя означает всего лишь (hoc solum) не двигаться от другого. И ты не считай (putes), что одно и то же двигало бы и то же самое двигалось бы, но [считай, что] двигаться без другого движущего — значит двигать себя.

⁸ См. также: Платон. Федр, 245с // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1970. Т. 2.

⁹ Аристотель.

¹⁰ Латинская транскрипция греч. слов εαυτὸν τιμωροῦμενος «сам себя наказывающий».

¹¹ См. 15, 18.

¹² Макробий использует в этом случае слова Цицерона (см.: Цицерон. О государстве. VI, XXV, 27 // Цицерон. Диалоги. М., 1966; см. также: Платон. Федр, 245с // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1970. Т. 2).

22. Следовательно, ясно установлено, что (quia) не все, что движется, движется от другого. Таким образом, αὐτοκίνητον может двигаться не от другого, но даже [и] от себя [самого] оно движется не так, чтобы в [нем] самом одно было то, которое движет, другое, которое движется, и [этого] не [было бы] ни в [нем] целом, ни относительно [его] части, как тот¹³ предполагает, но лишь то одно говорят [о нем], что оно само себя движет, пусть [только] не считают, что оно движется от другого.

23. Впрочем, и то аристотелевское разделение относительно движений [души], которое выше мы преподнесли, является пригодным больше для хитрящего (subripienti), чем для доказывающего, и в котором он говорит: «Как есть то, которое движется и не движет, так есть то, которое движет и не движется»¹⁴.

24. Ибо установлено, что все, что ни движется, движет другое, как, [например], говорят, что или кормило движет корабль, или корабль — окружавший его (sibi) воздух или волны. Но что есть [такое], которое не могло бы подталкивать другое, пока оно само движется? Следовательно, если не является верным, что то, которое движется, не движет другое, [это] не согласуется с тем (illud), чтобы ты нашел что-нибудь [такое], которое двигало бы и, однако, [само] не двигалось.

25. Итак, больше, [чем аристотелевское], следует одобрить известное разделение движений, преподнесенное Платоном в десятой [книге сочинения] «О законах». «Всякое движение, — говорит он, — или себя движет и другое, или другим движется и другое движет»¹⁵. И первое [движение] относится к душе, второе же — ко всем телам¹⁶. Эти, стало быть (ergo), два движения и отделяются вследствие различия, и связываются вследствие общности. Общим они имеют то, что первое и второе [движение] движут другое, различаются же тем, что то движется от себя, [а] это — от другого.

26. Из всего этого, что мы собрали, выбранное из [великого] обилия платоновских мыслей, установлено, что не является верным то [положение Аристотеля], что все, которое движется, движется от другого. И потому не будут говорить, что первоначало движения стоит, чтобы отклонить (deprecandam) необходимость другого движущего, потому что, как мы [уже] сказали, оно само может двигать себя, когда другое [его] не движет.

27. Итак, ослаблен [тот] силлогизм, который он¹⁷ [до этого] собрал, предпослав [ему] разнообразные и многочисленные разделения [движения], то есть: «Душа есть первоначало движения, но первоначало движения не движется; следовательно, душа не движется»¹⁸. Потому что установлено, что нечто может двигаться само по себе, когда другое [его] не движет, остается, чтобы научили, что этим [нечто] является душа, что будет легко преподано, если бы мы взяли доказательства от [чего-либо] очевидного и несомненного.

¹³ Аристотель (см. 14, 21).

¹⁴ См. 14, 20.

¹⁵ Платон. Законы, 894 b — c // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1972. Т. 3, ч. 2.

¹⁶ О делении движения на первичное и вторичное см.: Платон. Законы, 895 a — b.

¹⁷ Аристотель.

¹⁸ См. 14, 23.

28. [Так вот], движение человеку предоставляет или душа, или тело, или смешение из того и другого. И потому что суть [эти] три [стороны], относительно которых проходит это исследование, так как [уже] установлено, что ни от тела, ни от смешения это предоставляться не может, остается [то], что нет никакого сомнения [в том], что человек движется от души.

29. Теперь давайте поговорим о каждом [из них] в отдельности, и, во-первых, — о теле. Очевидно, что ни одно неодушевленное тело не движется своим собственным движением, поскольку (quam), что следует признать, нет же ничего [такого], которое, пока оно является неподвижным, могло бы двигать другое, таким образом, тело не движет человека.

30. Нужно [также] рассмотреть, что [и это] самое смешение души и тела [даже] случайно не доставляет ему это движение. Но так как установлено, что движение не находится в теле, если [же еще] и в душе [оно] не находится¹⁹, то из двух вещей, лишенных движения, не производится ни одно движение, подобно тому как и из двух сладких [вещей] не происходит горечь, и из двух горьких — сладость, и из двойного холода не рождается тепло или холод — из двойного тепла, ибо всякое качество, будучи удвоенным, [просто] возрастает, [но] никогда из сходных удвоенных [вещей их] противоположность не возникает. Следовательно, из двух неподвижных [вещей] и движения не будет; таким образом, [их] смешение не будет двигать человека.

31. Отсюда, из несомненной ясности признанных вещей собирается неопровержимый силлогизм: «Живое существо движется; движение же живому существу предоставляет или душа, или тело, или смешение из того и другого. Но ни тело, ни смешение движения не предоставляет, следовательно, [только] душа предоставляет движение».

32. Из этого явствует, что душа есть начало движения; начало же движения, [уже] научило [нас] изложенное выше, движется [само] по себе, следовательно, нет никакого сомнения [в том], что душа является αὐτοκίνητον, то есть движется [сама] по себе.

16, 1. Тот²⁰ в этом случае, наоборот, возражает и борется с помощью другого рассуждения о началах, поэтому (enim) мы повторим здесь с разъяснением то же самое, что представленное (obiecta) выше мы расположили по порядку. «Не может быть, — говорит он, — одним и тем же со своими началами то, что оттуда рождается, и потому душа, которая является началом движения, не движется, чтобы не было одним и тем же самым началом и то, что из начала рождается, то есть чтобы не казалось, что движение произошло из движения»²¹.

2. На это есть легкий и исчерпывающий ответ, потому что хотя мы говорим, что первоначала и то, которое из первоначал происходит, в чем-то иногда между собой различаются, однако никогда не могут быть настолько противоположны

¹⁹ Можно предположить, что Макробий использует здесь положение Аристотеля о неподвижной душе (см. 15, 27), чтобы вести доказательство от противного.

²⁰ Аристотель.

²¹ См. также 14, 24.

между собой (*sibi*), насколько (*ut*) являются противоположащими друг другу (*sibi*) [состояния] стоять и двигаться.

3. Ибо в таком случае (*sic*) началом белого называлось бы черное и сухое было бы началом влажного, доброе происходило бы из злого, из горького начала — сладкое. Но [это] не так, потому что природа не допускает, чтобы начала и следующее [из них] расходились вплоть до противоположности, но между [ними] самими иногда находится такое различие, какое согласовывало бы между собой начало и [его] продвижение [дальше], как, [например, это] имеет место также в данном случае (*hic quoque*) между [тем] движением, которым душа движется, и тем, которым [она] движет другое.

4. Ведь Платон назвал душу не просто движением, но движением, движущим себя. Следовательно, среди движения [есть движение], себя движущее, и движение, которым [оно] движет другое, в чем [тут] разница, очевидно: если именно то, [первое], является [движением] без виновника, это, [второе], движение является виновником для других [движений]. Таким образом, установлено, что и не могут начала и из начал сотворенное различаться до такой степени, чтобы они были себе противоположными, однако и умеренное различие тут не отсутствовало, значит (*igitur*), не будет стоять первоначало движения, что он подытожил посредством искусного умозаключения.

5. За этим наступило, как мы помним, третье возражение [Аристотеля], что «не могут к одной вещи подступить вместе противоположные [состояния] и, так как двигать и двигаться суть противоположные себе [состояния], не может душа себя двигать [так], чтобы (не) она же самая и двигалась, и двигала»²². Но [уже] подтвержденное выше разрушает это [умозаключение], если именно установлено, что не следует разуметь в движении души два [начала]: то, которое двигало бы, и то, которое бы двигалось, — потому что двигаться от себя [самого] есть не что иное, как не двигаться другим движущим. Следовательно, нет никакой противоположности (*contrarietas*) [там], где то, которое производится, является единственным, потому что оно не производится [передачей движения] от другого к другому, так как само движение, естественно, есть сущность души.

6. Из этого [последнего положения], как мы [его чуть-чуть] выше передали, у него появился четвертый повод для спора. «Если сущность души есть движение, — говорит он, — то почему иногда она отдыхает, хотя ни одна другая вещь не допускает противоположность [своей] собственной сущности? Огонь, сущности которого свойственно тепло, не перестает быть горячим, и потому что холод снега находится в его сущности, исключительно (*non nisi*) всегда он является холодным, таким образом, и душа, по этой же самой причине, никогда не должна бы отдыхать от движения»²³. Но я хотел бы, чтобы он сказал, когда он предполагает, что душа отдыхает?

²² См. 14, 25.

²³ См. 14, 26.

7. «Если, двигая себя, она двигала бы необходимо и тело, то как бы то ни было, когда мы видим, что тело не движется, мы думаем, что душа также не движется»²⁴. Против этого [вывода у нас] есть двойная защита.

8. Во-первых, не в том [случае] постигается движение души, всякий раз как тело побуждалось бы к движению. Ведь и когда кажется, что в человеке не движется ни одна часть тела, однако само размышление или слух, зрение, обоняние и [тому] подобные [чувства] во всяком живом существе, да и дышать, видеть сны в самом [состоянии] покоя — все это суть движения души.

9. Затем, кто назвал бы само тело неподвижным, даже пока не кажется, что оно побуждается к движению, хотя увеличение [его] членов, и даже в случае если возраст и время [их] увеличения уже ушло; хотя здоровье, не терпящее остановки сердца; хотя упорядоченное переваривание (*digeries*) пищи, доставляющее посредством природного распределения соки в сосуды и внутренности; хотя собирание [телесных] жидкостей (*fluentorum*) [вместе со всем перечисленным] свидетельствовало бы о непрерывной деятельности тела? Таким образом, и душа всегда движется вечным и своим собственным движением, да и тело [всегда движется], насколько долго оно вдохновляется началом и причиной движения. Отсюда у него же возникло побуждение к пятому вопросу.

10. «Если душа, — говорит он, — является причиной движения другого, то она не сможет сама для себя быть причиной движения, потому что нет ничего [такого], чтобы у одной и той же вещи была причина и для нее (*sibi*) [самой], и для другого»²⁵. Право же, хотя я легко могу доказать, что есть многое, которое у одной и той же вещи было бы причиной и для нее [самой] и для другого, однако, чтобы не казалось, что я с усердием противлюсь всему [тому], что он утверждает, я уступил бы, что является истинным то, каковое сообразно с истиной не будет вредить устремлению (*habitum*), чтобы подтвердить движение души.

11. И действительно, мы называем душу началом и причиной движения. [То, что] касается (*de*) [души как] причины, мы рассмотрим позже. Между тем установлено, что всякое начало находится в [том], началом чего (*rei cuius*) [оно] является. И потому, что ни происходит в какой бы то ни было вещи от ее (*suo*) начала, это отыскивается в самом [этом] начале. Так, начало тепла не может не быть теплым. Кто отрицал бы, [что] сам огонь, от которого тепло переходит к другому, горячий?

12. «Но огонь, — говорит он, — не сам себя делает горячим, потому что он весь в целом по [своей] природе является горячим»²⁶. Я достигаю того, чего я желал, ибо и душа не так себя движет, что между [ней] движимой (*motam*) и [ней] движущей есть разделение, но она вся в целом так движется своим движением, что ты никак не можешь отделить то, что [ее] движет. Этого, сказанного о начале, будет достаточно.

13. Касательно же причины, так как мы с добровольной снисходительностью [уже] уступили [в том], что ничто (*nequid*) у одной и той же вещи не является причиной и для нее [самой] и для другого, мы охотно довольствуемся [тем], что

²⁴ См. также 14, 26.

²⁵ См. 14, 27.

²⁶ См. также 14, 26.

не кажется, что душа, которая есть причина движения для другого, является причиной движения для себя. Ибо для того [она] есть причина движения, которое не двигалось бы, если бы она сама [его] не предоставила. Она же, чтобы двигаться, не сама себе дарует [движение], но ее (suae) сущности принадлежит то, что [она] движется.

14. Исходя из (ex) этого [положения] является уже ослабленным [тот его] вопрос, который [теперь] следует²⁷. Ибо тогда, возможно, я уступил бы [в том], что для осуществления (exercitium) движения требовались бы орудия, когда одно есть то, которое движет, другое — то, которое движется. Но [даже] и скоморошья шутка не осмелится без оскорбления (damno) пристойности требовать этого в отношении души, движение которой находится в [ее] сущности, так как [и] огонь, пусть [даже] он движется по причине, скрывающейся внутри него (se), все-таки не поднимается вверх никакими орудиями, и гораздо меньше это [самое] следовало бы отыскивать [и] в отношении души, движение которой есть ее собственная (sua) сущность.

15. Также и в том, которое [теперь] следует, такой великий муж и, вообще, сверх прочих [людей] серьезный, становится (est) подобным пустомеле. «Если, — говорит он, — душа движется, то она движется среди прочих движений также и с места на место, следовательно, — говорит он, — она то выступает из тела, то снова [в него] вступает, и в этом [движении] она многократно пребывает; чтобы такое (quod) случилось, [того] мы не видим; таким образом, она не движется»²⁸.

16. Нет ни одного [человека], который не без заминки ответил бы супротив этого, что не все, которое движется, также движется с места на место. По крайней мере (denique), весьма целесообразно обратить (retorquenda est) к нему подобный [вот] вопрос: «Что движутся деревья, ты говоришь?» Когда [в ответ] на это (quod), как я думаю, он кивнет, он будет сражен [с] равной язвительностью [следующим умозаключением]: «Если деревья движутся, то, без сомнения, как ты имеешь обыкновение говорить, среди других [видов] движений они движутся также с места на место. Но это, мы видим, они [сами] по себе сделать не могут, следовательно, деревья не движутся».

17. Но чтобы мы могли посредством дополнения сделать этот силлогизм серьезным [рассуждением], после того как мы сказали: «Следовательно, деревья не движутся», мы [еще] прибавим: «Но деревья движутся; таким образом, не все, что движется, также движется с места на место». И тогда в итоге (in exitum) вышло бы [такое] окончание здравого умозаключения: «Итак, если мы признаем, что деревья именно движутся, но [движутся] подходящим для себя движением, почему мы отрицали бы по отношению к душе то [обстоятельство], что она движется движением, соответствующим ее собственной (sua) сущности?»

18. Это и другое [прочее] убедительно (valide) высказывалось бы, даже если бы душа не могла двигаться этим родом движения. Но так как она и одушевляет тело вследствие прихода и [затем] удаляется от тела по определенному закону

²⁷ См. 14, 28.

²⁸ См. 14, 29.

в установленное время (*constituti temporis*), кто отрицал бы, что она движется также с места на место, как [и] я сказал бы в таком случае (*ita*)?

19. То же, что она в некоторое (*uno*) время многократно не сменяет [свой] приход [в тело] и уход [из него], обуславливает скрытое и предусмотренное (*consulta*) установление природы, которая, чтобы сохранить жизнь живого существа посредством определенных связей, внушила душе такую большую любовь к телу, что она без принуждения любит [то], с чем была соединена, и редко случается, чтобы она по определенному также закону не удалялась в свое время (*temporis sui*) [от тела], печалаясь и сопротивляющаяся.

20. После того как, я думаю, также и это [его] возражение распутано, давайте перейдем к тем вопросам, следствие которых кажется, что он нас теснит. «Если душа, — говорит он, — движет себя, то она движет себя каким-нибудь видом движения. Должно ли вследствие этого (*igitur*) говорить, что душа движет себя в соответствии с [каким-либо] местом? [Если должно так говорить, то], следовательно, это место является или окружностью, или [прямой] линией. Или она движется путем порождения либо истребления себя? Неужели она себя увеличивает или уменьшает?» «Либо, — говорит он, — возможно обнаружится при обзоре (*in medium*) [еще и] другой род движения, которым, мы сказали бы, она движется»²⁹.

21. Но вся эта громадная куча вопросов вытекает из одного и того же хитроумия дурно составленного определения. Ведь потому что он однажды предположил для себя, что все [то], которое движется, движется от другого, он ищет в душе все эти виды движений, в которых есть одно, которое движет, другое, которое движется, хотя ничего из этого не могло запасть в душу, в которой нет никакого разделения движущего и движимого (*moti*).

22. «Тогда каким является, — вопрошает (*dicit*) кто-нибудь, — или откуда познается движение души, если [у нее] нет ни одного из этих [движений]?» Это будет знать всякий, кто желает узнать [это] или [от] Платона (*Platone*), говорящего, или от Туллия: «Также и для остального, что движется, [она] является таким источником, таким первоначалом движения»³⁰.

23. Какая же была бы убедительность (*expressio*) [у] этого высказывания, [в] котором душа называется источником движения, ты легко откроешь, если бы ты постиг умом движение невидимой вещи без виновника, потому и без начала и без конца, [само собой] продвигающееся, и другое движущее, для которого не могло бы быть найдено ничего более сходного из видимых [вещей], чем источник, который таким образом является первоначалом воды, что, хотя он творит из себя реки и озера, говорят, что он сам от ничего не рождается, ибо, если бы он рождался от другого, то сам не был бы первоначалом.

24. И хотя (*sicut*) источник не всегда легко обнаруживается, однако есть или Нил, или Эридан³¹, или Истр³², или Танаис³³, которые из [него] самого изливаются,

²⁹ См. 14, 30.

³⁰ См.: Платон. Федр, 245с // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1970. Т. 2.

³¹ Река По.

³² Река Дунай.

³³ Река Дон.

и каким образом (ut) ты, изумляющийся при рассмотрении (videndo) их стремительности и отыскивающий, путем размышления внутри себя, возникновение таких значительных вод, доходишь до [их] источника и понимаешь, что все это движение [вод] проистекает из самого первоначала (primo... principio) родника, таким [же] образом, так как ты, посредством рассмотрения движения тел, пусть они являются или божественными, или земными, возможно, хочешь отыскать [их] виновника, твой ум пришел бы к душе как (quasi) [их] источнику, о движении которой, даже без прислуживания тела, свидетельствуют размышления, радости, надежды, страхи.

25. Ведь ее движение есть разделение хорошего и дурного, [есть] любовь к добродетелям, влечение к порокам, из которых проистекают всевозможные исходы (meatus) рождающихся оттуда действий. Ее движение состоит (est) [в том], что (quicquid) мы гневаемся и возмущаемся в горячности взаимного столкновения, откуда понемногу возбуждается нарастающая ярость сражений. Ее движение состоит [в том], что нас охватывают желания (in desideria), что нас опутывают страсти. Но эти движения [души], если бы ими управлял разум, оказывались [бы] благотворными [для нас]; если он [их] покидает, то они и [сами] опасности подвергаются (periuntur), и [нас опасности] подвергают.

26. [Вот так] ты изучил³⁴ движения души, которые она совершает (exercet) то без прислуживания тела, то посредством тел. Если же ты будешь искать движения самой мировой души, то ты рассматриваешь небесное вращение и быстрые обороты (impetus) нижележащих сфер, восход и заход солнца, продвижение и отступление звезд, каковое все происходит, потому что [его] движет душа. Право же, называть неподвижной ту, которая все движет, не подходит Аристотелю, каким великим он (qui) [ни] был бы во [всем] другом, [что] признано [многими], но [подходит] только тому, кого [не разубеждала бы в этом] сила природы, кого не разубеждало бы [в этом] очевидное доказательство.

Перевод с латинского и примечания В. Т. Звиревича

Рукопись поступила в редакцию 16 марта 2017 г.

³⁴Обращение Макробия к своему сыну Евстахию.

АВТОРЫ НОМЕРА

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — профессор кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: n-tata@mail.ru

ВАНДЫШЕВ Михаил Николаевич — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: m.n.vandyshhev@urfu.ru

ГЛАЗЫРИН Валерий Алексеевич — профессор кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор социологических наук. E-mail: glazur@olympus.ru

ГОЛУБ Елена Андреевна — студентка департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: lena.golub2009@yandex.ru

ГУДОВА Юлия Валерьевна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: jgudova@mail.ru

ДИДИКИН Антон Борисович — старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск), кандидат юридических наук. E-mail: abdidikin@ngs.ru

ЗАЙКО Александр Павлович — директор Технологического колледжа сервиса Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). E-mail: azayko@rambler.ru

ЗАМОВ Эдуард Александрович — доцент кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ZamovEA@yandex.ru

ЗВИРЕВИЧ Витольд Титович — профессор-консультант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: zwirewi4@yandex.ru

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: kamyninv@yandex.ru

КОТЕЛЕВСКИЙ Дмитрий Владимирович — доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: kotelevsky@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВ Глеб Дмитриевич — ассистент кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета. E-mail: gleontyev@me.com

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: vlobovikov@mail.ru

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич — директор департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующий кафедрой прикладной социологии, профессор, доктор философских наук. E-mail: anatoly.mer@gmail.com

НОТМАН Ольга Валерьевна — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: o.v.notman@urfu.ru

БАГИРОВА Анна Петровна — профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета, доктор экономических наук, кандидат социологических наук. E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

ПЕСТОВА Наталья Васильевна — заведующая кафедрой немецкой филологии, директор Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор. E-mail: pestova@uspu.me

ПРАХОВА Евгения Валерьевна — магистрант кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: prahova.e@yandex.ru

ПУРГИН Сергей Петрович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: s_purgin@list.ru

САКАЕВ Василь Тимерьянович — доцент кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: sakaev2003@mail.ru

СЕЙДОВ Вадим Гаджиевич — профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД РФ (Москва), кандидат исторических наук. E-mail: vseidov@mail.ru

СМИРНОВА Ольга Геннадьевна — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: olga.smirnova@urfu.ru

СУХАРЕВА Виктория Алексеевна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

---

ТЕМЛЯКОВА Алина Сергеевна — аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ateml@mail.ru

ЧЕРЕПАНОВА Екатерина Сергеевна — директор Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского федерального университета, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук этого же университета, доктор философских наук. E-mail: director.ippk@yandex.ru

SUMMARY

PHILOSOPHY OF PHOTOGRAPHY: TIME IN THE IMAGE AND THE IMAGE OF TIME

Kotelevskii D. V. Time Shutters in Photographic Shutters 5

The article focuses on time in photography as a form of ontological givenness of time. More specifically, it analyzes the mode of existence of temporality within photography. It is shown that time in photography exists in a dual way. On the one hand, time appears to be suspended, but on the other hand — due to the fact that event sequence is envisioned by the viewer himself — it appears to be created within the act of perception of photographic image. It is shown that such a construction of photographic image temporality is connected with the experience of sensuality. Hence, in the modern world, photography appears as a form of projection of the new modes of sensuality. Such a projection of the space-time has ontological character and can be understood as a result of the work of the being's shutters.

Key words: photography, image, representation, time, space, sensuality, being shutter, time shutter, ontology of photography, Flusser.

Golub E. A., Purgin S. P. Photography as Dice Throwing: Contingency's Role in Constituting Time in Photography 14

The article focuses on the role contingency plays in photography art. Two possible models of conceiving of contingency are distinguished. The authors demonstrate their origin in the facts of language. The first model, illustrated by dice throwing, implies autonomy of the contingent and sheds light on how content of a photographic image emerges. Thus, contingency is constitutive of time in photography. It allows the authors to define photographic time as unity of the lasting and the discrete in a moment. A moment of shooting a photographic image is continued in the subsequent perception of the viewer, but this lasting perception appears to be discrete in itself.

Key words: duration and discreteness, time in photography, contingency, game, reality.

Sukhareva V. A. Photography, Gaze and the Problem of Reality 23

The article seeks to define the essential characteristics of photography through the analytical deployment of its subjective and objective foundations, which are specified as gaze and reality respectively. As a result of the analysis, the problematic character of these forms is revealed, their internal inconsistency finds theoretical grounding in contemporary philosophical conception of the crisis of representation. The question of the photography's nature is solved in a neutral philosophical field of the problem of the Other.

Key words: philosophy of photography; ontology of photography; problem of reality; visual rotation; visual turn; crisis of representation.

Temlyakova A. S. Cinematographical Thought and Photography 29

The article explores the perception of the captured reality that gives the opportunity of a deep experience of a moment, or a period of time. Methodologically it is based on Bergson's theory of perception, which includes the concept of the cinematographic mechanism of thought. The case for analysis is the film "Blowup" (1966) directed by Antonioni. It is shown that the time stops in the photo. We observe a time interval played in front

of the camera in the cinema. The human eye gets the opportunity to meet with the surrounding world, as it is recorded by the matter itself (cine-eye).

Key words: cinema, photography, cinematographic thought, time in cinema, time in photography.

ON THE EVE OF THE 4TH INTERNATIONAL SYMPOSIUM
“AUSTRIA AS A CULTURAL CENTER OF EUROPE”

Pestova N. W. O. Kokoschka’s “The Dreaming Boys” in the Context of Vienna Art Nouveau.....37

“The Dreaming Boys” of O. Kokoschka is the first new poem of Austrian expressionism, which emerged within the culture of Viennese Art Nouveau. Kokoschka rejected the connection of this poem with S. Freud’s “Interpretation of Dreams”. However, illustrations and the text very well resonate with Freud’s basic idea about the nature of dreams: “Thoughts and content of dreams appear to us as two images of the same content in two different languages”. Kokoschka himself overtly says in this poem that it should be read in two languages simultaneously: the language of words and the language of visualization. He demonstrates with his poem that “dreams are the hidden desire”. The familiarity with the work turns into a search for the true essence of this desire, which is depicted on lithographs in a concealed, encrypted manner, while in the poem the desire is hidden in linguistic metaphors and symbols, allusions and reminiscences.

Key words: Vienna Art Nouveau, modernism, Austrian expressionism, “dual talent”, O. Kokoschka, S. Freud, “The Interpretation of Dreams”, metaphor, symbol, allusion, reminiscence.

Lobovikov V. O. Gödel’s Mathematical Theology and a Proof of God’s Omnipresence by “Computing” Relevant Compositions of Evaluation-Functions in Two-Valued Algebra of Metaphysics 50

The great Austrian mathematician and logician — Kurt Gödel is considered as a philosopher and a theologian. Special attention is given to his summon to mathematize philosophy and theology, logically to explicate them for making more clear and intellectually respectable. In this relation Gödel is not a positivist but an adherent of metaphysics and theism. Being inspired by the summon of Gödel and trying to go further in the indicated direction, the author of this paper constructs a discrete mathematical model of the mystic tenet “God is everywhere”, in which (model) the tenet is substantiated by “computing” relevant compositions of evaluation-functions.

Key words: philosophy in Austria, Gödel, mathematical theology, omnipresent God, algebra of metaphysics as algebra of formal axiology.

Cherepanova E. S. A. Meinong’s Philosophy in the Context of Austrian Realism: Reality and Actuality .58

In the article, Alexius Meinong’s theory of object is analyzed in order to explore the relation of reality and actuality. Ontological and epistemological status of objects remains a hotly debated issue in philosophy. The author assesses Meinong’s contribution to this debate on the basis of historical-philosophical approach. It is argued that his philosophy can be considered an outcome of Austrian philosophical culture whose main feature was realism.

Key words: A. Meinong’s theory of objects, reality, actuality, being, existence, Austrian philosophy, J. F. Herbart’s realism, B. Bolzano’s realism, Intentionality, psychic acts.

Kelsen H. Norm and Value.....71

In the paper “Norm and Value” published in the journal of the University of California in 1966, Kelsen presents basic ideas of normativism. In his reasoning, Kelsen emphasizes evaluation and interpretation of actions not only from the standpoint of “is” and “ought” but also in the context of intentional and volitional nature of action. The purposefulness of human behavior which aims at specific outcome can be estimated from the position of positive and negative values. Values cannot be reduced solely to moral obligations and imperatives; values offer a criterion for assessing actions as lawful or unlawful. According to Kelsen, normativity of law is manifested in normative and value judgments. A specific kind of such judgments exists in those court decisions in which a judge analyses factual conduct from the viewpoint of its compliance or noncompliance with applicable legal regulations. This analysis of different types of judgments allows Kelsen to clarify the most complex aspects of the philosophical and legal doctrine of normativism.

Key words: normativism, legal norm, value, H. Kelsen.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Leontyev G. D. Anti-Utopia of the Postmodernism or Postmodernism of the Utopian? 78

The article analyzes the specific transformations of the essential characteristics of the utopian phenomenon in the context of the transition to the post-modernistic paradigm, which is intrinsic for the world outlook. The author reveals the directions of adaptive mutations of utopian invariants in the post-modernistic space as well as the corresponding innovative forms of the utopian. On this basis the conclusion is made about the viability of the social-projective, utopian intentions which determine the polyvariant forms of transformations of the classical utopia as well as the succession and reconsideration of metaphysical grounds of the utopian after modernism.

Key words: utopia, anti-utopia, utopian invariants, modernism, discourse of the world outlook, post-modernism.

Glazyrin V. A. Which Institutions Are Essential for Establishing Legal Order: Sociological Analysis 86

Legal institutions are an essential part of institutional foundation of any modern society. Establishing legal order is considered in the article on the basis of institutional analysis of phenomena and changes in social life. It is emphasized that establishing legal order is a contradictory process of interaction of legal institutions with other social institutions. The aim of the article is to analytically consider the place and the role of legal institutions in the institutional system of a society in terms of establishing legal order.

Key words: institution, law, legal order, social institution, contradiction.

Merenkov A. V., Antonova N. L., Vandyshev M. N. Health Practices of the Population in the Conditions of Social Uncertainty 92

The paper presents a sociological interpretation of health practices of population in conditions of social uncertainty, which is caused by the socio-economic crisis. Traditional methods of treatment are used along with alternative medicine. This produces certain health risks and can threaten the life of patients. Social uncertainty contributes to the growing demand for non-conventional methods of prevention and treatment of diseases. The paper describes a recourse of the population to the sorcerers and healers, the use of alternative methods of healing (leech therapy, acupuncture, etc), parapharmaceuticals.

Key words: health practice, health, medicine, social risk, social uncertainty, crisis.

Prakhova E. V., Smirnova O. G. Professional Self-Determination of High School Students in Large City and Small Town 99

The article analyzes comparatively peculiarities in professional self-determination of students who live in a large industrial center, such as Ekaterinburg, and in the small town Shadrinsk of the Kurgan region. Theoretical considerations of professional self-determination allow us to establish main external and internal factors affecting adolescents' choice of profession that suits both personality traits and social demands. It is proved that students from a small town show higher independence in search of labor occupations, which correspond to their interests. They are more likely to take into account the possibility of future employment beyond their place of residence when choosing a profession after graduating from college or university.

Key words: students, profession, professional self-determination, large city, small town.

Zayko A. P. College Students' Social Activity in Social Network: Regional Aspect 106

The problem of social activity of young people is very salient. Today, social activity of young people, including students, relocates to virtual reality. The research aims to study how social activity of college students is manifested in social networks. The research is empirically based on the findings of quantitative and qualitative sociological analysis conducted by the authors in 2014–2016 in Chelyabinsk. The study has elucidated that the shift of social activity of college students to social networks leads to negative consequences for them, namely: reduction of interaction between partners, addiction to the Internet, the mythologization of consciousness.

Key words: college students, social activity, social network, reduction of interaction, addiction to the Internet, mythologization of consciousness.

- Notman O. V., Bagirova A. P.* Dynamics of City Infrastructure in Estimates of the Population of Ekaterinburg..... 113

In the article, Ekaterinburg residents' attitudes to the changes of city infrastructure that occurred in recent years are analyzed. Opinions of citizens are collected during the representative survey of the population conducted in 2016. Three main indicators were used to measure citizens' assessment of changes: general improvement of urban environment, satisfaction with various areas of life in the places of residence, sufficiency/deficiency of the infrastructure benefits. Key factors that determined assessment of city infrastructure dynamics by the population are revealed.

Key words: city infrastructure, dynamics, changes, Ekaterinburg, urban population.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

- Seidov V. G.* The Genesis of the Modern Concept of Information Security and the Role of Mass Media in Its Implementation..... 124

The article aims at reconstructing the origin and historical background of different interpretations of the category of security, including national security and information security, social security as well as various forms of security and their relationship. It also analyzes objective and subjective factors of risks and threats, criteria for protection and security, principles of national security, the role of mass media in information security, types and directions of information interventions, information security facilities, particularly on the Internet as a modern information system and information weapon.

The author concludes that information security is the main form of security in today's society; creation of an effective system of protection against threats largely depends on ensuring appropriate information policy that meets the needs of the time. It is shown that strengthening the institutional and technological bases of information segments, the establishment of mutually beneficial international cooperation in the field of information security are essential for information security on a global scale.

Key words: national and information security, security of state, international information security, communication media.

- Zamov E. A.* Modern Ideological Foundations of the Communist Party of Japan..... 131

In the article, political principles of the Communist party of Japan are analyzed. The work is based on the documents of the Communist party of Japan, books, articles and interviews of leaders of the CPJ. Historical roots of their views as well as relation of CPJ's principles to main ideologies are considered. CPJ's reform plans are assessed.

Key words: Japan, communism, Communist party of Japan, democratic socialism.

INTERNATIONAL RELATIONS

- Sakaev V. T.* Eurasian Economic Union: The Aspects Of Political Demography 141

The article investigates the Eurasian Economic Union from the perspective of political demography. The union includes countries that significantly vary in their demographic and economic conditions. This often leads to diverging goals and strategies of the members in their domestic and foreign policies. In the world population and world economy, the size of this union is insignificant, and it is unable to have substantial impact on global trends. The prospects for the EAEU's expansion are limited by a number of ideological and geopolitical factors and at present has any potential for growth only in Central Asia. As a result, at this stage, its expansion cannot enhance the quality of its performance. Thus, the EAEU cannot claim the role of a new economic center of Eurasia. It seems that the EAEU is used primarily for geopolitical purposes rather than for genuine integration union and real economic interests.

Key words: the Eurasian Economic Union, Political demography, expansion, World Politics, World Economy.

Kamynin V. D. The Role of Bilateral Agreements Between Russia and Central Asian Countries in Strengthening Regional Security at the Turn of the 20th Century 154

The article analyzes the international legal basis of relations of Russia with Central Asian states in the field of security. It focuses on bilateral agreements between Russia and Central Asian countries and argues that they are the main factor in establishing mutual trust among these states. The evolution of bilateral relations, the successes and challenges of bilateral cooperation are described.

Key words: security, the Central Asian region, Russia, bilateral relations.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Gudova Y. V. Culture of Empire, Imperial Culture, Cultural Imperialism: Discussion of Methodological Approaches 171

In the article, the variety of the scientific approaches to studying culture of empires, imperial culture and a cultural imperialism is analyzed. Advantages and disadvantages of historical and politological approaches to studying social, cultural, mental and anthropological aspects of modern forms of empires and of imperialism are discussed. The conclusion is drawn that system-structural approach is the most productive for a research on a system of culture and empire. On the basis of this approach, cultural and philosophical model for analyzing imperial culture, culture of the empire and a cultural imperialism is offered.

Key words: empire, culture of empire, imperial culture, cultural imperialism.

TRANSLATIONS

Ambrosius Theodosius Macrobius “Commentary on The Dream of Scipio” 181

It was the Latin adherents of Platonism and Neoplatonism who produced the most notable works among philosophical texts of the late Roman Empire. Western (Neo-)Platonists often referred to Pythagorean and Platonic ideas expounded in the Dream of Scipio, a fragment in the final part of Cicero’s “De re publica”. Macrobius who authored “Commentary on the Dream of Scipio” was a key figure in introducing and popularizing this Ciceronian literary plot for posterity. On Macrobius’s life very little is known with certainty. M.S. Petrova’s short biography of Macrobius offers all information on him and his writings that is available. The Commentary, however, had a lasting impact and is discussed in a number of academic studies. Most of these studies highlight the platonic heritage in Macrobius’s thought. V. Stahl emphasizes that the Commentary served the principal source of knowledge about Platonism in the Latin West in the Middle Ages.

The chapters of Macrobius’s Commentary translated below include his defense of Plato’s doctrine of the auto-motion of the soul and his refutation of Aristotle’s criticism of this platonic doctrine.

Key words: soul, motion, Plato, Aristotle.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3
Общественные науки

2017. Т. 12

№ 2 (164)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 26.06.2017. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,6. Усл. печ. л. 16,9. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 210.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;

- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;

- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;
б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических или политологических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
г) заголовок статьи на русском языке;
д) краткая аннотация (ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
— основные этапы анализа или аргументации;
— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация должна отражать специфику работы и быть максимально конкретной;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	